

Ш Е Д А Б Р А Й Т

НЕСВОБОДНЫЕ

18+

Шеда Брайт

Несвободные

«Автор»

2026

Брайт Ш.

Несвободные / Ш. Брайт — «Автор», 2026

Он был ее рабом, она – его госпожой. Военное вторжение навсегда изменило их судьбу: плененный маг стал солдатом, а воинственная дочь ярла попала в рабство. На охваченном войной материке, среди подлости, заговоров и лишений, их ждет новая жизнь. Они пройдут долгий путь, и главным на том пути будет не обрести друг друга, а сохранить себя.

© Брайт Ш., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть 1	5
Глава 1	5
Глава 2	27
Глава 3	55
Глава 4	70
Глава 5	80
Глава 6	101
Ча	132
Конец ознакомительного фрагмента.	133

Шеда Брайт Несвободные

Часть 1

Глава 1

В конюшне воняло сырым сеном и кровью. У входа, лежа на боку, всхрапывала лошадь. В пылу схватки кто-то задел ее топором. Животное медленно умирало в луже крови, перемешанной с кишками и испражнениями. Никто не догадался ее добить, победители методично выносили все мало-мальски ценное из домов. Асгерд решил заняться чем поинтереснее, потому, прихватив себе фигуристую пленницу, увел ее в дальнее стойло, подальше от хрипящей кобылы.

– Ну-ка, дорогуша, покажи, что умеешь. Только будь поласковее. Я правда не хочу выбивать тебе зубы, но если дернешься, придется.

– Я все сделаю, – всхлипнула напуганная девушка.

Разбитая губа не портила ее личика с маленьким аккуратным носом и большими голубыми глазами. При лунном свете, бьющем из окна, Асгерд разглядел, что она действительно красива. За такую на невольничьем рынке можно выручить кругленькую сумму. А сейчас она полностью в его власти. И, что еще приятнее, бесплатно.

– Ну так начинай, – мужчина схватил ее за волосы, притянул к животу.

– Вы... отпустите меня... как обещали? – она помедлила, ковыряясь с ремнем.

– Конечно-конечно, давай уже, отработывай свою свободу. У меня не так много времени.

– Асгерд, – послышался из тени прохода женский голос, похожий на шипение разозленной змеи.

Мужчина дернулся, как от удара. Девушка внизу вскрикнула – он вцепился ей в волосы и, похоже, вырвал несколько.

– Ирс, ты не видишь, что я занят?! – совладав с собой, возмутился Асгерд.

– Я вижу, что ты отлыниваешь от обязанностей и портишь товар.

На свет вышла Ирсора, его старшая сестра. Руки сложены на плоской груди, смотрит с презрением. Как всегда, вся в черном, от кожаных сапог до кольчуги, которую кузнец ковал на пару с шаманом, только волосы светлые в тугой косе. Говорят, чем светлее волосы, тем светлее душа, только не в случае Ирсоры. Асгерд оттолкнул от себя пленницу и расправил плечи, оказавшись на голову выше сестры. Та не отвела взгляда, и мужчина разозлился:

– Да будет тебе известно, что я сделал все, что мне было велено. А товар я не портил.

– Потому что я тебе не позволила. Убери свои причиндалы в штаны и иди к отцу. Он тебя ждет, – процедила Ирс, резко нагнулась к сидящей на соломе пленнице, обратилась к ней со сталью в голосе. – Хватит реветь. Вставай. Я отведу тебя обратно. Прослежу, чтобы больше никто не утащил.

– Зачем я понадобился отцу? – заворчал Асгерд, затягивая ремень и поправляя жилет.

– Сам у него спроси.

Мужчина прошел мимо Ирсоры, задев ее плечом. Она не пошатнулась. Как только он покинул конюшню, пленница встала, отряхнула изорванное грязное платье от соломы и вылупилась на Ирс овечьими глазами.

– Спасибо. Я... я так испугалась...

Ирс схватила ее за руку и потащила к выходу. Когда они проходили мимо жалобно всхрапывающей лошади, пленница заартачилась. Спасительница больно дернула, заставляя пройти по луже крови. Как только они вышли на свежий воздух, Ирсора спросила:

– Как тебя зовут?

– Агена.

– Ты нетронутая?

– Ч-что?

– Девственница?

– Д-да.

– Вот и славно. Ты должна такой и остаться. Я позабочусь. За нетронутую на невольничьем рынке дадут двойную цену.

– Асгерд обещал мне свободу, – тихо, но твердо произнесла пленница.

Ирсора ударила ее ладонью по уху, да так, что, если б не железная хватка, девушка бы упала. Сквозь звон в голове она расслышала слова спасительницы:

– Не «Асгерд», а «господин». Или «господин Асгерд». Ты теперь – наша собственность. Никто не даст тебе свободу, что бы ты ни сделала. Так что нечего ни под кого стелиться, а то по шее получишь. Мне важно доставить тебя и остальных до Рыка в целости. Была бы ты поумнее, молила бы своих скотских богов не о свободе, а о быстрой и милосердной смерти.

Пленница всхлипнула. Оставшуюся дорогу шла молча, держась свободной рукой за ухо. Их держали в загоне под охраной трех воинов. Ирс втокнула приведенную девушку к остальным пленникам и строго-настрого запретила выпускать, даже если этого потребует Асгерд. Ирсору охранники боятся больше, чем ее брата, потому приказ выполняют. Она окинула взглядом загон и отправилась к отцу. Дюжина выживших – новых рабов, которых нужно будет сопроводить в Рык, ближайший город с невольничьим рынком. По дороге она перехватила воина и дала указание добить кобылу у конюшни – нечего мясу пропадать. Как только тот ушел выполнять поручение, к ней приблизился раб в кожаном ошейнике, украшенном рунами:

– Я тебя везде ищу.

– Прибирала за братцем, – девушка злобно сплюнула, ругнулась. Махнула рукой, чтобы юноша следовал за ней. – Кaleb, ты слышал, что в шатре ярла творится?

Официально Кaleb принадлежал ее отцу, а на деле вынюхивал для нее все, что происходило рядом с тронем. Пару лет назад юношу захватили в плен. Как только выяснилось, что он маг, шаман соорудил для нового раба заговоренный ошейник, блокирующий магические способности, а Ирсора уговорила отца не продавать Калеба и занялась его обучением. Поначалу больше всего Калеба расстраивала недоступность магии, позже стало возмущать презрительное отношение окружающих. Ирс оказалась единственной, кто относился к нему почти как к равному, за что он платил безоговорочной верностью.

– Ничего интересного. Ему сейчас отчитываются о набеге.

– А Асгерда он зачем вызвал?

– Чего не знаю, того не знаю, – Кaleb вздохнул и виновато потер шею возле ошейника.

– Меня выгнали, как только он зашел, я отправился искать тебя.

– Дела для наследника, – фыркнула Ирс.

Маг повернулся к ней. Небывалая роскошь, которой из всех рабов удостаивался только он – смотреть госпоже в глаза.

– Наследницей должна быть ты. Ты старше, умнее и добила большего уважения.

– Я женщина, – поморщилась Ирсора. – Меня уважают воины, которыми я команду, а не обычные жители. Следующим ярлом станет этот кусок дерьма Асгерд.

– Несправедливо... – Кaleb покачал головой. – Мне кажется, будь ты наследницей, между вами и ненависти стало бы меньше.

– О нет, – засмеялась Ирс. – Наша ненависть тянется с детства, когда он разmozжил голову моему щенку.

– Детства? – юноша склонил голову набок, прося уточнений.

– Мне было семь, а ему – шесть. Это называется детство, Кaleb, – раздраженно пояснила девушка.

– Откуда в таком раннем возрасте столько жестокости?

Ирсора насмешливо посмотрела на него. Даже проживая с воинами медвежьего племени, остается мягкосердечным. Хотя за два года Ирс умудрилась вбить ему в голову немного мозгов. Они прошли мимо жилых домов, из которых вынесли все ценности и теперь поджигали. Еще года полтора назад Кaleb не мог находиться в захваченной деревне, зато теперь не обращал внимания на крики людей, кровь под ногами и треск пламени. Отсветы пожарища плясали на лице юноши, придавая мягким чертам суровости. Обманчивое впечатление, ведь он оставался все тем же юнцом, которого еще учить и учить.

– В отместку я подкинула Асгерду в кровать ядовитую змею, – пожала плечами Ирс. – А он нажаловался отцу. Уже тогда вел себя, как мразь, не желал самостоятельно решать проблемы. Я про щенка родителям не рассказала, потому оказалась виновата. Меня в наказание три дня держали в яме.

– Мне жаль, что такое с тобой случилось, – голос Калеба дрогнул.

Девушка не сдержалась и засмеялась в голос. Раб мог достойно сносить жестокость к себе, перестал испытывать жалость к пленникам, но ко всему, что происходило с Ирс, относился с трепетом.

– А мне не жаль, – жестко ответила она. – Неизвестно, что со мной сделалось бы, будь в мире хоть одно существо, которое любило бы меня.

– Я тебя люблю, – глухо произнес юноша, не опуская взгляда.

Ирсору забавляла его пылкость. Оба прекрасно понимали, что, несмотря на ее благосклонность, между рабом и госпожой всегда будет непробиваемая стена. И даже с этим знанием Кaleb не отступал. Недавно ему исполнилось восемнадцать, и двадцатилетняя Ирс, уже получившая первый костяной браслет, считала молодого мага мальчишкой. Она посерьезнела, кивнула на толпу воинов впереди:

– Я пойду одна. Нечего рабу толкаться с вольными людьми. Погуляй пока.

Не оборачиваясь, девушка направилась к переносному шатру. За Кalebом давно перестали приглядывать, он свободно перемещался по лагерю. Юноша все равно не сбежит – ошейник, не позволявший пользоваться магией, зачаровали таким образом, что только хозяин или его кровные родственники могли освободить мага. Кaleb на свободу почти не надеялся, но предпочитал держаться поближе к хозяину и его дочери. Убеги он – и даже призрачная надежда на возвращение способностей испарилась бы. Да и поймали бы быстро, а в наказание за побег убивали или отрезали какую-нибудь конечность. Все же лучше оставаться целым. Не говоря уж о том, что ему не хотелось покидать Ирсору. Раб развернулся и направился к загону с пленниками. Один из охранников при виде него напрягся:

– Ты что тут шастаешь? – беззлобно спросил он.

– Их кормили? – Кaleb кивком показал на сгрудившихся в углу испуганных людей.

– Тебе-то какое дело?

– Ну... – юноша своевременно опустил взгляд, – надо же, чтобы они живыми до Рыка добрались.

– Кaleb-Кaleb, – вздохнул самый старший охранник, у которого заплетенная борода доходила до середины груди. Он говорил беззлобно и устало, – вот ты вроде умный, а вечно лезешь не в свое дело. Избаловали тебя хозяева. Мне что, тебя палкой огреть, чтобы знал свое место?

– Я принадлежу ярлу, и только ярл может меня наказать, если сочтет нужным, – твердо ответил Калев.

Для раба он вел себя дерзко, что раздражало воинов.

– Их недавно кормили, уйди. Ирсора запретила кому-либо к ним подходить, так что кыш отседова. Сам знаешь, ярл не будет гневаться, если я тебя проучу этой вот дубиной.

Раб вжал голову в плечи и посеменил мимо загона. Его тихо позвала девушка в грязном платье.

– Эй! Эй ты! Ты ведь тоже раб? Я видела, как ты говорил с той светловолосой девчонкой. Она сказала, нас собираются продать. Это правда?

Калев замедлил шаг, украдкой оглянулся. Убедившись, что охранники на него не смотрят, подошел ближе к загону и прошептал:

– Правда. И не называй Ирсору светловолосой девчонкой. Теперь она – твоя госпожа, от нее зависит, привезут тебя в Рык целой или по частям. Так что веди себя потише. Не приставай к тем, кто проходит мимо.

– Помоги мне сбежать, – всхлипнула девушка. – Меня зовут Агена. Я никому не сделала ничего плохого. Мне страшно. Я хочу убраться отсюда!

Калев замер. Медленно повернул к ней голову. Девушка выглядела, как его ровесница, и юноша не мог понять, то ли она отчаянная, то ли тупая. Сделав глубокий вдох, он заговорил тихо и медленно, чтобы пленница уразумела:

– Ты так и не поняла, в чьи лапы попала? Ты в плену у Игрета Полумесяца, одного из сильнейших ярлов. Теперь твоя жизнь в его руках. А я – всего лишь раб. И, раз уж на то пошло, о твоей просьбе должен рассказать хозяину, – юноша закусил губу. – Но он сейчас занят, я не хочу отвлекать его попусту. Сделаю вид, что ничего не слышал, иначе крепко влетит нам обоим.

Он опустил голову, быстрым шагом пошел прочь от загона. Внутри все сжималось от жалости к пленникам и чувства собственного бессилия. Будь он свободен, будь он без ошейника, он бы еще мог как-то им помочь. А тут – что он может сделать? Разве только выпросить у Ирсоры дополнительный паек для пленных, не более. Раб должен знать свое место. Калев нервно потер кожу рядом с ошейником и искоса глянул на возвышающийся среди палаток шатер.

В шатре ярла стояла тишина. Ирс отодвинула шкуру, загораживающую вход, прошмыгнула внутрь и замерла в тени. Игред Полумесяц, немолодой широкоплечий мужчина с седой в темно-русых волосах, буравил взглядом Асгерда, пристыженно склонившего голову. Ирсора скрестила руки на груди, наслаждаясь зрелищем. Вряд ли кто-то успел рассказать ярлу о поступке сына в конюшне, значит, есть еще повод для отцовского гнева. Девушка пожалела, что не застала начала разговора, хотя тогда могла тоже схлопотать, за компанию. Игред славился крутым нравом, особенно по отношению к своим отпрыскам. По разумению ярла, они должны служить примером, потому он не прощал ошибок.

– Дочь, подойди, – грозно произнес Игред, не сводя глаз с Асгерда.

Ирсора нехотя приблизилась к высокому креслу, заменяющему в походе трон. Тон отца не предвещал ничего хорошего, и могло статься, что гнев, вызванный братцем, падет на нее. Девушка встала рядом с Асгердом, выпрямилась, сложила руки за спиной. Запоздало вспомнила, что не умылась. Кожу на щеке и части шеи стянуло от запекшейся крови. Оттирать уже поздно.

Игред Полумесяц осмотрел ее с головы до ног и хмыкнул. Повернулся к Асгерду, кивнул на дочь:

– Так выглядят настоящие воины, сын. Посмотри на кольчугу, оружие и осанку. Она в любой момент готова к бою. А ты?

Ирсора, не поворачивая головы, скосила глаза на брата. Он всегда предпочитал богатство практичности. Даже сейчас красовался в шелковой синей рубаше и отороченном мехом жилете с золотой вышивкой. Штаны он заправил в высокие сапоги, которые успел перед приходом к ярлу как следует начистить. Высокий, плечистый, как отец, Асгерд унаследовал голубые глаза и любовь к роскоши от матери. В Арате, их городе, братец считался первым красавцем, все девушки на выданье вздыхали по нему. Только мало кто из них понимал, какая мерзкая натура скрывается за привлекательной внешностью. Ирсора знала, какой он ленивый, похотливый подлый себялюбец.

– А мне хватило мозгов привести себя в порядок перед встречей с ярлом, – Асгерд многозначительно уставился на испачканное лицо Ирс.

– Я позволял тебе пререкаться, щенок? – Игред встал с кресла, подошел к сыну и отвесил ему подзатыльник.

Тяжесть отцовской руки Ирсора не раз испытывала на себе, потому не удивилась, что Асгерд от удара чуть не повалился вперед. Он удержал равновесие, схватился за голову, болезненно морщась. Короткая светлая борода не скрыла злобно сжатых челюстей. По его взгляду девушка поняла, что он уже прикидывает, как отыграться на ней за унижение.

– Прости, отец, я был не прав, – пробормотал Асгерд.

Довольный ярл уселся обратно в кресло.

– Так-то лучше. Пусть это послужит тебе уроком. И, я надеюсь, больше ты не станешь мне перечить.

– Отец... – начал было Асгерд, но ярл жестом прервал его и повернулся к Ирсо́ре.

Та за все время не пошевелилась. Стояла навытяжку, жадно вслушиваясь в каждое слово. Ей безумно хотелось узнать, что такое важное обсуждали отец и братец до ее прихода. Судя по ссоре, на предмет разговора они имели противоположные взгляды, что раздражало любопытство, ведь обычно Асгерд, пусть и с неохотой, выполнял все поручения ярла.

Игред склонил голову набок, что-то обдумывая, потом заговорил:

– Завтра на рассвете Асгерд возьмет часть воинов и отвезет ценности домой. А мы с тобой, Ирсо́ра, отправимся в Рык. Пристроим там рабов, потом поедем в Арату.

– Отец, – хрипло произнесла Ирс, – я надеялась, что в этот раз ты позволишь мне самой вести дела в Рыке.

Она очень осторожно подбирала слова. Доносить до ярла, что не хочешь ехать с ним, не хочешь быть на вторых ролях, следует аккуратно. Ему плевать на твое желание проявить себя и заслужить второй костяной браслет. Игред Полумесяц требовал безоговорочного послушания, потому пререкаться с ним не стоило. Чего доброго, отправит в Арату, а с собой возьмет Асгерда.

Ярл оценивающе взглянул на сына, сложившего руки на груди. Потом вздохнул и ответил Ирсо́ре:

– Уж не знаю, за какие прегрешения боги наказали меня, сотворив тебя девочкой. Не было дня, чтобы я не жалел об этом. Будь ты мужчиной, я бы, не задумываясь, уже сейчас передал тебе часть дел.

Ирс гневно раздула ноздри. Слова ярла резали больнее ножа. Она – его первенец, умелая воительница, способная ученица, но для продажи нескольких рабов ей требуется мужское покровительство. Ей хотелось сказать отцу, что она тоже жалеет о своем появлении на свет именно в его племени, где женщинам позволено сражаться, но не позволено торговать и наследовать титул. Она бы предпочла родиться в северных племенах, где к женщинам и мужчинам равное уважение и не нужно из кожи вон лезть, доказывая, что ты не хуже тупоголового брата.

Ирсора изобразила на лице улыбку и произнесла:

– Спасибо, отец. Прости, что разочаровала тебя еще при рождении.

Девушка постаралась, чтобы голос звучал покаянно, а не ядовито. Асгерд удовлетворенно хмыкнул. Он так и не понял, что Игред своими словами, направленными к дочери, унизил и его.

На выходе из шатра девушка уловила в тени движение. Она пропустила брата вперед, а сама сделала несколько шагов в сторону, достав из ножен кинжал. Рванулась, схватила прятавшегося раба за тунику из грубой ткани, занесла клинок:

– Ты слишком шумно прячешься, Калев.

– Я не прятался, – ответил раб, не отрывая взгляда от застывшего перед его лицом лезвия.

– Много слышал?

– Почти все, – Калев сочувственно покачал головой. – Мне жаль.

– Не смей меня жалеть, раб, – прошипела Ирора и оттолкнула его. Юноша оступился, упал в грязь.

– Ирс, я же...

– Иди проверь лошадей. На рассвете мы выступаем, – уходя, бросила девушка.

Калев встал, отряхнул одежду, мысленно ругая свой длинный язык. Грязь пропитала ткань, и маг махнул рукой. Проще будет содрать корку, когда высохнет, а при случае выстирать. Он направился к лошадям и не сразу заметил, как рядом зашагала рабыня в мешковатом платье, с черными волосами, забранными в хвост ярко-алой лентой. Алиша. Ее только не хватало.

– Смотрю, хозяйка обошлась с тобой грубо, не приласкала, как обычно, – приторным голосом произнесла она.

– Ирора – моя госпожа и поступает так, как считает нужным, – скрипнув зубами, ответил Калев.

– Бедный маленький маг, даже ответить ей не можешь, ай-я-яй. А наверное, так хотелось?

– Алиша, что тебе надо? – Калев резко остановился.

Девушка по инерции сделала несколько шагов, обернулась и слащаво улыбнулась:

– Ой, да я же как лучше хотела. Поддержать тебя, ты ведь такой бедный, одинокий.

Юноша закатил глаза. Алиша, рабыня от рождения, вечно цеплялась к нему, провоцировала. Рядом с ней приходилось внимательно следить за языком. Когда его только пленили, она строила из себя сочувствующую. Молоденькая, шустрая рабыня сначала вызывала симпатию, и как-то раз юный маг с ней разоткровенничался, а потом очень удивился, когда его избили и закрыли в яму на несколько дней. Он не сразу понял, что все его слова передавались Асгерду, которому рабыня принадлежала. Рабыня была под стать хозяину: лживая и двуличная.

– Мне не нужна твоя поддержка, – медленно, с расстановкой произнес маг.

– Ты расстраиваешь меня, Калев. Нам, рабам, нужно держаться вместе. Ну признайся, тебе же хотелось дать сдачи госпоже Ироре? Тебе же хотелось... Калев! Ты куда? Подожди!

Она чуть не бегом устремилась за ускорившим шаг юношей. Ее мерзкий голос раздражал, а слова углубляли сожаление о том, что он расстроил Ирс. Маг опять резко остановился, схватил Алишу за плечи и прорычал в лицо:

– Оставь меня в покое!

Та только глазами захлопала. Молодой раб не мог ее испугать.

– Калев, ты слишком разволновался, – ее голос походил на засахаренное варенье. – Хочешь, я тебя успокою? А потом ты мне расскажешь... Эй!

Юноша не нашел ничего умнее, кроме как убежать от нее. Он рисковал вызвать недовольство вольных людей, которые могли его действие расценить как попытку побега, но с ними он еще мог бы поговорить, а вот от Алиши требовалось срочно спрятаться. Если Асгерд дал ей задание спровоцировать Калеба, она просто так не отстанет. А ему не хотелось своим поведением подставлять Ирору. Он пробежал мимо горящих зданий, через дымящуюся арку, обогнул бревенчатый храм и деревянную статую в виде женщины с коровьей головой. Дом скотского бога горел ярче других.

Кaleb перешел на быстрый шаг. Он надышался дыма, устал и хотел спать. Не говоря уж о том, что прямо сейчас нарушал прямой приказ госпожи, за что мог схлопотать что-то похуже купания в грязи. Все, чего ему хотелось, – скорее добрести до коновязи и лечь спать, ведь он должен встать до рассвета, чтобы подготовить к путешествию лошадей Ирсоры и Игрета Полумесяца.

Его взгляд, равнодушно блуждающий по охваченным пламенем домам, зацепился за что-то. Кaleb не сразу понял, почему остановился. В сонном сознании молнией вспыхнула мысль. Юноша поискал глазами то, что его удивило. Рядом с горящим деревянным домом лежало тело. Он видел трупы повсюду: на дороге, у храма, в кормушках домашнего скота, который воины Игрета увели со дворов. Вид мертвых людей уже не вызывал паники и приступов тошноты. Кaleb не раз видел бойни, которые устраивало племя Игрета Полумесяца. Только это тело, слишком маленькое для взрослого человека, шевелилось. Маг подбежал, нагнулся и, повернув его, взглянул на лицо. Внутри все оборвалось. На него смотрели большие испуганные глаза мальчика лет шести.

– Святые, за что мне все это? – пробормотал Кaleb и поднял ребенка на руки.

Выпрямившись, юноша охнул – мальчонка оказался тяжелее, чем он думал. Рабу, несмотря на худобу, приходилось таскать тяжести, но обычно юноша бывал в такие моменты хотя бы выспавшимся. Кaleb прикинул, что за двое суток дремал пару часов и еще неизвестно, удастся ли прикорнуть после рассвета. Ребенок в его руках захныкал. Мальчика нужно срочно вытащить из задымленной местности. Кaleb закусил губу, лихорадочно соображая. Что ему делать с маленькой жизнью, оказавшейся в руках? Молодой маг удобнее перехватил ношу и направился вперед. Решение далось невероятно тяжело, но иначе малец погибнет.

– Госпожа, прошу, простите мне непочтение. Умоляю о снисхождении, дело очень срочное!

Ирсора вылезла из палатки с взъерошенной косой и хмурым взглядом. В отличие от брата, который спал в шатре, размерами немногим меньше ярловского, Ирс ночевала рядом с воинами, имея из привилегий отдельную односпальную палатку. Кaleb старался никого не разбудить. Разговор предстоял деликатный, лишним ушам не нужно его слышать.

– Ты должен быть рядом с лошадьми. И что ты притащил? – проворчала хозяйка.

– Госпожа Ирсора, я...

Кaleb, не зная, как объяснить, развернул ворох тряпья, в которое был укутан ребенок. Похоже, именно оно и не дало мальчику задохнуться в дыму. Он жадно дышал, хрипел и тихо кашлял. Ирсора несколько мгновений молчала, глядя на ношу раба.

– Я точно помню, что отправила тебя к коновязи, – она изогнула бровь, требуя объяснений.

– Да. Прости, я туда не дошел, – Кaleb отбросил формальности и постарался скрыть дрожь в голосе. – Так случилось, что я нашел в деревне ребенка. Ему срочно нужна помощь. Но если я отнесу его к лекарю, появятся вопросы.

– Ты ослушался моего приказа, а потом разбудил, чтобы прикрыть свой зад? – девушка закипала.

– Ирс, – с чувством прошептал маг, – я шел к коновязи, а тут появилась Алиша, я еле отвызался от нее, мне пришлось... да какая разница, что случилось? Я прошу тебя спасти ребенка. Хотя это сложно назвать спасением, – закончил он чуть слышно.

– Ах Алиша, – с плохо скрываемым раздражением протянула Ирсора. – Я не сдвину с места, пока ты не расскажешь мне все.

Кaleb закатил глаза и послушно объяснил, как оказался на подожженном участке деревни. Ирсора протянула руки, требуя передать ей мальчика, в ее взгляде плескалась ярость.

– Когда уже научишься постоять за себя, ничтожный ты кусок дерьма? – прошипела она, направляясь в сторону лекарского шатра.

– Я не хотел ввязываться в драку! – в сердцах воскликнул Кaleb, поспевая за хозяйкой.

– Конечно, Алиша бы тебе наваяла, – буркнула Ирс. – Зато в следующий раз подумала бы хорошенько, прежде чем к тебе приставать.

Кaleb шумно вздохнул. Бессмысленно объяснять воительнице, что ему претила мысль ударить девушку, пусть даже такую мерзкую, как Алиша.

– Зато теперь у вас на одного раба больше, – сокрушенно произнес он.

Юноша не желал ребенку такой судьбы, но иного решения не видел. Спрячь он его где-нибудь в укромном месте, мальчик мог не дожить до утра, да и что бы делал один в разоренной деревне после ухода воинственного племени?

– Тут ты поступил правильно, – сказала Ирсора, словно прочитав мысли раба.

Кaleb, достаточно изучивший хозяйку, уловил в ее голосе нотку одобрения. В ее глазах он действовал на благо племени, которое выручит за ребенка какие-никакие деньги на невольничьем рынке.

– Пожалуйста, найди ему хорошего хозяина, – только и смог выдавить Кaleb.

– Мягкосердечный болван, – насмешливо ответила Ирсора. – Иди выполняй свои обязанности. Рассвет скоро.

Кaleb благодарно склонил голову и свернул в сторону коновязи.

Утро наступило неумолимо быстро. Маг так и не успел передохнуть. Он клевал носом, сидя в телеге с припасами и другими рабами. Оставалось радоваться, что Алиша отправилась домой вместе с Асгердом. Два мужчины намного старше Калеба, тоже некогда плененные, тихо переговаривались, мерный скрип телеги убаюкивал.

– Что, ночка выдалась тяжелой? – сочувственно поинтересовался один из мужчин, Веш. Маг знал, что мужчина стал рабом, когда его племя схлестнулось с племенем Игрета Полумесяца и проиграло. Тому минуло лет десять.

– Ты себе не представляешь, насколько, – слабо улыбнулся маг.

– Служить ярлу – нелегкая работенка, – покивал второй раб, Аррет. Как он оказался в плену, Кaleb не знал. – Ты вздремни пока. Я толкну, если чего.

Маг с усилием мотнул головой. Он не столько боялся подставы, сколько понимал, что в любой момент может понадобиться Игрету или Ирсоге, а если предстанет перед ними с заспанным лицом, наказания не избежать. После длинной череды промахов не стоит испытывать терпение господ.

Кaleb постарался вслушаться в разговор рабов. Они обсуждали рыбную ловлю, в которой маг совершенно не смыслил. Они втроем выглядели и вели себя, как обычные путники, едущие с торговым обозом. Наваждение исчезло, как только Кaleb опустил глаза. На тыльной стороне ладони чернела татуировка с изображением медвежьей лапы – символом племени Игрета Полумесяца. Вольные люди украшали таким знаком фибулы, вышивали его на одежде и метили им своих рабов. То, что для одних являлось предметом гордости, для других было меткой их позорного положения.

Маг не заметил, как забылся тяжелым, тревожным сном. Ему снился наставник, который учил его магии и взял к себе после гибели родителей. Кaleb недолго любил старика: тот часто колотил подопечного и отправлял работать на соседей. Гнул спину Кaleb, а платили наставнику. Четыре года юноша провел с ним, пока старый хрыч не решил заняться изучением магии шаманов. В дороге они с Калемом наткнулись на отряд медвежьего племени, который возглавляла Ирсора. Наставник сопротивлялся, использовал магию, за что получил стрелу в глаз. Фургон с пожитками и испуганный подросток стали трофеями воинов. Кaleb не сразу осознал свое положение, его ошеломило исчезновение магического дара после появления ошейника. Он долго привыкал к тому, как должен себя вести, что ему разрешено, а что запрещено. Ирсора временами колотила его за непослушание, а Игрет несколько раз сажал в яму. Кaleb никогда бы не сказал этого вслух, но в душе он радовался, что ярл оставил его себе, а не продал другому

хозяину. В племени Игреда Полумесяца к рабам относились без лишней жестокости, сносно кормили и давали время на отдых. Неизвестно, как бы жил сейчас Калев, если бы после пленения его продали.

Мысли крутились в голове образами, переливаясь из одной в другую. Телега подскочила на кочке, Калев повалился на дно телеги и проснулся. Веш помог ему подняться.

– Долго я спал? – маг потер глаза, сбрасывая остатки липкого, тягучего сна.

– Да уж немало, – Аррет выглянул из-за навеса, – полдень скоро. Почти приехали.

Калев зевнул. После продолжительного сна ему должно было стать лучше, только на деле он чувствовал себя еще паршивее. Воспоминания о наставнике каждый раз пробуждали внутри чувство вины за то, что юноша не горевал по нему. Хотя старик шесть лет учил его, четыре года из которых кормил и предоставлял кров после гибели родителей, Калев, как ни пытался, не мог сожалеть о его смерти. Юношу печалил только сам факт свершившегося убийства, ведь до того злосчастного дня он не видел такой жестокости. Со временем, конечно, всякого навиделся, вот только кошмары о последующих произошедших на его глазах убийствах так не мучили.

– Ты чего приуныл? – вывел мага из задумчивости Веш.

– Да так... – Калев в ответ махнул рукой. Не жаловаться же им на плохие сны в самом деле, – жалею, что время так быстро пролетело.

– Ой, да как по мне, скорее бы уже в Рык приехать, с делами раскидаться и вернуться домой, – улыбнулся Аррет. У него не хватало трех передних зубов.

– Может, ты и прав, – Калев согласился, чтобы не продолжать разговор.

Он уселся удобнее и стал ждать. Когда телега остановится, рабы должны приступить к работе: распрячь лошадей, почистить, накормить, перенести припасы и все прочее, что придумают господа. К слову, у них тоже дел хватит. В племени Игреда Полумесяца никто без обязанности не сидел, может, за исключением его сына.

По звукам за полотняным навесом рабы поняли, что доехали до Рыка. По мере продвижения медвежьего племени по улицам Калев улавливал стук молота в кузнице, ругань матери на плачущего ребенка, крики зазывал, грохот деревянных ящиков. Даже сквозь плотную ткань доносились запахи моря, водорослей и рыбы – на другой стороне города находился порт. Маг не любил здесь появляться. Город ассоциировался у него с чем-то склизким, липким и грязным. Дело даже не в невольничьем рынке, который не каждое селение в Мьерне могло себе позволить, а во взглядах людей, в их приторных, как у Алиши речах, в показном дружелюбии. Жители Рыка презирали племенные народы, хотя без зазрения совести покупали шкуры, украшения и людей или выменивали на товары из-за моря. В Рыке всегда шныряло много подозрительных иноземцев: пираты, беспринципные наемники и беглые преступники с Керского архипелага, из Лагроба и родной страны Калеба – Хистрии. Последние не очень отличались от местных, их выдавал акцент. Хистрийцы произносили «р» мягко и слабо, оттого рычащий язык Мьерна давался тяжело. Некоторые земляки Калеба вообще не говорили на других языках, потому как хистрийский достаточно широко распространился, и его сносно понимали в других странах. При звуках родной речи у Калеба всегда сжималось сердце – еще одна причина, почему он не любил посещать Рык. Вдали от воспоминаний о родине тоска притуплялась, а в городе желание сбежать становилось невыносимо притягательным.

Лошади всхрапнули, повозка с рабами остановилась. Веш выглянул и сделал знак остальным выходить – приехали. Калев спрыгнул последним и чуть не попал под копыта норовистого коня Ирсоры, смахивающего на черное исчадие подземного мира. Тот возмущенно заржал, ударил копытом по мостовой.

– Даже мой конь хочет тебя проучить, – насмешливо воскликнула Ирса.

– Наверное, он слишком много обо мне знает, госпожа.

Калев не стал поднимать глаз при других рабах. Они и так считали его привилегированным, к чему еще больше себя возвышать? Ему еще жить рядом с ними многие годы. Одного

врага в лице Алиши ему более чем достаточно. Маг не удержался от слабой улыбки – Ирсора пребывала в хорошем настроении, раз весело подтрунивает над ним, а не злобно оскорбляет.

– Вещ, Аррет, разгрузите вместе с Эхом Черным повозки и займитесь лошадьми. Эх вам потом еще занятие найдет. Мы тут до завтра, так что не расслабляйтесь.

– Будет исполнено, госпожа! – одновременно воскликнули рабы и принялись исполнять приказ.

Калеб проследил за ними взглядом и подумал, что столь безоговорочному послушанию он вряд ли когда-нибудь научится. Сам бы точно задал пару уточняющих вопросов. Один уже просился на язык:

– А мне что делать... госпожа?

– Пойдешь со мной и отцом на торги. Тут даже местные говорят на хистрийском.

Калеб покорно кивнул и пошел вслед за грызущим удила вороным конем. Когда маг только попал в плен, Ирсора потребовала учить ее хистрийскому. Умная и дальновидная девушка предугадала стремительное распространение языка и пользу от его изучения. Училась она старательно, быстро освоила правила. Часто Калеб с Ирс могли целый день общаться, не прибегая к речи Мьерна. За то, что наставник вдолбил в него этот рычащий, жесткий, как жители страны, язык, Калеб даже испытывал благодарность.

Откровенно говоря, Мьерн никогда не был единой страной, а скорее представлял из себя обширную территорию с раскиданными городами и поселениями, жители которых поклонялись разным богам и жили по разным обычаям. Объединял их, как ни странно, язык, что не мешало одним людям брать в плен и продавать в рабство других. Мьерном никто не управлял, большинство земель подмяли под себя воинственные племена, во главе которых стояли ярлы. Собственно, объединяться им не требовалось – они часто воевали друг с другом или устраивали набеги на менее боевитых соседей. Уникальность такого устройства привлекла внимание наставника, он долго копил деньги и наконец отправился вместе с учеником изучать народы недружелюбной страны. На второй день после высадки с корабля, в отдалении от портового города, они попали в засаду медвежьего племени. Тогда, глядя на пристреленного старика, Калеб понял, насколько идиотским оказалось решение наставника.

Ирсора спрыгнула с коня и кинула поводья конюшему мальчику с татуировкой в виде корабля на тыльной стороне ладони. Калеб вспомнил, о чем хотел спросить, и воспользовался заминкой, пока они шли к выходу с конюшни.

– Ирсора, как тот ребенок? С ним все хорошо?

– Да, лекарь что-то там поколдовал над ним, напоил молоком с травами, – Ирсора взмахнула пальцами, изображая колдовство. – Утром его забрал Асгерд.

– Асгерд?! – Калеб подался вперед. – Почему ты позволила?

– А с какой стати я должна противиться желанию наследника? – холодно поинтересовалась Ирс. Ее серые, как у отца, глаза опасно сощурились. – Скажи, раб, ты не согласен с решением своего господина?

– Я... простите, госпожа, я соглашусь с любым решением, которое примет мой господин и члены его семьи.

Маг опустил голову. Ирсору мало волновали судьба мальчишки и чувства Калеба, который каждый день будет видеть того, кого обрек на рабство. Вдобавок, своим возмущением он напомнил дочери ярла, что она ничего не решает. Захотел Асгерд забрать мальчика – забрал, ни с кем ничего не обсуждая, а Ирсо́ре запрещено владеть даже одним рабом, сердце которого принадлежит ей.

– Напомни тебя высечь, когда вернемся в Арату, – буркнула девушка.

– Да, моя госпожа.

Они вышли на воздух. Ирсора быстро вернула себе деловой настрой и заговорила без гнева в голосе:

– Сейчас мы идем на рынок, там закупимся провизией для обратной дороги. Асгерд попросил отца привезти шелк. Ты мне поможешь отыскать самый отвратительный по качеству и цвету. Завтра утром продадим рабов и – домой, – она нахмурилась, понизила голос. – Кaleb, приглядишься, тебе ничего не кажется странным?

Ирс не так часто задавала ему вопросы с подобным доверием. Он должен ответить со всей возможной полнотой. Юноша молчал, напрягая все чувства, пока они шли к рынку. На краю сознания брезжила мысль, только ее не удавалось ухватить. Он тоже чувствовал, что что-то не так, но не мог понять, что. Пробираясь по торговым рядам, Кaleb приглядывался к людям вокруг, слушал разговоры. На раба никто не обращал внимания, разве что некоторые недовольно кривились. Калеба каждый раз захлестывала волна раздражения. Не так уж сильно от него воняло дымом и потом, чтобы строить такие морды. При виде очередного недовольного на молодого раба снизошло озарение. Он схватил Ирсуру за руку, не обращая внимания на ее возмущение, оттащил в сторону, за лоток с фруктами:

– Тут много вооруженных людей, – зашептал он, – больше, чем обычно.

– И? – Ирс выдернула руку из его ладони, что-то прикинула в уме.

– И они смотрят на меня... неодобрительно.

– Я тоже часто на тебя так смотрю.

– Нет-нет, – Кaleb на ходу пытался сформулировать мысль. – Это другое неодобрение. Это как... стыд. Как... будто они не меня не одобряют, а то, кем я являюсь.

– Кем?

Кaleb шумно выдохнул и закрыл лицо рукой:

– Рабом, Ирс!

Девушка задумалась, глядя на Калеба. От ее проницательного взгляда захотелось съежиться. Ирсура покивала своим мыслям, тихо сказала:

– Плевать на шелка брата. Покупаем еды и уходим на постоянный двор. Я попробую уговорить отца сбавить рабов сегодня и уехать, не дожидаясь утра. Что-то затевается. Нечего при таких условиях задерживаться в Рыке.

Кaleb согласно кивнул и пошел за своей госпожой на поиски провизии. Она быстро нашла торговца, договорилась о покупке, после чего они проследили за отгрузкой. Времени ушло меньше, чем предполагалось. Кaleb проводил Ирсуру до комнаты ярла, надеясь, что ей удастся его убедить.

Игред Полумесец отказал Ирсуре. Она ожидала подобного, хотя горечь обиды все равно наполнила сердце. Он не выслушал, отмахнулся от ее выводов, как от глупой бабской болтовни.

– Мы не будем менять планы из-за твоих предположений.

– Отец, посмотри правде в глаза. Что-то планируется, и мы рискуем попасть в обмолот. Мы здесь не в безопасности, – Ирс предприняла последнюю попытку воззвать к благоразумию.

– Почему это? Ты разучилась сражаться? – сузил глаза ярл. – Игред Полумесец никогда не отступает и не прячется от опасности. Если кто-то захочет напасть, мой топор всегда наточен! Уж чего не ожидал от своей дочери, так это трусости!

– Это не трусость, а благоразумие, – сказала Ирсура и в своих словах почувствовала эхо рассуждений Калеба.

– А я надеялся, что ты поведешь себя соответствующе дочери ярла, – тихо, с угрозой произнес Игред.

– А я надеялась, что ты прислушаешься к доводам своего первенца и проявишь заботу о подданных, как подобает ярлу, – едко ответила Ирсура, развернулась и вышла из просторной комнаты, которую занимал в гостинице Игред Полумесец.

Внутри бушевал огонь, злость из-за очередного пренебрежения отца смешивалась с ликованием от ответа ему. Ирсура не знала, что последует за ее словами, какому наказанию ярл подвергнет дочь, да и не важно. Если ночью случится беда, Игред потом не вспомнит об их

разговоре, а если все пройдет гладко, значит, Ирс заслужила наказание. Она схватила за шиворот Калеба, который, как обычно, подслушивал у двери, притворяясь, будто ждет приказаний от господ.

– И куда мы? – раб не сразу подстроился под ее быстрый шаг, его дыхание сразу сбилось

– Нужно проверить, сколько наших воинов способны держать оружие в руках.

Вольные люди медвежьего племени традиционно напивались в первую ночь пребывания в Рыке, независимо от того, когда им предстоял обратный путь. Их не останавливало даже ожидавшее утром похмелье. Ирсора чуть не бегом спустилась на первый этаж, где находилась корчма. Ее взгляду предстало печальное зрелище. Четверо воинов во главе с Эхом Черным еще держались на ногах и пели похабную песню, остальные восемь спали, устроившись кто под столом, кто на столе лицом в тарелке. Игред Полумесяц давал подчиненным слишком большую вольницу, когда считал, что ему ничего не угрожает. Она отправилась тормошить пьяных, и тут земля под ногами задрожала, а через мгновение дверь корчмы выбило неведомой силой. На пороге появился мужчина, взглядом из-под кустистых бровей напоминающий орла. Ирсора взялась за рукоять меча, но Калев схватил ее за талию обеими руками и быстро оттащил вверх. Пара мгновений – и они скрылись за декоративной перегородкой.

– Что ты себе позволяешь?! – прошипела Ирс.

– Не лезь туда, заклинаю твоими Предками, – обреченно зашептал Калев, придерживая девушку за плечи. В его глазах светился неподдельный страх. – Он маг! Ты видела, как он дубовую дверь вышиб?

– Тем более, я должна помочь своим! – Ирсора дернулась, пытаясь освободиться. Калев держал крепко. И откуда в тщедушном теле взялось столько силы?

– Ирс,ними с меня ошейник, – глядя ей в глаза, произнес юноша. – Я помогу тебе. У мага против мага есть шансы, у тебя – нет.

– С ума сошел?! – выдохнула воительница. – Если я его сниму, что помешает тебе бежать?

– Глупая, – разозлился Калев. – Сколько раз я еще должен сказать о любви к тебе, чтобы ты поверила?

– Тебе вообще не следует такого говорить, – Ирс постаралась вывернуться из его рук, но раб прижал ее к стене и покачал головой, призывая затихнуть.

Снизу послышался глубокий, вкрадчивый мужской голос:

– Приветствую. Город Рык с сего момента находится под юрисдикцией Хистрии. Прошу вас не оказывать сопротивление и сдаться.

– Хистрия! – прошептала Ирора, гневно сверкнув глазами. – Ты же хистриец! Тебе только на руку, если нас перебьют!

Королю Хистрии Вильясу Третьему претило рабство. Заручившись поддержкой церкви, он шаг за шагом выдавливал из умов граждан мысль о торговле людьми, создавая вокруг рабовладельцев образ мерзких дикарей. Считая отказ от невольничества шагом к цивилизованному обществу, правитель усиленно вкладывался в образование и искусство. А еще в военное дело. Хистрийские солдаты сражались умело, вдобавок, среди них хватало магов.

Эх Черный стал что-то выговаривать вошедшему. Его нечленораздельная мьернская речь осталась без ответа. Послышался грохот, воин захрипел. Оставшиеся одновременно ахнули, издали боевой клич, который резко оборвался треском ломающейся мебели.

– Сними ошейник, – прорычал Калев. – Все, чего я хочу, это защитить тебя. Можешь потом снова его надеть, плевать. Я лучше останусь рабом, чем позволю тебе погибнуть!

Ирсора резко вытянула руки, щелкнула застежкой на кожаном ремешке. Калев удовлетворенно потер шею рукой с татуировкой в виде медвежьей лапы. Он выпрямился, отошел от девушки, кинул через плечо:

– Предупреди отца. Выбирайтесь отсюда.

– Я буду сражаться! – Ирсора наконец стряхнула с себя оцепенение, вытащила меч из ножен.

Калёб не обращал внимания. Ирс вслед за ним выглянула за перегородку и с горечью обнаружила, что воины, которые спорили с хистрийским магом, лежат, неестественно изогнувшись, среди обломков мебели. Раб подошел к краю лестницы, сжал и разжал кулаки, взмахнул руками, нацелив пальцы в сторону своего земляка. Ирсора с трепетом смотрела, как ладони ее раба окутало желтоватое свечение. До того она еще размышляла, стоит ли ему доверять, а сейчас отбросила сомнения: Калёб предпочел напасть вместо просьбы о спасении. Он выбрал ее вместо дома. Хотя и выходец из другой страны, он оказался гораздо преданнее других рабов.

Время будто замедлилось, вот-вот враг столкнется с противником, равным ему по силе. Хистриец стоял спиной к лестнице и не видел ни колдующего Калёба, ни изготовившуюся для прыжка Ирсору.

Вдруг раб скривился, схватился за грудь и истошно закричал. Воздух вокруг него вспыхнул белым светом. Ирсора взвизгнула, выронила меч, прижала ладони к глазам, в которые будто впились тысячи игл. Загромыхало, пол под ногами закачался. Девушка, ослепленная вспышкой, вытянула руку, оперлась о стену, чтобы не упасть. Вокруг все трещало, лицо обдало жаром, Ирс отшатнулась, оступилась и кубарем полетела вниз по лестнице. На одной из ступенек рука оглушительно хрустнула, на другой – ногу прожгло болью. Падение окончилось сильным ударом головы, болью и темнотой.

– Ирсора!

Калёб слетел по лестнице, перепрыгивая через несколько ступеней. Девушка лежала без сознания, светлые волосы окрасились багрянцем. В ноге торчал обломок ножки от деревянного стула, рука – явно сломана. Юноша в ужасе замер. Здание гостиницы горело, кто-то – скорее всего, тоже маг – устроил наверху мощный пожар. Ирсору нужно срочно вытаскивать.

Позади послышались шаги. Хистриец схватил Калёба за запястье и присмотрелся к татуировке.

– Раб, значит, – он отпустил его руку, кивнул на Ирсору. – А она кто?

– Тоже рабыня, – не моргнув глазом, солгал юноша.

– Где татуировка?

Калёб похолодел, закашлялся, чтобы потянуть время. Как назло, голова соображала плохо.

– Ее только захватили. Везли на продажу вместе с остальными. Пожалуйста, – он поднял глаза на мага. – Помогите ее спасти. Прошу вас, как хистриец – хистрийца!

Мужчина, возвышаясь над Калёбом, мгновение подумал и указал на выход:

– Ладно. Я покажу, куда ее отнести.

Они вышли из горячей гостиницы. Оглушенный болью и беспокойством за Ирс, Калёб не сразу заметил, как изменился город. В вечернем полумраке вспыхивали огни, повсюду слышались крики и звон стали, топот ног и плач детей. Пахло гарью, потом и страхом. Юноша затравленно озирался, прижимая к себе Ирсору. Он лихорадочно соображал, что могло произойти в Рыке.

Маг с орлиным взглядом на ходу отдавал приказы вытянувшимся по струнке людям:

– Прочешите постоянные дворы, вытащите всех гребаных работаровцев, каких найдете! Вы двое, приведите ко мне Джона Фирса. Не было приказа палить здание, тем более, там находились люди! Он мне по всей строгости ответит! Бегом!

Мужчина вел себя, как командующий, а остальные его слушались, как солдаты. У Калёба перехватило дыхание. На Рык не просто напали, сюда привезли целую армию под видом торговцев и охранников. Хистрия вторглась в Мьерн, и медвежье племя оказалось в самой гуще событий.

Командир остановил взгляд на Калебе. Тот замер, держа в ноющих руках Ирсору. Девушка не так уж много весила, но для слабого недоедающего паренька ноша вскоре станет непосильной.

– Как тебя зовут? – поинтересовался командир.

– Калеб... Дервин... господин, – выдавил юноша.

– Никакой я тебе не господин, – мужчина поморщился. – Иди за мной.

Они проследовали вдоль улицы, свернули к местной больнице, в которой, как помнил Калеб, лечили втридорога и из рук вон плохо. Сейчас здание занимали солдаты хистрийской армии, успевшие переодеться из гражданской одежды в синюю военную форму. Скорее всего, большинство из них днем ее не снимали, носили под плотно запахнутыми плащами. Юноша видел довольно много одетых на такой манер покупателей на рынке. Тогда он решил, что дело в прохладной погоде.

Командир двигался решительно и вместе с тем неспешно. Тем не менее, Калеб еле за ним поспевал. К моменту, когда они вошли в больницу, он сильно запыхался. Еще в нескольких шагах от двери юноша учуял металлический запах крови. Внутри оказалось десяток тяжело раненых, стонущих в горячке солдат. Несколько женщин в белых чепчиках и красных одеждах – медсестры – ухаживали за больными. Промывая раны, накладывая повязки, они бормотали слова утешения, прерывающиеся еле сдержанной руганью военных. От одной койки к другой ковыляла полная кудрявая девушка, лет на восемь старше Калеба, в синей форме с белыми вставками. Она быстро передвигалась, несмотря на криво изогнутую левую ногу. Увидев вошедших, девушка замахала руками:

– Нет мест! Если надо кого подлечить, требуйте со здешних врачей. У меня только тяжело раненые! Я и с ними не справляюсь! О, капитан Бестон! – она вытянулась, приложила кулак к груди. Стойка явно доставляла ей неудобство, и она облегченно расслабилась, когда маг махнул, отбрасывая формальности. – Простите, не признала вас сразу. Ну что за ночь, только началась, а я уже зашиваюсь!

– Где второй целитель? – командир, названный Бестоном, окинул взглядом лазарет, словно хищная птица в поисках добычи.

– Убили! – горестно выпалила калека. – Брэн вышел за водой, а назад его затащили со стрелой в шее! Умер почти сразу, а я что? У меня силы-то почти нет! Я тут всех, кого можно, подключила, а раненые прибывают.

– Уверен, залатать еще одну у тебя сил достанет. Дервин, уложи ее на тот стол.

Калеб вздрогнул. Он давно не слышал своей фамилии из чужих уст. Она казалась чем-то далеким, забытым в хижине наставника по другую сторону моря. На негнущихся ногах юноша прошел к столу и бережно уложил Ирсору. Кровь у нее на голове запеклась, прилипла к волосам темной коркой. Рядом возникла хромая целительница, деловито осмотрела раны, провела над ними руками. На ее пальцах засверкали белые искры. Она нахмурилась и ругнулась вполголоса.

– Капитан, это кто вообще? Она ж местная. Какая-то важная особа?

– Бывшая рабыня, – кинул мужчина. – Она важная особа для освобожденного из дикарского плена мага-хистрийца.

Целительница присмотрелась к Калебу. Под ее цепким взглядом ему стало не по себе.

– Я долго с ней провожусь. Тут плохо все.

– Залатай хотя бы так, чтобы она выжила. А ты, – острый взгляд вонзился в Калеба, – иди за мной.

– Я... я могу помочь здесь, – юноша с тревогой посмотрел на Ирсору.

– Это не просьба, Дервин.

Что-то в голосе капитана Бестона заставило Калеба последовать за ним. Далеко идти не пришлось – они прошли по коридору к кабинету владельца больницы. Того на месте не

оказалось, и хистриец указал Калебу на стул, сам сел за стол. Небрежным взмахом руки с парой голубых искр призвал поток воздуха, от которого дверь плотно закрылась, а на голове Калеба не пошевелился ни один волосок. Юноша ощутил укол зависти – он не успел овладеть столь филигранным использованием силы.

– Сколько ты провел в рабстве, Кaleb Дервин?

– Около двух лет, – ответил юноша, неловко потирая шею. Отсутствие ошейника ощущалось непривычно. А еще ему казалось, будто все чувства обострились, мир стал ярче и объемнее. Тело покрылось мурашками от нахлынувших эмоций: неокрепшей радости освобождения и жгучего страха неизвестности.

– Ты пользовался магией, будучи рабом?

– Нет, – робко ответил Кaleb. Он словно шел по болоту, проверяя каждую кочку, на которую собирается наступить.

– У тебя след на шее. Ты носил какой-то артефакт, блокирующий силы?

– Да.

– И как ты его снял?

Кaleb предполагал этот вопрос. После двух лет на загоревшем теле должен был остаться белый след в месте, закрытом заговоренной полоской кожи. В суматохе он не успел как следует продумать ответ, потому решился на полуправду.

– Я... уговорил своего господина снять ошейник.

– Как же ты сумел? – капитан Бестон изогнул бровь. Его лицо ничего не выражало, и Кaleb не понимал, верит ему военный или нет.

– Пообещал защитить, – с пересохшим горлом прохрипел юноша.

– Обманул, получается?

– Получается, обманул.

Кaleb не мог понять, сколько лет собеседнику. Сначала он думал, ему за сорок, и только приглядевшись, в ярком свете лампы заметил, что наметившиеся морщины на лице и редкая седина в волосах – следствие скорее не возраста, а тяжести принятых решений. Такой человек мог жестоко покарать, если учует вранье. У Калеба мелко тряслись пальцы. Он зажал их между коленей, сжавшись и ссутулившись под обжигающим взглядом темно-синих глаз.

– Когда магу перекрывают доступ к силе, его способности... ломаются, – задумчиво стал объяснять хистриец. – Я не знаток. Раньше с подобным не сталкивался, потому объяснить не могу. Думаю, пока есть более насущные вопросы. То, что с тобой произошло в гостинице, результат такой поломки. Заклинание сработало не так, как ты планировал. Кстати, что ты пытался наколдовать?

Вопрос прозвучал невинно, как проявление любопытства, но Кaleb понял, что ради него и затевалось объяснение магической блокировки. Теперь юноша ощущал себя не на болоте, а выброшенным в открытое море. Он бросил все силы, чтобы не показать страха.

– Я пытался защитить Ирсору.

– От кого? Кроме меня, там никого не было.

– Кроме вас, там находились воины моего господина, – нашелся Кaleb. – Я хотел помочь вам в бою с ними.

– Благородно, только они к тому моменту уже умерли.

Капитан Бестон смотрел Калебу в глаза, тот не отвел взгляда:

– Я думал, они еще живы.

– Кому ты служил, пока был в рабстве? Имя?

Кaleb сглотнул. Затянувшийся допрос заставил его нервничать.

– Моим хозяином был Игред Полумесяц, ярл медвежьего племени из Заречной долины.

– Далековато его занесло.

– Он собирался утром продать пленных в рабство и отправиться домой.

– А кто такая эта Ирсора?

Резкий перевод темы выбил Калеба из колеи. Опять. Юноша прикинул, не очнулась ли она. Если он не успеет с ней переговорить, все его вранье им обоим выйдет боком.

– Она из захваченного племени.

– Не похоже, чтобы ты с ней только познакомился.

– Мы общались по пути сюда.

– Тут, видишь ли, вот в чем дело, – капитан Бестон встал, – утром мы отчаливаем. Тебе, как гражданину Хистрии, если ты действительно им являешься, я бы порекомендовал отправиться с нами на родину. Ты можешь отказаться, но вряд ли тебя что-то здесь держит. А вот что делать с твоей раненой подругой, я ума не приложу. Она ведь, наверное, захочет остаться здесь?

– Нет, – вырвалось у Калеба чересчур поспешно. Он внутренне ругнулся и добавил спокойнее. – У нее здесь никого нет. Она ранена. Мьерн – жестокий край, в одиночку она погибнет.

– Сегодня погибло много людей, и до полудня погибнет еще.

– Если я могу что-то сделать, чтобы вы позволили взять ее с собой, я это сделаю, – глухо ответил Калеб, почти физически ощущая, как новый ошейник сдавливает горло.

Капитана Бестона не интересовал еще один освобожденный хистриец. Его интересовал новый маг, которого можно использовать, с рычагом давления в виде девушки из Мьерна.

– В таком случае можешь вернуться к своей подружке. Не высовывайся на улицу. До утра там будет жарковато. И, ради всех святых, не смей пользоваться магией.

Капитан Бестон покинул больницу, а Калеб поспешно вернулся к столу, где лежала Ирсора. Целительница перевязала ей голову и задумчиво смотрела на деревяшку, застрявшую с внешней стороны бедра. Она подняла глаза на юношу:

– Калеб, да? Я Мелоди. Твоей подружке здорово повезло – обломок застрял не глубоко. У нее в теле сплошные мышцы! Будь она помягче, дерево угодило бы глубже, и до утра, поди, не дожила бы.

– Я могу помочь? – робко поинтересовался Калеб. Его ошеломляла льющаяся отовсюду хистрийская речь, а пренебрежительные нотки, когда речь шла об Ирсо́ре, дочери Игреда Полумесе́ца и беспощадной воительнице, выбили юношу из колеи. Ему не верилось, что все происходит на самом деле.

– Держи ее. Только крепко держи. Повезло, что она без сознания, – ответила Мелоди, завязывая жгут выше раны. – Я вытащу обломок и остановлю кровь. А потом перевяжу рану. Если она очнется, вылей ей в рот вот этот пузырек.

– Ты не сможешь исцелить ее полностью?

Девушка раздраженно уставилась на него. Ее каштановые кудри выбились из-под повязанной на пиратский манер косынки, некрасивое лицо с большим носом, тонкими губами и мелкими оспинками на лбу выглядело донельзя изможденным.

– У меня слабый дар, – зло ответила Мелоди. – Меня считают магом только потому, что я сносно лечу. И если еще раз коснешься этой темы, я тебе гланды через задницу удалю, усек? Давай держи ее.

Калеб послушался. Мелоди вцепилась в обломок двумя руками, напряглась и аккуратно вытащила. С ее пальцев сыпались белые искры, Калеб почувствовал, как воздух наполнился силой. Он никогда так явственно не ощущал чужую магию. В целительнице дар и правда еле теплился, но она ловко его использовала, даже такие крохи производили необычайный эффект. Деревяшка полетела на пол, а Мелоди открыла два пузырька и вылила их содержимое в рану. Послышалось шипение, показалась фиолетовая пена. Ирсора вскрикнула, дернулась в руках Калеба.

– Я сказала держать, чтоб тебя! – прикрикнула Мелоди. – Дай ей зелье!

Кaleb навалился на Ирс всем телом. Она затравленно озиралась, хватая ртом воздух. Воспользовавшись замешательством, юноша приложил к ее губам пузырек. Она выпила содержимое, не понимая, что происходит. Взгляд девушки затуманился, она обмякла и опустила веки. Кaleb дрожащими руками уложил ее обратно.

В глубине лазарета застонал солдат.

– Как же не вовремя, – буркнула Мелоди.

Она поковыляла к раненому. На ходу кликнула медсестру, распорядилась перевязать Ирсору и наложить шину на сломанную руку. Кaleb внимательно следил за действиями подошедшей женщины в красных одеждах. Она была из местных, скорее всего, работала во время нападения, и оказалась вынуждена лечить захватчиков. Она не выражала недовольства, лишь сосредоточенную покорность. Кaleb слишком устал, чтобы задумываться о ее переживаниях. Он следил, чтобы медсестра правильно выполнила указания Мелоди.

Потом его оставили одного рядом с Ирсорой. Ее грудь мерно вздымалась, девушка не просыпалась и не ворочалась. Юноша отыскал стул, сел рядом, готовый в любой момент броситься к ней. Звуки сражения в городе, приглушенные толстыми стенами и закрытой тяжелой дверью, смешивались со стонами и бормотанием солдат. Общий гул напоминал деловитое жужжание пчелиного роя, где у каждого есть отведенное место. Кaleb ощущал себя отдельно от роя, потому как понятия не имел, какая роль отведена ему. Мысли о предстоящем дне скользкими червями страха ползали в голове. Тревога и неуверенность измотали настолько, что юноша не заметил, как задремал, сидя за столом, на котором отдыхала Ирс.

– Эй, ты! – его грубо пихнули в плечо.

Кaleb заморгал, стараясь проснуться. Над ним возвышалась Мелоди. В ее прищуренных глазах читалась злоба.

– Кaleb Дервин, либо ты говоришь, кто эта девка, либо я отправлю ее к святым! – тихо, угрожающе произнесла целительница.

Внутри у бывшего раба все похолодело. Его ложь должна звучать еще более правдоподобно, чем в разговоре с Бестоном. Он сделал глубокий вдох и, глядя Мелоди в глаза, ответил:

– Она – бывшая рабыня, как и я.

– У нее нет татуировки. А еще она слишком хорошо одета для рабыни.

Кaleb кивнул, стараясь, чтобы его голос звучал твердо:

– В своем племени она была воительницей. Потом ее захватили в плен.

– И даже кольчугу не сняли? – Мелоди указала на край заговоренной кольчуги черного металла, торчащей из-под жилета. Искусное плетение матово поблескивало.

– Ты спрашиваешь так, будто я лично пленил ее, – Кaleb встал и посмотрел на целительницу сверху вниз. – Я не знаю, почему они оставили ей кольчугу. Я не знаю, почему ее не избили и не изнасиловали. Я понятия не имею, что там на ней еще надето или что с ней собирались сделать в Рыке. Ты можешь подозревать сколько угодно, но будь добра, лечи, раз носишь звание целителя.

Он не представлял, откуда взялись силы на пламенную речь. Он просто устал бояться и давить в себе возмущение происходящим, чем занимался последние два года. Да какие два года? Когда юноша жил с наставником, тоже вечно прикусывал язык, чтобы не сказать лишнего. После переживаний последних дней обвинения Мелоди стали последней каплей, сорвавшей с него оковы сдержанности.

Целительница выдержала его взгляд и хмыкнула:

– Что, почувал свободу после рабства? А теперь слушай меня, мальчишка. Капитан Бестон мне рассказал, что ты – поломанный маг, который не может пользоваться силой. Ты такой же бракованный, как и я. Другой командир выкинул бы нас за борт истории, но не Карлос Бестон. Он верит в таких, как мы. Своим положением я обязана ему и готова идти за ним хоть святым

на заклятие. Если узнаю, что ты хочешь навредить капитану, я тебе без всякой магии задницу на уши натяну, ты понял?!

– Понял, – Калёб отшатнулся под напором грозной целительницы и плюхнулся обратно на стул.

– Вот и славно. Теперь иди гуляй, мне надо осмотреть твою подругу.

– Я думал, в городе идут бои.

Мелоди крикнула. Запоздало Калёб понял, что она так смеется.

– Пока ты дрых, мы одержали победу. Город наш. Если поторопишься к рыночной площади, успеешь на казнь работоторговцев. Как всех перевешают, отправимся домой, – она скривила губы в подобие улыбки и проникновенно добавила специально для Калеба. – В Хистрию.

Калёб последовал совету. Мелоди влила Ирсоры в рот еще успокаивающего зелья, и скорее всего девушка проспит до отплытия. Не то чтобы ему хотелось смотреть на казнь, за два года в медвежьем племени он видел достаточно смертей, но прогуляться и узнать новости не помешает. Он неплохо знал центр города, где они с Ирсорой бывали по делам ее отца, но все равно немного заплутал. Калёб вышел на рыночную площадь, когда окончательно рассвело. Из возвышения, на котором раньше выставляли рабов для аукциона, за ночь сколотили виселицу. Горожане, что прежде с интересом наблюдали за торгами, сейчас собрались вокруг будущего места казни, голосили, свистели, выкрикивали оскорбления. Калёб не стал продираться через толпу, а забрался по брошенным ящикам на козырек ближайшего магазина.

Утро выдалось пасмурным, серым и зыбким. Юноша продрог, пока ждал казни, и совершенно не разделял восторга остальных граждан. Оживление у виселицы возвестило о начале. Сначала наверх поднялся офицер с медалями на мундире. Он развернул свиток и зачитал указ короля Вильяса Третьего о присоединении города Рык и близлежащих земель к Хистрии. Офицер перечислил имена жителей Рыка и должности, на которые их назначили. Зрители, которых не волновало, кто стал новым судьей или возглавил городскую стражу, заскучали. К концу речи многие не обращали на военного внимания и переговаривались друг с другом. Офицер презрительно скривился и развернул другой свиток.

– Так как Рык принадлежит Хистрии, в которой рабовладение карается смертью, сегодня состоится казнь. Приговоры подлежат исполнению незамедлительно после оглашения. Приговор первый...

Офицер назвал имя, и на помост выволокли крупного бородача с необъятным животом. Толпа взревела, заглушив перечисление его прегрешений, коих оказалось немало. Калёб отвернулся, когда на толстяка накинули петлю. По слаженному вскрику зрителей он понял, что дело сделано.

Юноше пришлось довольно долго сидеть на козырьке магазина. Он озяб и дышал в сложенные ладони, чтобы хоть немного согреться. Тонкая полотняная одежда не подходила для длительного пребывания на холоде. Хороший раб не сидит без дела, оттого не мерзнет, любил приговаривать Асгерд, если видел, что Калёб дрожит. При этом воспоминании захотелось стянуть с себя одежду, напоминающую о положении невольника. Он больше не раб и не будет рабом. Кожа под грубой тканью неприятно зачесалась. Калёб пообещал себе, что переоденется при первой же возможности.

Слух уловил знакомые имена. На помост по одному поднимались люди из медвежьего племени. После стычки с солдатами Хистрии выжило трое, всех Калёб отлично знал. Одним из них был ярл Игред Полумесяц. Два работоторговца стояли тихо, опутив головы, а отец Ирсоры ругался, плевался и проклинал хистрийцев на мьернском языке. Высокого, сильного мужчину солдаты удерживали вчетвером.

– Где моя дочь, нелюди?! – ревел он на всю площадь. – Куда вы спрятали мое дитя?! Что вы сделали с моей дочерью, сраные ублюдки?!

Кaleb порадовался, что Ирора сейчас без сознания, иначе она бы и со своими ранами ринулась в бой против всей армии Хистрии, лишь бы спасти остатки медвежьего племени. От истошных воплей Игрета шумело в ушах. Бывшему рабу стало горько оттого, что ярл никогда не выказывал заботы о дочери, а на пороге смерти вдруг вспомнил о ней. Юноше придется рассказывать Ироре о казни, а она не сможет даже попрощаться с отцом.

Кaleb не смог отвернуться, когда Игрету на шею накинули веревку. То ли хотел убедиться, что его бывший хозяин действительно умрет, то ли отдавал последнюю дань уважения. Рывок вниз не сломал Игрету шею, как многим его предшественникам. Мужчина захрипел и задергался, сильнее затягивая петлю. Он отчаянно сражался со смертью, продлевая свои страдания. По подбородку ярла текла слюна, лицо покраснело, яростные крики превратились в нечленораздельное бульканье. Агония продолжалась долго. Тело Игрета содрогалось в попытках глотнуть воздуха, шея покрылась багровыми потеками. Пока он мог издавать звуки, он звал дочь. Когда его мучения закончились, над площадью воцарилась звенящая тишина. Люди переглядывались и растерянно топтались на месте. Недавно жаждущие крови зрители опускали взгляды от виселицы. Кaleb никогда не думал, что Игрет Полумесяц умрет вот так, задыхаясь в петле, с выпученными глазами и вывалившимся синюшным языком. Такие, как он, погибают в бою, от дюжины смертельных ран, прихватив с собой на тот свет десяток врагов. Хистрийские военные позорно и бесчестно оборвали жизнь ярла медвежьего племени – великого воина, не знавшего поражений.

Юноша с трудом слез с козырька, на негнущихся ногах зашагал к больнице. По пути он заметил Веша и Аррета, те о чем-то тихо спорили. Они не заметили товарища по несчастью, и Кaleb прислушался.

– Говорю тебе, поехали со мной. Вон бедолаг вернем в сожженную деревню, – увещевал Аррет.

– Не, друг, я обратно, к нашим. Кто-то должен рассказать Асгерду, что тут случилось.

– Тебя освободили, а ты опять в ярмо лезешь!

– А выбор есть, что ли?! У меня в медвежьем племени жена, дочь, обе невольницы. Я их не оставлю. А тут кому я сдался? Денег нет, ничего своего нет. Бездомным попрошайкой быть? Хистрийцы хозяев убили, ручкой махнули и уплыли, а нам как жить-то после них?

Кaleb ускорил шаг. Дела медвежьего племени его больше не касались.

Юноша не заметил, как добрался до больницы. Повсюду сновали хистрийские военные в синей форме, рабы с татуировками и затравленными лицами, ничего не понимающие местные жители. Он лавировал между ними, погружившись в размышления обо всем, что произошло. Молодой маг старался гнать подальше мысли о смерти Игрета Полумесяца, но сцена казни не шла из головы. Он собирался уже открыть дверь больницы и вернуться к Ироре с Мелоди, к стонам и запаху крови, как его кто-то сильно дернул за рукав. Юноша резко повернулся и с удивлением обнаружил перед собой девушку с испачканным копотью лицом, в рваном простом платье, пахнущим дымом. Несмотря на грязь, он ее узнал. Это она, сидя в загоне с остальными пленными, просила помочь ей сбежать.

– Агена, что тебе нужно?

– Я ищу ту девку, дочь ярла, – она поджала губы. – Ты должен знать, где она.

– Зачем она тебе?

– Ну как же, – Агена развела руками. – Ее папочку казнили, а чем она лучше? Такая же тварь, как и он.

– С чего ты взяла, что ее не убили ночью? – Кaleb постарался выглядеть равнодушно, еле удержался от взгляда на дверь больницы.

– Вот я и хотела у тебя узнать. Ты ж за ней хвостом ходишь.

– Оставь меня в покое. Радуйся свободе и шагай своей дорогой.

– Ну уж нет, – прошипела девушка, не выпуская рукава Калеба. – Говори, где она.

Дверь больницы открылась, наружу вышли два солдата, переноса на носилках Ирсору. Кaleb внутренне взвыл. Ведь он знал, что больных планируют транспортировать на корабль, но не увел бывшую пленницу подальше. Агена повернулась на звук, ее лицо вытянулось. Она узнала дочь ярла.

Не дав даже пикнуть, Кaleb потащил ее прочь от больницы. Сбросив оцепенение, девушка принялась верещать, требуя немедленно отпустить ее. Кaleb заметил наполовину сгоревший дом с открытой дверью, висевшей на одной петле, и впихнул Агenu внутрь. Приперев стулом дверь, он повернулся к девушке:

– Агена, прошу тебя, не рассказывай никому про Ирсору.

– Что? То есть ты знал, что ее выхаживают хистрийские военные?!

Девушка открыла рот, на время потеряв дар речи. Кaleb воспользовался паузой, чтобы объяснить:

– Она не заслужила смерти. Поверь, Ирс – хороший человек. Пожалуйста, не рассказывай, что видела ее. Иначе и ей, и мне придется туго.

– Хороший человек?! – взвизгнула Агена. – Она ударила меня за то, что я назвала ее брата по имени. Она вместе с остальными жгла мою деревню! Из-за нее я лишилась брата и отца! Да ее мало повесить. Я не знаю, какая смерть по жестокости сравнится с тем, что она натворила!

– Агена, месть не вернет твоих близких, – с горечью сказал Кaleb. – Боги дали тебе шанс на новую, свободную жизнь. Неужели ты хочешь начать ее с кровью на руках?

– Почему ты защищаешь ее? Ты же тоже был рабом, – девушка непонимающе нахмурилась.

Кaleb грустно улыбнулся:

– Она – все, что у меня есть.

Агена долго смотрела на него и молчала. Она теребила край порванного рукава на платье, сжимая губы. Потом кивнула и мягко произнесла:

– Я сочувствую тебе. Похоже, ты имеешь еще меньше, чем я. И мне жаль, что ты лишишься последнего.

Она обошла его и потянулась к стулу, подпирающему дверь. Кaleb не сразу понял, что она имеет в виду, а когда осознал, схватил ее за руку:

– Послушай. Не меня, так голос рассудка. Если ты обречешь ее на смерть, то станешь убийцей. Не лучше тех людей, что разорили твою деревню.

– Да как ты смеешь сравнивать торжество справедливости с кровавым набегом твоих хозяев?!

Девушка выдернула руку. Она сжала кулаки и расставила шире ноги. Глаза ее яростно сверкали, а ноздри раздувались при каждом вдохе. Кaleb запаниковал – она не собиралась отступать.

– Пожалуйста, – взмолился он. – Дай нам и себе шанс начать все сначала. Мы уплывем, больше ты никогда нас не увидишь. За то, что произошло в твоей деревне, заплатилось достаточно людей, позволь нам спокойно уйти!

Агена, в своем разодранном платье, с грязными волосами и перепачканным лицом казалась ему самой грозной силой, готовой уничтожить Ирсору, а заодно его самого. Только теперь он понял, сколько в ней ненависти и отчаяния.

– Тебя вроде освободили, а ты остался рабом, – с презрением выплюнула девушка. – А ну убирайся с дороги, грязная тупая подстилка! – она отпихнула юношу и взялась за стул.

– Нет, – выдохнул Кaleb, толкнув девушку.

Агена врезалась в стену. Зарывав, она кинулась на Калеба. Тот не ожидал такой прыти. Он тщетно попытался удержать ее руки, что колотили его по ребрам и животу. Под ее напором пришлось отступать. Юноша обо что-то споткнулся, упал на спину, больно ударившись затылком. Агена налетела на него, царапаясь и метя ногтями в глаза. Они покатались по полу,

покрытому золой. Девушка прижала Калеба к полу, била кулаками. Юноша заслонился, ощущая, как ее удары становятся более уверенными и болезненными. Он никогда не дрался с девочками, да и вообще никогда не дрался. После смерти родителей он никогда не ел досыта и, несмотря на закалку тела в физическом труде, проигрывал по силе своим сверстникам. Столкновение с Агеной для него стало неожиданным, тяжелым испытанием. Девушка схватила его за волосы и ударила затылком об пол.

– Тебе впору висеть рядом со своей медвежьей шлюхой! Я расскажу о вас обоих первому же военному! – злобно зашептала она, добавив кулаком по лицу.

– Я тебе не позволю! – взревел Калеб.

Он схватил ее за руку, дернул, скинув с себя, навалился всем весом. Она ловко вывернулась, пнула его в бок и побежала к двери. В один прыжок догнав девушку, Калеб припечатал ее к стене и вцепился пальцами в горло. Под градом ударов он не понимал, что происходит. В голове билась одна мысль: не пустить ее на улицу. Он сжимал ладони, и сжимал, и сжимал... Постепенно тычки маленьких кулаков ослабли, проклятия, сыпавшиеся изо рта Агены, сменились хрипом, а потом вовсе затихли. Ярость и отчаяние уступили место осознанию тянущего веса ее тела. Калеб отпрянул, девушка пустой куклой повалилась на пол. Ее остекленевший взгляд устремился вверх, на обугленный потолок, на шее остались фиолетовые следы. Юноша принялся остервенело тереть ладони об одежду, будто и они окрасились пурпуром.

– Что... что я наделал... – прошептал Калеб, стоя над трупом убитой им девушки.

Неизвестно, сколько он смотрел на мертвую Агenu. Он ждал, что она вот-вот очнется и снова бросится на него. Шло время, а чудо не происходило. Ноги подкосились, бывший раб рухнул рядом с поверженной противницей. Он спрятал руки в ладони и тихо, скорбно завывал. Ужас совершенного приходил постепенно, толчками, отдающимися болью в сердце. Вместе с Агеной умерло что-то внутри него.

Он встал, огляделся. Нельзя, чтобы труп нашли до того, как хистрийский корабль отчалит. Бывший раб оттащил тело во вторую комнату, когда-то служившую спальней. Здесь огонь почти не тронул мебель, лишь подкоптил стены. Поддавшись чувству, он открыл шкаф и засунул мертвую внутрь. Она почти полностью скрылась за провонявшими дымом платьями. Юноша накрыл ее сверху сорванным с кровати покрывалом, плотно закрыл дверцы. Сердце бешено стучало, пальцы плохо слушались. Калеб не помнил, как покинул дом и дошел до пристани.

Хистрийское судно нашлось быстро, на причале юноша наткнулся на зоркий взгляд капитана Бестона. Скривившиеся губы красноречивее любых слов показали, что бывший раб, весь в саже, царапинах и синяках, выглядит более чем неподобающе на величественном корабле. Калеб втянул голову в плечи, робко зашагал по трапу. Все, чего он хотел, это забиться поглубже в трюм и не вылезать как можно дольше.

– Ты что, кошку из огня вытаскивал? – послышался за спиной знакомый голос.

Калеб обернулся и озадаченно уставился на Мелоди.

– Да... наверное, кошку... – тихо ответил он.

Целительница нахмурилась, глядя на него, потом махнула рукой:

– Тебе повезло. Я так вымоталась, что даже не хочу знать, что с тобой стряслось. Пошли, покажу, где умыться и переодеться. А то выглядишь ты, мягко говоря, не очень.

– Где Ирора? – сумел наконец выдавить юноша.

Мелоди махнула рукой и захромала к корме:

– Я тебя такого чумазого к ней не пушу.

Наспех умывшись и обтерев тело, Калеб переоделся в льняную рубашку, парусиновые штаны и теплый плащ из корабельных запасов. Старую одежду он с радостью выбросил бы за борт, но решил на всякий случай оставить и позже постирать. Все-таки у него больше не имелось ничего своего. Грубая ткань обновок показалась ему приятнее самых роскошных нарядов.

Всю дорогу до каюты Мелоди, где лежала Ирсора, он одергивал штаны, приглаживал рубашку, прикидывая, сильно ли изменился его внешний вид. Удивительным образом такая мелочь, как новая, чистая одежда, согрела душу и тело, руки перестали трястись, а кошмары последних дней показались страшным сном. Все мучения остались на берегу, отступив перед радостью перевоплощения и предвкушением путешествия.

Ирсора спала. Ее тело закрепили ремнями на случай качки, а руку и ногу в лубках прочно зафиксировали. Повязка на голове выглядела чистой – кровь полностью остановилась. С замиранием сердца Калёб сел на дощатый пол рядом с кроватью воительницы. Забылись все страхи, мир сузился до тесной каюты. Он трепетно коснулся ее здоровой руки.

– Все хорошо, Ирс, я здесь. Скоро мы будем дома.

Глава 2

Ирсора плыла по волнам сменяющихся сновидений, редких вспышек пробуждения, во время которых кто-то поил ее и кормил. Она металась в бреду и огне, получая облегчение от обтираний холодной водой. Она слышала голоса, ругань, успокаивающую речь, хотя смысл слов не доходил до нее. Ее часто рвало, во рту ощущался горький привкус от питья, которое постоянно вливали ей в рот. Тело не слушалось, она несколько раз порывалась встать и встречала сопротивление: что-то впивалось ей в конечности, сдерживая движения, а потом на ключицы ложилась шершавая рука, мягко прижимала, заставляла лечь обратно.

Иногда мир вокруг переставал кружиться и размываться, перед глазами возникало испуганное лицо Калеба. Он говорил что-то невразумительное, поил водой, вытирал ей лоб, щеки, шею. Она видела кошмары, в которых рядом появлялись хистрийцы в синих мундирах. На нее смотрел мужчина с орлиным взглядом, что-то настойчиво спрашивал, потом появлялась женщина с приплюснутым лицом, широким носом и кудрявыми волосами. Ирсору пугали эти сны, ей казалось, вот-вот – и вражеский меч вонзится ей в грудь, а она слишком слаба, чтобы защититься, отбиться, напасть в ответ.

Однажды ее пронзила ужасная мысль: что, если она уже и не жива вовсе, а плывет по подземной реке в царство мертвых? А все видения – это мороки Предков, решивших проучить ее за гордыню? Теперь они будут мучить девушку, возмнившую себя достойной стать ярлом медвежьего племени. Вечно.

Ее качало между сном и явью, она проваливалась в темноту, выныривала к свету, задыхалась от вони сухих трав, пота и ароматических масел. Она тосковала по прохладной свежести леса, полного дичи, по спокойствию холма камней Предков рядом с Аратой, городом, выросшим из маленькой деревеньки благодаря усилиям ее отца. Видят Предки, она даже согласилась бы сейчас снова пререкаться с ненавистным Асгердом, бороться за уважение, как воительница и дочь ярла, только бы выбраться из затхлой тюрьмы бесконечных наваждений.

Однажды Ирсора, открыв глаза, увидела новую картину, удивительно четкую по сравнению с множеством предыдущих. Белый потолок, тронутые желтизной тканевые занавеси, отделяющие девушку от остального мира. Она лежала на жесткой койке, с перебинтованной ногой и рукой в шине. В воздухе витал запах лекарственных трав с тонкой примесью гнили. Ирс опустила глаза. Вместо привычной мьернской одежды она обнаружила на себе хлопковую сорочку. Кто-то оказался достаточно смелым, чтобы раздеть ее. Ирсору словно ледяной водой окатили. Что еще с ней сделали, пока она находилась без сознания?

– О, очнулась. С пробуждением! – услышала Ирсора радостный женский голос.

Она собиралась что-то ответить, как вдруг осеклась. Перед ней стояла та кудрявая девушка из снов. Низкая, полная, с кривой ногой, оттого вся покосившаяся. Несмотря на свой недуг, она вела себя уверенно. И говорила на хистрийском. По спине пробежал холодок.

За шторкой послышался топот ног, через пару мгновений в отделенном тканью пространстве возник еще один хистриец. Ирсора не сразу узнала в нем своего раба. Кaleb вырядился в черные брюки, белую рубашку и темно-синий шерстяной жилет. На его руках красовались перчатки из тонкой черной ткани. Девушка так привыкла видеть его в серой мешковатой робе невольника, что чуть не открыла рот от удивления его преображению. Он больше не опускал голову, не прятал взгляд, а, наоборот, стоял прямо и смотрел на нее со смесью облегчения и нежности.

Ирсоре стало не по себе. Все вокруг, в том числе и раб, было чужим и незнакомым. Она села на кровати, подтянув здоровую ногу к груди. Кaleb торопливо поправил ей подушку, вызвав своей заботой волну негодования, которую Ирс постаралась не показывать. Хистрийцы

сели на табуреты по обе стороны ее кровати. Ирсора бросила взгляд на кудрявую незнакомку, повернулась к рабу и спросила:

– Кaleb, что происходит?

Ее голос звучал хрипло и сухо. Она закашлялась, юноша мгновенно подал ей стакан с водой. Подождал, пока девушка выпьет, и попросил:

– Ирс, ради всех святых, говори, пожалуйста, по-хистрийски. И не волнуйся.

– Я так понимаю, ты сейчас скажешь то, что мне не понравится? – она изогнула бровь, не отводя взгляда от раба. Просьбу по поводу языка она проигнорировала.

Удивительно, как может изменить человека новая одежда. И – в груди кольнула досада – отсутствие сдерживающего магию ошейника.

– Мелоди, я так не могу, – Кaleb вместо объяснения обратился к кривоногой хистрийке.

– Ты можешь оставить нас одних хоть на пару минут?

– Дервин, ты знаешь приказ капитана.

– Посмотри на нее! Она растеряна! Будет лучше, если я...

– Либо так, либо никак, – отрезала Мелоди. – Насчет вас двоих есть четкие указания: все разговоры только на хистрийском языке и только при свидетеле.

– Ну я же ответил на все вопросы! Я – коренной хистриец! – простонал Кaleb.

– Бумаги пока не пришли. Ты и сам прекрасно понимаешь, почему капитан Бестон перестраховался, – девушка бросила взгляд на Ирсору, и у той обожгло в груди.

– Мне кто-нибудь что-нибудь объяснит? – еле сдерживаясь, спросила она, соизволив перейти на язык присутствующих.

– Да. Прости, – Кaleb снова обратил все внимание к хозяйке. – Ирсора, ты помнишь, как упала в таверне?

Она вздрогнула. Все началось с мужчины, похожего на орла. Потом она сняла с Калеба ошейник. Вспышка ослепила ее. А дальше темнота и боль.

– Смутно.

– Ты сильно пострадала при падении и потеряла сознание, – Кaleb сглотнул, сделав короткую паузу, и продолжил, глядя ей в глаза. – В ту ночь Хистрия заняла Рык и прибавила его к своим владениям. Солдаты подавили сопротивление и освободили всех рабов. Таких, как мы с тобой.

В других обстоятельствах Ирсора как следует отходила бы его палкой за то, что посмел назвать ее рабыней. Потребовалось все самообладание, чтобы промолчать и не выказать возмущения. Судя по тому, что она слышала, лучше пока воздержаться от эмоций.

– Хистрийцы оказали тебе первую помощь, подлатали магией и продолжают лечить, – продолжил Кaleb. Он теребил кончики перчаток и не сводил глаз с Ирсоры. – Вот уже чуть больше двух недель.

– Что?

– Мы находимся в Хистрии, в военном госпитале.

– Что?!

– Мы прибыли пару дней назад на корабле.

– Как...

– Ты плохо переносила качку, и Мелоди поила тебя отварами, чтобы ты больше спала.

– Ты... похитил меня? – тихо спросила Ирсора. Она вложила во взгляд все, что не могла произнести при военной хистрийке.

Кaleb не опустил глаз, лишь сжал кулаки, держа руки на коленях.

– Тебя никто не похищал, Ирсора, – серьезно произнес он. – Тебе спасли жизнь. Поверь, если бы не военные, тебя бы не стало.

– Да с чего ты решил?

– Потому что я знаю! – в его голосе послышалась горечь. – Мелоди, ну пожалуйста, дай нам поговорить наедине. Мы не будем обсуждать планы по уничтожению Хистрии, я обещаю!

– Дервин, – вздохнула военная. – Повторяю: сколько бы ты ни выпучивал свои очаровательные карие глазки, я приказа не слушаюсь. Хочешь поговорить наедине – тащи свою задницу к капитану Бестону и проси у него письменное разрешение. Пойдешь?

– Да он не то что письменного, он и устного не даст, – Калевб насупился, нервно потер шею и обратился к Ирсоре. – Есть еще кое-что, что тебе нужно знать. Я бы хотел рассказать наедине. Как видишь, обстоятельства тому мешают.

– Говори, – кивнула Ирс. У нее кружилась голова от услышанного, но чем больше она узнает, тем лучше ориентируется, как вести себя.

– Утром, после занятия Рыка, – речь юноши стала мягкой, медленной, вдумчивой – он тщательно подбирал слова, – хистрийский представитель провозгласил отмену рабства на территории города и близлежащих территорий. Работоторговля в Хистрии, как ты помнишь, вне закона.

– Да, я помню, – глухо сказала девушка. Она догадывалась, к чему он ведет.

– Всех выживших рабовладельцев казнили. Среди них был Игред Полумесяц.

Одно дело предполагать, другое – услышать. У Ирсоры непроизвольно задрожали губы, на мгновение перед глазами потемнело. Ее отец, на которого равнялись все воины ее племени, погиб, болтаясь на виселице. Отвратительнее этого лишь то, что теперь Асгерд может стать ярлом. Борьба за благосклонность правителя в призрачной надежде на признание закончена. Внутри разлилась печальная, безнадежная пустота.

– Перед смертью, – тихо добавил Калевб, – он звал свою дочь.

– Он звал ее по имени?

– Я не слышал, чтобы он называл имя.

Ирс мысленно выдохнула. По крайней мере, ни один из очевидцев казни не свяжет ее с повешенным работоторговцем, что дает надежду избежать его участи.

– А кто такой Игред Полумесяц? – подала голос Мелоди.

– Он, – Калевб чуть подался вперед и снизу вверх заглянул Ирсоре в глаза, – тот, кто нами владел. Обоими.

– Вот оно что, – протянула хистрийка. – Тогда считайте, что вам повезло. Ирсора, ты как себя чувствуешь? Можешь ответить на несколько моих вопросов?

– Да...

– Мелоди, куда еще твои вопросы? – воскликнул Калевб. – На нее столько сейчас навалилось, дай в себя прийти!

– Пусть задает свои вопросы, – зло выпалила Ирсора и нахмурилась, глядя на раба. – Хотя бы тут я решу сама за себя.

– Вот и ладненько, – Мелоди поерзала на стуле. – Для начала давай познакомимся. Меня зовут Мелоди Кернс. А тебя? Ирсора... какое-то родовое имя, возможно? Как к тебе обращаться более официально?

Ирсора, дочь Игреда Полумесяца, ярла медвежьего племени.

– Просто Ирсора.

– Кхм. Хорошо, как скажешь. Ирсора, чем ты занималась до пленения?

– Я же уже рассказывал Бестону, – повысил голос юноша. – Она была воительницей и...

– Еще слово, Дервин, и я тебя выкину отсюда, – оборвала его Мелоди. Она помрачнела, зыркнула на него исподлобья, заставив прикусить язык. – Будь хорошим мальчиком и молчи. Ты вообще не должен присутствовать при допросе, просто я сегодня добрая, не хочу лишать большую последней опоры.

Калевб скрестил руки на груди. Он нервно кусал губу и переводил взгляд с дочери ярла на хистрийку. Ирсора демонстративно отвернулась от него и ответила на вопрос:

- Я сражалась за свое племя.
- Умеешь убивать людей, да?
- Отлично умею.

– Честный ответ, мне нравится. Ты, кстати, здорово говоришь по-хистрийски. У тебя был хороший учитель.

– Думаю, он был хуже, чем я надеялась, – Ирс мимолетно взглянула на Калеба и заметила, как он виновато склонил голову.

- А как называлось твое племя?

Ирсора вздохнула, посмотрела на сломанную руку. Медвежье племя, живущее в славном городе Арата и наводящее страх на врагов.

- Племя волков, – тихо ответила девушка.
- А Калеб говорил другое название.

– Калеб – раб, – с презрением выдохнула Ирс. – Откуда ему знать названия племен, на которые нападают его хозяева?

Повисла тишина. Ирсора не стала оборачиваться к юноше. Она и так чувствовала на себе его печальный взгляд. Мелоди задумчиво смотрела на девушку, потом мягко произнесла:

- Он больше не раб. Вы оба – свободные люди.

– Конечно, только под перчаткой у него по-прежнему остается знак, доказывающий, что он – собственность медвежьего племени!

– Ирс, пожалуйста, не надо, – с болью в голосе произнес юноша. Теперь он больше походил на того Калеба, которого девушка знала.

– Пожалуй, на сегодня хватит, – Мелоди неловко встала. – Отдыхай, Ирсора. Скоро должен прийти целитель. Он немного поколдует над твоими конечностями.

- После этого я смогу ходить?

– Нет, – хистрийка покачала головой. – Быстрое заживление окажет на тело большую нагрузку, поэтому серьезные травмы нужно лечить постепенно. Мы ускорим восстановление твоего организма, потому ты справишься от ран намного быстрее. Но не сразу. Дервин, пошли.

Калеб резко встал и поспешил за Мелоди, держась на значительном расстоянии от кровати Ирсоры. Он ссутулился, опустил взор, как и положено рабу.

– Во ты себе подружку нашел, – присвистнула целительница, когда они покинули крыло, где лежала Ирсора. – Она тебя целиком сожрет и не подавится.

– Она не вела бы себя так, если бы ты не принялась ее допрашивать, – обиженно огрызнулся Калеб. – Ты еще и меня приплела. Не говорил я никакого названия племени. Откуда я вообще мог его знать?

Они направились в сторону офицерских казарм. Калебу военный городок казался большим и запутанным, а Мелоди умудрялась трепать языком, не обращая внимания на дорогу. Они обошли несколько одинаковых зданий. Бывший раб засомневался, найдет ли самостоятельно путь обратно.

– Извини, – покаянно протянула Мелоди. – Небольшая дезориентация во время допроса – стандартный прием. Научу тебя как-нибудь. Мне правда жаль, что она на тебя напустилась, я не ожидала такого поворота.

- Это было подло, – буркнул Калеб.

– Добро пожаловать в Хистрию, птенчик! – развела руками девушка. Жест получился неловким из-за хромоты.

- Не называй меня так.

– Боишься, что она заревнует? Ну да, я достойная конкурентка, на мне хоть мяско имеется, – хохотнула целительница, хлопнув себя по ягодице.

Калеб со страдальческим стоном спрятал лицо в ладонях:

- Невозможно с тобой серьезно разговаривать.

– Зато мои шутки вернули тебя из прошлого в настоящее. Вон, даже спина выпрямилась, – девушка указала пальцем на плечи бывшего раба. – Не позволяй подружке так по тебе лупить. Если ты дашь отпор, она тебя зауважает.

– Там все сложно, – проворчал юноша.

– А когда бывает легко? – целительница философски пожала плечами и остановилась возле длинной двухэтажной постройки. – Тебе сюда. Поднимешься на второй этаж, третья дверь слева. Там будет доктор Эйфат. Он тебя осмотрит. А мне пора к капитану Бестону.

– Но я ведь не болен, зачем меня осматривать?

Мелоди сочувственно улыбнулась:

– Птенчик, не забывай, что ты маг, у которого проблемы с магией. Доктор Эйфат занимается подобными случаями. Мы надеемся, что он придумает, как тебе помочь. А теперь будь большим мальчиком и поднимись на второй этаж без сопровождения. У меня сегодня нет настроения лишний раз бегать по лестницам.

Кaleb кивнул и спешно затопал по ступенькам, а Мелоди поковыляла к офицерскому корпусу. Сегодня нога болела сильнее обычного, что подсказывало девушке о скором похолодании. Кабинет капитана Бестона находился на третьем, самом верхнем, этаже. Уже после первого пролета Мелоди ругала, на чем свет стоит, того садиста, который придумал лестницы. Прежде чем войти в кабинет, она дала себе пару минут отдышаться после тяжелого подъема.

– Капитан Бестон, целитель Мелоди Кернс прибыла по вашему приказу, – она приложила кулак к груди и застыла, выпрямившись, насколько позволяло изломанное тело.

– Вольно, солдат. Присаживайся, докладывай, – кивнул капитан. Он отложил документы, которые просматривал, достал из ящика тонкую кожаную папку.

– При всем уважении, – Мелоди сложила руки за спиной и встала в менее болезненную позу, – я способна стоять во время доклада, как и остальные солдаты.

– Хорошо, стой, – легко согласился мужчина и выжидающе уставился на нее.

– Мьернка очнулась. Дервин рассказал ей, что случилось и где она находится. Потом я задала несколько вопросов. Не все, какие собиралась, – целительница замялась. – Она эмоционально переутомилась, ей требовался отдых.

– Понятно. Что предварительно можешь про нее сказать?

– Интересная персона. Умная, сдержанная, но высокомерная. Утверждает, что хороша в бою. Пока не знаю, как к ней подступиться, чтобы склонить к сотрудничеству. Вся надежда на Дервина.

– Дервин. Кaleb Дервин, – забормотал Бестон, перелистывая документы в папке. – Да, вот. Пришли бумаги на него. Он и правда из провинции Форса, сирота. Два года считался пропавшим без вести вместе со своим магом-наставником. Кстати, – капитан многозначительно посмотрел на Мелоди, – наставник обладал способностями к целительству.

– Парень сейчас у доктора Эйфата. Будем ждать результатов.

– Хорошо. Мы всего несколько дней в Хистрии, а уже есть подвижки. Не зря отправил запрос в архив сразу по прибытии. Канцелярские крысы умеют быстро работать, – капитан закрыл папку и спрятал в ящик. Упер подбородок в сцепленные пальцы. – Есть что-то еще, что мне требуется знать?

– Официально – нет, – мотнула головой Мелоди.

– Тогда рассказывай неофициально.

– Брешут они оба, капитан, – выпалила девушка. – Одного взгляда на них хватит, чтобы понять: знают друг друга давно, понимают с полуслова. Явно не в дороге на невольничий рынок познакомились. Но брешут складно, не придрасться. Оба хитрые, как парочка лис.

– Они скрывают злые намерения? – капитан изогнул бровь.

– Наверяд ли. Мне кажется, но это лишь моя догадка, что девчонка была его хозяйкой, когда он находился в рабстве. Видели бы вы, как она его парой слов будто наизнанку вывернула. Повторюсь, это лишь мое предположение.

Капитан Бестон задумался. Он рассеянно переводил взгляд по скудному убранству кабинета: от стола к стулу, от стула к вешалке с мундиром, от мундира к загородке, отделявшей комнатуху-спальню. Ночевал он здесь же, часто засиживаясь допоздна за бумажной работой, которую терпеть не мог. Придя к решению, он поднял глаза на Мелоди:

– Даже если это правда, я сомневаюсь, что их ложь доставит нам проблем. Мы не будем их изобличать и посмотрим, как они поведут себя дальше. Если сумеем перетянуть их на свою сторону, факт ее рабовладельческого прошлого не будет иметь значения. А если нет, то он станет дополнительным рычагом давления. Так или иначе, нам на руку их связь.

– Паренька жалко, капитан, – тихо произнесла целительница. – Он кажется мне искренним.

– Мы оба с тобой знаем, – вздохнул Карлос Бестон, – что жалость тут не поможет.

– Да, но...

– Ты можешь сесть передохнуть перед возвращением в лазарет, – мягко прервал ее капитан.

Девушка благодарно кивнула и устало плюхнулась на стул, растирая ногу.

– И зачем вы согласились переселиться на такую верхотуру? – буркнула она. Последние формальности исчезли, как только она опустила зад.

– Я не мог отказаться, – мужчина развел руками. – Мне выделил этот кабинет Диего Кернс.

– Отчим, – закатила глаза Мелоди Кернс. – Теперь все понятно. Стремился насолить мне. И все же...

– Он мог придумать для тебя что-то похуже, если бы я отказался.

– Да, построил бы специально для вас башню в десять этажей, с веревочной лестницей, – печально засмеялась целительница.

Диего Кернс возлагал на падчерицу большие надежды, как на мага, несмотря на ее врожденное увечье. Мелоди подозревала, что и женился он на ее матери ради вхождения в семью мага и получения соответствующих привилегий. Узнав, что у целительницы скудный дар и она не сможет достичь головокружительных высот в целительском деле, он устроил скандал. И вот уже с десятков лет отчим считает Мелоди виновницей всех своих бед, несмотря на то что за счет ее фамилии сумел быстро подняться по карьерной лестнице в военной сфере. После того, как Мелоди пошла в армию, любимым занятием Диего Кернса стало чинить ей препятствия и подлянки.

– Мне недолго бы пришлось сидеть в башне, – улыбнулся капитан Бестон. – Мы скоро снова отправимся в полевой лагерь.

– Что ж, крысы, клопы и грязь лучше, чем выдумки Диего Кернса, – бодро хлопнула в ладоши девушка и с усилием встала, опираясь на здоровую ногу. – Разрешите откланяться?

– Разрешаю. Приглядывай там за нашими гостями.

– Будет сделано, капитан, – Мелоди попрощалась, приложив кулак к груди, и вышла.

Бестон снова достал кожаную папку, задумчиво полистал. Еще на корабле он вызнал у Калеба Дервина данные о месте рождения, именах родителей и наставника, точном адресе. Парнишка без запинки ответил на все вопросы. Из архива пришли бумаги, подтверждающие его ответы. Коренной хистриец с перспективными способностями к магии. Спасибо вездесущей бюрократии, требующей регистрации всего подряд. Парнишка честно отвечает на вопросы, а вранье допускает только при рассказах о своей подруге из Мьерна. Жаль, про нее что-либо узнать не так легко, как про него.

Карлос потянулся, взялся за перо и продолжил заполнять прошения, которыми занимался до прихода Мелоди. Требования не выходили за грани разумного: комплект зимней формы для каждого солдата его отряда, медикаменты, новые седла для лошадей. Повышение денежного довольствия, чем святые не шутят? Про деньги пишут все офицеры, когда-нибудь должно сработать. Капитан устался на список. Игнис просила разрешения держать в казарме кошку. Да кто такое позволит вообще? Форму бы ухватить до отъезда. Карлос вспомнил жалостливые глаза рыжей пигалицы, прижимающей к груди черного пушистого зверя, махнул рукой и дописал: «Разрешите приобретение кота-крысолова, как дополнительное средство для борьбы с грызунами». В казармах, где чистота ставилась на первое место, хвостатые паразиты не докучали, а вот на полигоне от них спасу не будет.

Лояльные начальству офицеры могли рассчитывать на гораздо большее материальное вознаграждение за успешно проведенную операцию в Рыке. Те немногие, кто не желал лизать пятки старшим по званию, довольствовались малым. Закончив, Карлос запечатал конверты – в трех экземплярах, как положено – сдал их в канцелярию и отправился к доктору Эйфату узнать, как дела у Дервина. До вечернего построения еще хватало времени, можно не спешить.

Прибывшим из Рыка дали пару дней вольности для восстановления сил и заживления ран. С завтрашнего дня начнутся муштра и тренировки, так что все посторонние дела следовало закончить сегодня до отбоя.

– Эй, Карлос Бестон! – послышался позади знакомый голос. Его догнал капитан Филипп Мешади в криво сидящей форме, явно не подходящей по размеру. Как минимум, живот из нее давно вырос, отчего пуговицы под его натиском рисковали оторваться от мундира. – Не соизволишь объяснить, как так вышло, что мой целитель в Рыке погиб, а твоя хромоногая шавка осталась целехонька?!

– Не понимаю, о чем ты, – холодно ответил Карлос. – За моим отрядом не закреплено собак, тем более, хромых.

– Я о Кернс! – распалялся военный.

– Целитель Кернс – отличный солдат, она умна и неукоснительно выполняет приказы. Быть может, если бы ты доходчивее объяснил своему целителю, что не стоит покидать охраняемый лазарет в зоне боевых действий, он бы остался жив. Я считаю личным оскорблением твое высказывание о моей подчиненной. И требую извинений. Либо можем решить возникшую ситуацию силой, – твердо произнес капитан Бестон, глядя сверху вниз на пузатого офицера.

Капитана Мешади можно было понять. За год в его отряде погибло два целителя, из-за чего начальство не спешило выделять ему третьего. Филипп месяц добивался зачисления и потерял нового целителя на первом же боевом задании. Магов со способностями к лечению с каждым годом становилось все меньше, ими не разбрасывались, как стихийниками. Ожидается, что Мешади, как командир отряда, получил жесткий нагоняй и, скорее всего, скоро отправится в дальний гарнизон, если его в очередной раз не спасут покровители из верхушки. Ему требовалось выплеснуть на кого-то обиду, но Карлос Бестон был не лучшей мишенью. Предложение дуэли быстро остудило пыл пузатого офицера. Он пожевал губы и выдавил:

– Извини, погорячился. Я прошу прощения у тебя и целителя Кернс.

Бестон кивнул. Не оборачиваясь, он пошел дальше, оставив Филиппа злобно глядеть ему в спину.

Карлос зашел в кабинет доктора Эйфата, когда Калевб застегивал рубашку. Успел к концу осмотра. На вопросительный взгляд юноша потупился и буркнул:

– Меня перевели в лазарет.

– Не удивлен. Добрый день, доктор Эйфат. Чем порадуете?

Бородатый старик с блестящей лысиной уселся за стол, обмакнул перо в чернильницу и, заполняя лист ровными строчками, заговорил:

– Нечем тебя порадовать, Карлос. Тяжелый случай. Внешний осмотр показал отсутствие серьезных травм, а вот внутри творится святое знает что.

Калеб закусил губу. Доктор рассказывал капитану Бестону то, что несколько минут назад поведал ему. Молодой маг не знал, радоваться ему или рвать на себе волосы. Если задуматься, повод для радости имелся, и весомый...

– Парень долгое время был отрезан от магии, из-за чего каналы у него внутри иссохли. Многие восстановятся сами со временем. Через полгода я проведу повторное обследование, чтобы зафиксировать динамику.

– А почему использование магии вызывает у него проблемы?

Старик посмотрел на Калеба, стоящего у стены, сочувственно вздохнул:

– Ты хорошо разбираешься в теории, Карлос?

Капитан повел плечами:

– Не очень. Я знаю, что если долго магией не пользоваться, это приведет к неприятным последствиям, вот как у Дервина.

– Если кратко, в наших телах есть система сосудов, похожая на кровеносную. По ним течет сила, позволяющая нам колдовать. Для разной магии – разные каналы. У кого-то их больше, у кого-то – меньше. У кого-то они шире, что дает возможность влить в заклинание больше силы, у кого-то – уже. А если не давать силе свободно течь внутри, то вся система постепенно иссыхает, каналы сужаются, искривляются, укорачиваются. Дервин пытался протолкнуть через истощенные каналы силу для мощного заклинания. Ты когда-нибудь видел прорыв плотины?

– В Оредаре, – глухо ответил Карлос и опустил взгляд. – Две деревни затопило.

Калеб слышал про Оредар. Провинция всячески сопротивлялась присоединению к Хистрии, выдвигала дополнительные требования, растягивала переговоры на месяцы. Собственно, провинцией Оредар стал после прорыва плотины. Когда вода поглотила две деревни вместе с жителями, правитель подписал документы, и Хистрия организовала гуманитарную операцию для осушения земли, захоронения тел и помощи немногим выжившим. Хистрийцы гордились помощью «младшему брату» и даже не сопротивлялись повышению налогов, ведь средства направлялись на благое дело. Подавленный вид капитана Бестона заставил Калеба впервые задуматься, действительно ли трагедия являлась несчастным случаем.

– Тогда ты должен представлять, с какой разрушительной силой магия прошла через его тело. Он удивительно крепкий, раз выжил без необратимых последствий, – доктор Эйфат задумчиво уставился на записи. – У него средняя предрасположенность к стихиям, он чутко ощущает движение магии. При надлежащих тренировках быстро освоит магическое зрение.

Калеб нервно потер шею. Слова доктора звучали многообещающе, когда тот говорил с юношей наедине. Рассказ о внутреннем самочувствии бывшего раба, предназначенный Бестону, всколыхнул тревожные мысли. Вспомнился разговор с капитаном в Рыке, где Калеб пообещал сделать все, что потребуется, ради спасения Ирсоры. Окажись юноша бесполезным в качестве мага, он еще мог бы рассчитывать, что его и девушку отпустят, позволив жить своей жизнью. В каждом ободряющем слове о возвращении способностей к магии Калеб слышал оглушающий щелчок захлопывающегося капкана.

– Интересно, – кивнул капитан Бестон. – Не припомню стихийников с магическим зрением.

– А он и не стихийник, – при улыбке старика в уголках глаз собрались паутинки морщин. – Он целитель с огромным потенциалом. Верно, Карлос, у меня тоже такое же лицо было, когда я осознал. Учитывая, как развиты у него способности к стихиям, я могу заключить, что такие маги рождаются хорошо если раз в пару десятков лет. Не попади парень в рабство, скорее всего уже врачевал бы в какой-нибудь элитной столичной больнице.

Повисло молчание. Кaleb устало привалился к стене. Юношу заявление доктора Эйфата потрясло не меньше, чем капитана. Наставник никогда высоко не оценивал способности осиротевшего ученика. Он учил Калеба заживлять легкие ранения у пациентов и разжигать огонь в камине. Они никогда не обсуждали силу магического дара, и Кaleb, чаще использующий стихийную магию, удивлялся, почему попал на обучение к целителю. Теперь останется загадкой, то ли наставнику не хватало знаний для обучения мага, то ли он специально не давал развиваться, чтобы всегда иметь под рукой сильного помощника, не прыгающего выше него.

Быстрый взгляд Бестона подсказал, что он уже прикидывает, как использовать Калеба. Юноша злорадно ждал, пока Эйфат закончит рассказ, спустив капитана с небес на землю. Доктор перечитал написанное на листе, поднял на капитана блеклые глаза:

– Как я уже сказал, рабство спутало парнишке все карты. Теперь его потенциал буквально закупорен. Удивительно, но если стихийные каналы почти не пострадали, то те, по которым льется исцеляющая магия, искривлены и изуродованы.

– А их можно как-то... выпрямить? – осторожно спросил Бестон. Похоже, он не собирался сдаваться.

– Теоретически – да, – кивнул доктор. – Но только изнутри. Кaleb должен сам их выравнить и привести к правильному функционированию. Я уже показал ему, как.

– Тогда отлично, – Бестон повернулся к Калебу. – Сегодня и займешься.

– Нет, – тихо, но твердо сказал юноша.

– Что – нет? – не понял капитан. – Я ничего не спрашивал.

Старик побарабанил по столу, привлекая к себе внимание. Поймав взгляд капитана, он мягко пояснил:

– Я не думаю, что Дервин в нынешнем состоянии способен к восстановлению. Он подавлен и истощен, а манипуляции с этими каналами причиняют ему нестерпимую боль. Буквально перед твоим приходом мы в этом убедились. Я сомневаюсь, что его тело и разум выдержат исправление хотя бы одного канала. Позволь парнишке набраться сил. Пусть развивает стихийную магию. А когда будет готов, приступит к возвращению целительских навыков, – он покачал головой. – Если к такой боли можно быть готовым.

– Целитель, который тратит время на стихийную магию. Где еще такое увидишь? – буркнул Бестон.

– Он все еще остается магом, Карлос. Я не укажу в отчете его недуг. Ты тоже никому не говори. Пусть значится стихийником, так и ему безопаснее будет, и нам проще. А до следующего обследования я подумаю, чем помочь.

– При всем уважении к вам, доктор, – капитан нахмурился, – я сомневаюсь, что вы действуете бескорыстно.

– В моей практике не встречалось подобных случаев, – старик хитро улыбнулся. – Считай, что Кaleb Дервин – вызов моей профессиональной гордости.

– Надеюсь, вам и дальше будет столь же интересно его изучать.

– Тебе везет на неординарные случаи, Бестон, – доктор Эйфат поставил подпись и отложил бумагу. – Девочка Кернс, близнецы, теперь вот Дервин. На твои вызовы я всегда еду с воодушевлением.

– Рад, что вас занимают мои подчиненные, – хмуро ответил капитан. – Спасибо за вашу работу.

– До свидания, Карлос. Кaleb, было приятно познакомиться. Буду ждать нашей следующей встречи.

Кaleb пробормотал слова прощания, после чего, повинаясь жесту капитана Бестона, покинул кабинет. Его спутник с орлиными чертами лица выглядел задумчивым и недовольным. Кaleb тоже не радовался полученным сегодня знаниям. Перспективы дара поразили его. Слушая инструкции доктора, он вошел в транс, внутренним взором увидел всю сложную

систему переплетающихся отростков-каналов. Он никогда не нырял столь глубоко в свое естество и ожидал, что перед ним предстанет нечто, похожее на корни дерева. На деле он скорее сравнил бы увиденное со сложным узором из разноцветных нитей. Юноша ощущал, какие элементы сузились от недостатка силы, как они постепенно расправляются, расширяются. Между более устойчивыми стихийными каналами нашлись те, что питали его способность к лечению: скрюченные, почерневшие, словно выжженные. Кaleb прикоснулся к одному из них силой, желая напитать и исправить. Чудовищная боль обрушилась на самую его суть тысячей раскаленных лезвий. Его словно разорвало на кусочки и бросило в чан с кипящим маслом. Юноша не знал, что происходило с телом, кричал ли он, бился ли в судорогах. Очнувшись он на полу, а доктор шершавыми пальцами проверял на его шее пульс. Даже воспоминание о мгновениях той боли вызывало у Калеба дрожь. Он шел за Бестоном, не вникая, куда тот его ведет. Вдруг капитан прервал молчание:

– Завтра начнутся тренировки, Дервин. Пусть ты приписан к лазарету, должен будешь явиться.

– Я не уловил момент, когда вступил в армию, – недовольно буркнул бывший раб.

– Поэтому утреннее построение я позволяю тебе пропустить, – не изменил тона капитан.

– Тебе будет полезно размяться, попробовать колдовать. И не забывай, что ты живешь на территории военной части, тебя и твою мьернскую подругу кормят, лечат и одевают на средства армии. Ты уже задолжал немалую сумму, а долг продолжает расти.

– Давайте я устроюсь на работу в городе и отдам деньгами, – огрызнулся юноша. Их споры с капитаном начались еще на корабле. Хотя Кaleb ощущал его правоту, из раза в раз безуспешно пытался отстоять свободу.

– Ну вот, опять ты за свое. Ты сейчас балансируешь между статусами полезного стране гражданина и военного трофея. Твой выбор – это по-хорошему или по-плохому. Не смотри на меня так. Будь моя воля, я бы с тобой не возился. Но есть обстоятельства...

– А в каком статусе находится Ирсора? – перебил Кaleb.

– Пожалуй, – после недолгого раздумья произнес Бестон, – в таком же, как и ты. Пока раны не затянутся, нет смысла ее трогать и как-то брать в расчет. Хотя если она действительно так хороша в бою, как говорит, то может быть полезна. Ты бы поговорил с ней.

– Я не буду уговаривать ее на те условия, с которыми сам не согласен.

– Тогда тебе пора с ними согласиться, – резко ответил капитан.

Кaleb молча засопел и поднял взгляд от пола. Над ним простирался белый потолок лазарета. Сердце юноши забилося быстрее. Юноша не знал, как его встретит Ирсора, от волнения вспотели ладони. Он надеялся, что после их прошлого разговора девушка остыла, потому примет его более благодушно.

– Это опять ты, – буркнула Ирсора, как только из-за занавески возник Кaleb.

Вслед за ним вошел мужчина с орлиным взглядом. Рука Ирс потянулась к поясу, где раньше всегда висел меч. Она узнала того, кто убивал ее людей в таверне Рыка. Заметив ее напряжение, Кaleb поднял руки:

– Капитан Бестон не причинит тебе вреда. Кто-то должен присутствовать при наших разговорах, пока... – он замолчал и умоляюще посмотрел на мужчину.

Ирсора презрительно хмыкнула.

– Пока я не докажу этому синему индюку свою лояльность, – по-мьернски проговорила она.

– На хистрийском, – властно произнес капитан. – Когда я решу, что вам двоим можно доверять, сниму запреты.

Ирс присмотрелась к говорившему. Судя по сказанному, он имел вес и право принимать решения. Следовало проявить к нему толику уважения.

– И что нужно сделать, чтобы заслужить доверие Хистрии?

– Вот это я понимаю, деловой подход, – кивнул капитан. – Тебе следует говорить нам правду, предоставить данные, которые мы могли бы проверить. А также быть готовой принять наше гражданство и жить по нашим законам.

– Не слишком ли много за миску жидкого супа и пачку потных простыней? – вкрадчиво поинтересовалась Ирс.

– Дервин, оставь нас.

– Но...

– Все хорошо, Калев, – Ирсора постаралась, чтобы ее голос звучал мягко и успокаивающе. Ей не хотелось оставаться наедине с хистрийским магом, но она хваталась за любую возможность узнать больше о стране, в которой оказалась. И скорее обрести независимость.

Бестон выглянул из-за шторы, проследил за удалившимся юношей, присел на стул, который тот занимал.

– Раз я требую правды, то готов предоставить правду взамен. Если верить тому, что рассказал Дервин, у тебя больше нет семьи и дома. От твоей прошлой жизни тебя отделяет море. И, раз уж на то пошло, твоя страна отнеслась к тебе не очень-то дружелюбно. С другой стороны, Хистрия приняла тебя с распростертыми объятиями, предоставила лечение, кров. И перспективы, – он сделал многозначительную паузу. – Насколько мне известно, Мьерн не жалуется женщин, на вас накладываются определенные ограничения.

– Откуда ты знаешь? – вырвалось у Ирсоры. Фраза прозвучала горько, в хищных орлиных глазах капитана блеснуло торжество.

– Прочитал в путеводителе по Мьерну, – Бестон криво усмехнулся, давая понять, что шутит, после чего кашлянул и продолжил серьезным тоном. – Мы с тобой разговариваем впервые, а я уже заметил незаурядный ум, внутренний стержень. В Хистрии ты можешь далеко пойти. Тут обратят внимание на то, как ты себя поставишь, независимо от пола.

– Что-то я пока не могу далеко пойти, – буркнула Ирс. Рука в шине нестерпимо зудела, а ногу жгло от мази, которой недавно намазал ее медик.

– Все трудности временны, – произнес капитан почти ласково. – Почему бы тебе не рассмотреть новый виток судьбы, как возможность изменить свою жизнь? Ты сможешь найти новую цель.

– И в качестве новой цели я должна буду биться за твою страну?

– Насколько я понял, ты это умеешь. А моя страна может стать твоей, тебе нужно только дать согласие.

Ирсора шумно выдохнула. Капитан Бестон предстал перед ней мужчиной другой породы, нежели ее соплеменники. Ни прямолинейный и мудрый отец, ни глупый и трусливый братец не обхаживали ее такими речами, не говоря уж о простых, как бревна, воинах, сражающихся под ее началом. Хистриец заглядывал ей в глаза, следил за реакцией на каждое слово. Он плел паутину лжи из нитей правды, мягко подталкивая ее в липкие сети. Она кожей ощущала, насколько этот человек опасен, и с ужасом понимала, что отчасти он прав. Пусть он считает, что она родом из уничтоженного медвежьим племенем селения, чудом избежавшая клейма рабыни, а все равно бьет словами в цель. Или отличная интуиция, или Ирсору так легко прочесть хистрийскому офицеру.

От последней мысли девушка внутренне сжалась. Слабость и безвольное положение выбили из нее всю мощь медвежьей воительницы. Желтоватые шторы, белый потолок и тонкая больничная сорочка отбирали ее суть. Пока остается здесь, она так и будет ощущать себя загнанной в угол перед властным хищником.

– Предложение, конечно, заманчивое, – подбирая слова, начала Ирсора. Хистрийский язык, дававшийся ей довольно легко, вдруг застрял в горле. – Но требования значительные. Мне нужно все взвесить. Я хотела бы попросить об услуге, чтобы облегчить принятие решения.

Губы капитана Бестона тронула легкая улыбка. Он вопросительно склонил голову набок, ожидая продолжения. Что ж, пусть считает, будто она уже определилась и набивает себе цену. Ирс приподняла уголки губ в ответ:

– Первое. Я хочу поговорить с Калемом наедине.

– Исключено.

– Я так не думаю, – Ирсора склонила голову набок, повторяя за собеседником. – Всего-то и надо позвать его сюда.

– Что такое ты не можешь обсудить с ним при мне?

– Уж точно не заговор против твоей державы, – фыркнула Ирс. – По-моему, уже понятно, что мы не можем доставить вам проблем. Даже если бы я сейчас нашла где-нибудь меч и напала на кого-то, какой урон бы нанесла? Учитывая, что еле двигаюсь, скольких смогу убить, прежде чем меня прикончат? Одного-двух солдат, в лучшем случае – трех. Это ничто для многочисленной армии, – она поймала его задумчивый взгляд. Капитан скорее всего не верил в ее высокие боевые способности, холодный расчет стал для него открытием. – Раз ты требуешь доверия тебе и всему тобой сказанному, я требую доверия в ответ. Дай мне свободно общаться с Калемом. Тогда я не стану убивать солдат, если найду меч.

– Ты блефуешь, – выдохнул Бестон.

– Хочешь проверить?

Вопреки ее ожиданиям, капитан не разозлился. Он усмехнулся, выпрямился, расправил плечи почти с облегчением. Ирсора никак не могла прочитать его, оттого внутри разгоралась ярость.

– Общение с Калемом – не единственное твое требование, верно?

– Да, – кивнула девушка. По крайней мере, теперь она уверена, что он позволит им поговорить. Пришла очередь менее осуществимого. – Я хочу, чтобы меня вылечили быстрее.

– Тебя и так лечат с максимально доступной для твоего организма скоростью.

– В Мьерне я видела, как шаман за час срастил кости воину, на ногу которого упала лошадь. Неужели ваши маги не столь искусны, как наши шаманы?

– Ваши шаманы не понимают цены, уплаченной за быстрое выздоровление.

– А может, оно стоит той цены?

Бестон колебался. Ирсора подавила торжествующую улыбку и подтолкнула его:

– Как я из этого больничного закутка смогу понять, что из себя представляет ваша страна? Мне требуется увидеть, попробовать, почувствовать.

– Я поговорю с целителем, – наконец кивнул капитан. – Ничего обещать не буду, лазарет – не моя вотчина. С врачами сама будешь договариваться. Уверен, тебе это под силу.

Он, не проронив больше ни слова, покинул ее огороженный тканью мирок. Ирсора вслушивалась, как сапоги капитана топают по полу. Вдалеке он остановился и позвал Калеба. Ирс удовлетворенно улыбнулась. Улыбка схлынула с лица, как только перед ней предстал ее раб.

– Ирсора, уж не знаю, как ты уговорила капитана...

– Без твоей помощи, Калев, – сказала она по-мьернски.

Юноша уловил ледяные нотки в ее голосе, плюхнулся на стул, напряг плечи. Заговорил на ее языке серьезно, сжимая кулаки на коленях:

– Ирс, за что ты меня так наказываешь? Я же все для тебя делаю.

– Для меня? – девушка задохнулась от его упрека. Она не ожидала, что разговор пойдет в таком русле.

– Вот именно, – воспользовавшись паузой, бывший раб пошел в наступление. – Я спас тебя, всю дорогу оберегал, пытаюсь устроить нам жизнь, и где твоя благодарность?

– Я еще должна благодарить тебя за свое похищение? – прошипела девушка. – Ты не много о себе возомнил, раб?

– Ирсора, – неожиданно Калеб схватил ее за плечи и до боли сдвигал их. Его лицо искажилось, а она настолько изумилась перемене, что смогла только еле слышно охнуть. – Я больше не раб. Уясни это наконец. Я свободен. Никаких больше приказов или наказаний. Теперь мы с тобой равны.

– Отец не освобождал тебя, – предприняла слабую попытку Ирс, а Калеб в ответ легонько встряхнул ее.

– Меня освободила Хистрия. Мы находимся на ее территории. Так что будь добра относиться ко мне, как к вольному человеку.

– Почему же ты до сих пор здесь? – прошептала девушка, и тут догадка кольнула ей сердце. Она дернула плечами, сбрасывая его ослабшие руки. – Ты мстишь мне!

– Что? – он отшатнулся, как от удара.

– Ты притащил меня в свою страну, загнал в безволие, чтобы отомстить за годы рабства, – она задохнулась от собственного прозрения. – Ты специально взял меня с собой, чтобы изо дня в день наслаждаться моим положением. А я, дура, думала, что могу на тебя положиться, собиралась просить о помощи. Ты, мерзкий крысеныш, забыл все милости, что я тебе оказывала, как только новые хозяева поманили! Ты и ошейник требовал снять не чтобы помочь, а чтобы пленить меня!

Калеб резко вскочил, уронив стул.

– Ирс, ты с ума сошла? – пролепетал он. Краска схлынула с его лица, а расширенные глаза с ужасом взирали на девушку.

– Еще скажи, что я не права. У тебя не было других причин похищать меня.

– Ты могла умереть!

– Какое тебе дело до смерти хозяйки, раз тебя – как ты там сказал? – освободила Хистрия?

– Прекрати, – прошептал одними губами Калеб. – Не говори того, о чем пожалеешь.

– С чего я должна жалеть? Это ведь ты помог хистрийцам захватить меня и вместе с ними держишь меня в плену.

– Ты даже не знаешь, на что я пошел ради тебя, – тихо произнес юноша.

– Да, я вижу, как возвращение на родину, удобная одежда и вкусная пища для тебя невыносимы. Ты...

Калеб резким движением отдернул штору и почти бегом покинул ее закуток. Ирсора подавила желание запустить ему вслед стулом. По большей части из-за того, что сил закинуть громоздкий предмет достаточно далеко у нее не хватило бы. Внутри пылала ярким пламенем злоба. Страх перед неизвестностью и отголосок благодарности за спасение обратились в прах, сожженные огнем растущей ненависти. Она доверяла Калебу, а он вонзил ей нож в спину. Мерзкий, неблагодарный раб. Ирс ударила кулаком по кровати, подняв облачко пыли. Чихнув, она тихо зарычала. Никто ей теперь не поможет. Придется действовать самой, ни на кого не надеясь. Девушка обессиленно упала на подушку. Она уже давно не чувствовала себя так одиноко.

Она не знала, сколько прошло времени, прежде чем пришел хистрийский лекарь. Немолодой мужчина утром обрабатывал ей раны. Насколько она помнила, его звали Марвин. Он окинул ее взглядом, поджал губы.

Девушка приподнялась, села в кровати, демонстрируя уверенность в своем желании.

– Мне тут сказали, что ты требуешь мгновенного выздоровления.

– Я хочу как можно скорее покинуть лазарет.

– Ты понимаешь, что я не могу выполнить твоё желание?

– Магия на многое способна, – она вздернула подбородок. – Только способен ли маг?

Марвин хмыкнул:

– Думаешь, можешь меня так по-ребячески поддеть? Ты знаешь, как проходит такое быстрое заживление?

– Видела пару раз.

– Нет, ты знаешь, какие механизмы его запускают?

Ирсора пожала плечами. Она не являлась шаманом, и в общем-то, ей было все равно, что заставляет раны заживать, а кости – срастаться. Важно лишь, что такое в принципе возможно.

– Стремительное лечение истощит твой организм. Ты сэкономишь себе пару недель, а расплатишься годами жизни, понимаешь?

– Ты наверняка лечил солдат таким образом.

– Да. На фронте! – Марвин провел ладонью по голове, взъерошив темные с проседью волосы. – В безвыходной ситуации. Я не занимаюсь таким в мирной обстановке.

– Я что, – устало закатила глаза Ирс, – похожа на человека, планирующего дожить до старости?

– Да как-то не очень, – признал маг. – Ты только утром очнулась. Отдохни, подумай пару дней, прими взвешенное решение.

Ирсора помолчала, подбирая правильные слова на чужом языке, и произнесла:

– Я приняла взвешенное решение. Для меня каждый час такого вот отдыха – мучение. Мне надо двигаться, чтобы выздороветь. Я... – она осеклась, набрала в легкие побольше воздуха, – я воительница, а не слабая старуха, и хочу передвигаться без посторонней помощи.

– Тебя можно как-то переубедить?

Девушка покачала головой, не сводя глаз с собеседника. Тот выглядел раздосадованным.

– Чтoб тебя, Бестон, – тихо выругался он и задумчиво потер лоб. – Ладно. Мне нужно подготовиться. Через час вернусь. Но учти: во-первых, будет больно, а во-вторых, ты все равно какое-то время провалиешься в постели из-за слабости. Я переведу тебя в общее отделение, чтобы ты освоилась.

– Вот это другой разговор, – ободряюще улыбнулась Ирсора.

Марвин ее радости не разделял. Через час он вернулся с Мелоди, оба серьезные и напряженные. Когда Ирс отказалась от сонного настоя, целитель поморщился.

– Ты не передумала?

– С чего я должна передумать?

– Мелоди, хоть ты ее вразуми!

Калека пожала плечами:

– А зачем? Нам же проще будет, когда она на ноги встанет.

– Но...

– Марвин, если она считает, что так будет лучше, я не воспрепятствую. Пойми, седая ты башка, молодые всегда будут считать, что им море по колено. Пускай. Кто-то потонет, кто-то выплывет.

– Я ждал от тебя большего сочувствия, – проворчал Марвин.

– После заката ты можешь его не ждать.

– Может, начнем уже? – повысила голос Ирсора. – Это маленькая рана и небольшой перелом. Не делайте трагедию на пустом месте.

Целители переглянулись. Марвин вздохнул, потер ладони, словно замерз. Он встал у поврежденной ноги. Мелоди протянула Ирсо́ре дощечку. Та закусилa и постаралась расслабиться.

Солнце уже зашло, лазарет освещали магические светильники. Шаман медвежьего племени назвал бы такие устройства бесполезной тратой силы. Зачем создавать сложную технологию, требующую постоянной подпитки, если можно обойтись свечами? Воск гораздо дешевле, чем магия. Зато хистрийские лампы ярче. Ирсора разглядывала светло-желтый огонек над

головой, пока Марвин разжигал в ладонях белые искры. Мелоди, стоя с другой стороны кровати, водила руками над телом Ирс.

Марвин приподнял больничную сорочку воительницы, снял с раны перевязку. В нос ударил запах травяной мази. Воительница с облегчением отметила, что тошнотворной вони гноя не ощущалось. В Мьерне немало воинов умирало после боя от воспаленных, гниющих ран. Девушка хорошо знала опасный запах, предсказывающий ампутацию, а то и смерть. Целитель кивнул Мелоди и накрыл рану ладонью.

С пальцев брызнули белые искры. Ирс изогнулась, выпучила глаза, сжала в кулаках край одеяла. Ногу нестерпимо жгло. Если бы не дощечка, зажатая в зубах, воительница не сдержала бы крик. Она собрала всю волю, чтобы не отпрянуть и остаться лежать в той же позе. Все ее естество умоляло прервать мучения, но девушка знала: нельзя. Где-то на краю ослепленного болью сознания всплыло воспоминание, в котором шаман, поигрывая связкой темно-синих бусин, перед лечением поил воина отваром. Она только сейчас поняла, что отвар усыплял больных, потому никто не кричал и не извивался в лекарском шатре во время лечения. А она-то думала, что воины вели себя тихо, с легкостью перебарывая боль. Как глупо. Девушка пожалела, что не приняла предложенного лекарства. Теперь просить уже поздно.

Ирс зажмурилась, стараясь дышать ровно и глубоко. Она потянулась мыслями в далекий и родной Мьерн, к медвежьему племени. Пока ногу жгло лечебным пламенем, девушка вспоминала добротные деревянные дома, запах жарящейся дичи, размеренный стук молота в кузне. Она представляла женщин, полощущих белье в реке, детей, дерущихся на деревянных мечах. Лес, который кормил племя мясом и согревал теплом горящих в очагах дров. Камни Предков, у которых проходили самые важные события: от свадеб до судилищ. Потом она вспомнила ненавистного Асгерда. Теплые воспоминания заимели горький привкус. Ирсора не представляла его в роли ярла. Она надеялась, что кто-нибудь оспорит наследование титула и убьет мерзкого брата в поединке, раз уж старшая сестра не сумела вовремя вернуться в Арату.

Постепенно боль отступала, расходясь по телу, словно круги на воде от брошенного камня. Ирсора облегченно приоткрыла глаза и сонно наблюдала, как целители меняются местами. Ее мутило, все тело покрылось липким холодным потом.

– Так, теперь руку, – услышала она голос Марвина.

До Ирсоры не сразу дошел смысл сказанного. Она не успела ничего понять – новая вспышка боли пронзила сломанную руку, низвергнув сознание в долгожданное забытие.

Проснулась Ирс в другом месте. Ее уже ничего не загораживало от мира. Только мир по-прежнему выглядел, как лазарет. Дюжина кроватей, установленных в два ровных ряда, белые стены, белый потолок. Почти напротив постели Ирсоры располагалось окно, но чтобы что-то разглядеть, требовалось сесть. Она попыталась и не смогла – слабость приковала ее к матрасу, даже головой шевелить тяжело.

Помимо нее, кровати занимали женщина с отрешенным взглядом, закутавшаяся в одеяло, и парень, ровесник Ирсоры, с перебинтованной рукой. Он оживился, заметив, что Ирс открыла глаза:

– О! Проснулась! – воскликнул он. – Ты ведь из Мьерна, да? А правда, что у вас оленей сырыми едят?

– А правда, что у вас из задницы растут маргаритки? – с трудом шевеля сухими губами, огрызнулась Ирс.

– Георгины, а не маргаритки, – усмехнулся парень. – На гербе Хистрии изображена георгина. Советую запомнить, чтобы следующего хистрийца оскорбить эффективнее.

– Так ты не солдат, а садовник, оказывается.

Собеседник рассмеялся. Женщина с отрешенным взглядом повернула к нему голову, нахмурилась. Хистриец ее проигнорировал и продолжил болтать. Ирсора узнала, что его зовут Бэш, он из дальней провинции. В лазарете находится, потому что ему на тренировке тупым

мечом отрубили палец. Ирс слушала вполуха, на вопросы отвечала односложно. Она удивлялась разговорчивости и дружелюбию хистрийца после настороженного контроля капитана Бестона. Спohватившись, Бэш даже напоил ее водой, осторожно поддерживая стакан. Заметив еле заметный благодарный кивок, парень просиял:

– Не каждый день видишь настоящую мьернку. Прости уж мое любопытство. Про вас много слухов ходит, некоторые довольно пугающие.

– Самые пугающие считай правдой, – Ирсора сделала усилие и села, облокотив спину на подушку. Она изучающе оглядела смуглого паренька с крупным носом и тонкими губами. – У тебя странный акцент, будто хистрийский не родной язык.

– Так и есть, – он кивнул. – Я из провинции Хароро. Она присоединилась к Хистрии три года назад.

– Завоеванная страна, значит, – хмыкнула Ирсора, а Бэш скривился. – И ты воюешь на стороне завоевателя?

– Ты говоришь о том, чего не знаешь, – тихо ответил солдат. – Выбора у меня не было: либо так, либо семье худо бы пришлось. Я лучше наступлю на горло своей гордости, чем подвергну их опасности.

– Поэтому они согласились с твоим выбором?

Бэш горько усмехнулся. В его голубых глазах мелькнула печаль.

– Они не в курсе. Узнав, что я вступил в армию Хистрии, они со мной разругались. Я им не рассказывал, потому они понятия не имеют, на что я пошел ради их благополучия.

– А почему не рассказал? – непонимающе спросила Ирс.

– Чтобы они не чувствовали за собой вину, – прошептал Бэш. Потом мотнул головой и натянуто улыбнулся.

За разговором время текло быстрее. Ирсора много слушала и мало говорила, а Бэш оказался рад распустить язык. Все, что он рассказывал, девушка запоминала, чтобы понять обстановку на чужой территории. Раньше Хистрия ей представлялась далекой богатой страной, снисходящей до торговли с Мьерном, а теперь она виделась агрессивной военной державой, многочисленными способами загребающей все больше земель, подминающей мелкие государства, насаждающей свой язык и свои законы.

Бэша, наоборот, больше интересовали особенности быта мьернцев: какие у них бывают праздники, как они одеваются, все ли женщины владеют оружием. Ирсора отвечала с осторожностью и присущим недоверием, отчего Бэш обижался, замолкал, а через несколько минут снова начинал болтать.

Мелоди провела утренний осмотр, напоила Ирсу бульоном, сняла повязки с ноги и руки. На местах травм розовели новые шрамы с проблеском белых вкраплений. Целительница пообещала, что скоро они станут почти незаметными, тогда и магическое свечение исчезнет.

К полудню Ирсора, преодолев слабость, встала с кровати. Бэш порывался ее поддержать, в ответ получил грубый отказ. Держась за стенку, девушка добрела до уборной. Она никогда не думала, что самостоятельное справление нужды принесет столько радости. Воодушевленная, она нашла умывальник и кусок тряпицы, обтерлась от пота, насколько позволяли силы.

Жизнь сразу стала лучше, но судьба не преминула испортить впечатление: после обеда прибежал запыхавшийся Калев. От него пахло жженым волосом и мокрой шерстью. Ирсора притворилась спящей, чтобы он скорее ушел. Позже она снова слушала не знающего отдыха в своей разговорчивости Бэша. Общение с хистрийцем, которого она знала один день, давалось ей почему-то легче, чем разговор с Калевом, которого ей даже видеть не хотелось. Она вполне сможет прожить в Хистрии без него. В стране, искоряющей невольничество, она не нуждалась в рабе.

– Тебя ведь капитан Бестон курирует, да? – вдруг перескочил с темы на тему солдат.

– Вроде того, – кивнула Ирсора.

– Ты с ним ухо остро держи, – Бэш поучительно поднял указательный палец вверх. – Слышал я о нем всякого неприглядного. Подчиненные его хвалят, а остальные отряды недолюбливают. Он набрал себе разных неумех, но каким-то образом у него всегда меньше всего потерь личного состава.

– Может, дело в искусном управлении? – хмыкнула Ирсора. В этом она кое-что понимала.

– Да нет же! – Бэш понизил голос. – Я слышал, капитан Мешади недавно возмущался, что из-за Бестона лишился целителя. Другие капитаны нет-нет, да одарят его недобрым словом. Каждый раз, как что-то плохое происходит, рядом слышно его фамилию. В общем, умные люди держатся от него подальше.

– А не для того ли его винят во всем подряд, чтобы свою задницу прикрыть? – недоверчиво протянула Ирсора.

– Ой, ну ты меня совсем не слушаешь! – возмутился Бэш.

Вечером женщину с отрешенным взглядом увели, больше она не вернулась. Бэш пояснил, что у нее разум повредился после боя. Никто не знает, что с ней делать: она на пару дней в неделю перестает выполнять приказы, только лежит, глядя в потолок, да ест с ложки. А потом снова становится бравым солдатом, готовым к подвигам. Вроде боец хороший, а вроде дисциплину подрывает напрочь. И не отправишь ее никуда – вдруг посреди сражения ляжет, в небо взглядом упрется? Ирсора никогда не видела подобного. В медвежьем племени никто не сходил с ума, сколько бы крови на поле боя ни пролилось. Бэш пообещал, что если она вступит в армию, еще не такого насмотрится.

Ирсора, цепляясь за кровати и стены, ходила по просторному помещению. Ноги слушались плохо, приходилось опираться на руки, зато получалось лучше, чем днем. Лоб покрыла испарина, по шее струился пот. Бэш с интересом наблюдал за ней. Он придерживался мнения, что в лежачем положении ему гораздо лучше, потому не рвался вернуться к исполнению воинских обязанностей. Ирсору служба не обременяла, оттого ей хотелось скорее восстановиться и выйти на воздух. Белые стены лазарета с витающим в воздухе запахом лекарств за два дня набили ей оскомину.

Она присела на край кровати, чтобы перевести дух. В дверях показался Калев. Девушка понадеялась, что он зашел в поисках врача, и недовольно заворчала, когда юноша приблизился к ней.

– Прости меня, – выдохнул он.

Ирсора подняла голову. Юноша переоделся в черную рубашку и синий жилет того же тона, какой носили военные. Из кармана жилета торчали перчатки – похоже, снял перед встречей с ней. Где-то раздобыл сумку, топорщащуюся от напиханных в нее вещей.

Калев стоял и ждал ее решения. На миг Иргоре почудилось, что они все еще в Арате, что не случилось путешествия за море, что они в доме ярла, и Калев, с противомagическим ошейником на шее, просит прощения за очередную оплошность. Девушка моргнула, рассеивая наваждение. Нет, она в военном лазарете Хистрии, смотрит на похитившего ее хистрийца, опасного и коварного мага по имени Калев Дервин. Не дождавшись реакции, он продолжил:

– Надеюсь, ты когда-нибудь простишь меня за то, что я увез тебя из Мьерна, – юноша присел на корточки, посмотрел на Ирсу снизу вверх. – Посмотри мне в глаза и убедись: я действовал из добрых побуждений. Неужели после всего я могу обмануть тебя?

Он говорил мягко, не опуская взгляда, высматривая в лице Ирсоры малейшие изменения. Она сжала кулак и изо всей силы ударила его по лицу. Удар получился хилый – сказывалась слабость истощенного тела. Калев пошатнулся и приземлился на копчик, тихо охнув. Кровать, стоящая позади него, не позволила упасть на спину.

– Полегчало? – буркнул юноша, ощупывая покрасневшую скулу.

– Немного, – проворчала Ирса, как только он вновь присел перед ней. – Ты пошел против меня. Я еще слабо отплатила.

– Да не шел я против тебя! Вот же заладила, – рассердился Кaleb, отчего девушка удивленно подняла брови.

Он сразу успокоился, пошарил в сумке и достал яблоко. Медленно, словно дикому зверю, протянул ей. Ирсора взяла крупный красный плод. Надкусила. Брызнул и потек по подбородку сладкий сок. Девушка вгрызалась в мякоть, с наслаждением принялась жевать. После бульона и жидкой каши яблоко показалось ей восхитительно вкусным. И, главное, достаточно твердым, чтобы в процессе поедания использовать зубы. Закончив с яблоком, Ирсора значительно подобрела, воззрилась на все так же сидящего перед ней мага с долей прежнего покровительства. Он старательно сдерживал улыбку, покусывая нижнюю губу.

– Думаешь, откупился от наказания яблоком? – вкрадчиво спросила девушка, стерев с его самодовольного лица веселье.

– Ирс, – он обреченно покачал головой и встал, – можешь сколько угодно говорить мне мерзости, бить, причинять боль другими, более изощренными способами, на которые ты способна. Я от тебя не отступлюсь. И одну здесь не оставляю. Я тебя сюда притащил, и я буду тебя поддерживать. Мы по-разному смотрим на произошедшее, но от наших взглядов не меняется одно: нам здесь следует держаться вместе. Позволь мне быть рядом.

Ирсора посмотрела на веточку, оставшуюся от съеденного яблока, затем – на Калеба. У нее не осталось сил даже злиться, потому девушка слабо пожала плечами, еле заметно кивнула в ответ. Он позволил себе улыбку, отчего внутри кривыми когтями зацарапало раздражение.

– Только учти, что я свободный человек. Постарайся не чесать об меня кулаки.

– Зависит от твоего поведения, Кaleb.

– Я ходил утром на армейскую тренировку, – быстро перевел тему бывший раб. – Кое-что вспомнил. Гляди.

Он сжал руку в кулак, а когда разжал, на его ладони вспыхнул маленький огонек с еле заметными желтыми искорками. Ирсора отодвинулась. Она слышала о стихийной магии, но никогда не понимала ее природу. А жизнь научила держаться подальше от того, чего не понимаешь. Кaleb лучился радостью и глаз не отрывал от своего творения. Он покатал огонек над ладонью, после чего сжал кулак, погасив его. Из руки заструился серый дымок. Маг махнул рукой, словно стряхивая воду, вновь полез в сумку:

– Еще я принес твои вещи. На случай, если захочешь прогуляться. Кольчугу, уж извини, мне не отдали. Да и пока она, думаю, тебе ни к чему.

Юноша выложил перед Ирсорой ее одежду, постиранную и аккуратно сложенную. Сверху положил костяной браслет – символ ее зрелости и заслуг перед племенем. Она получила его, продемонстрировав доблесть и отвагу в первом сражении. Второй браслет Ирс планировала получить, проведя выгодные сделки в Рыке, доказав полезность своих знаний. Девушка взяла тонкий ободок, защелкнула на запястье. Символ ее достижений казался неуместным, как и ее простая черная одежда. Девушка показала самой себе чужой и нелепой. В голове вспыхнула мысль, что, не будучи дочерью ярла и смелой воительницей, она, в общем-то, ничего из себя не представляет. В отличие от Калеба, владеющего магией, ценности для хистрийцев Ирсора не имеет. Плевать, что там пел капитан Бестон. Ей снова, как раньше, придется потом и кровью доказывать свою значимость.

– Ирсора? Ты меня слышишь? – позвал Кaleb.

– А? – встrepенулась девушка. – Я задумалась.

– Говорю, если ты завтра утром будешь себя достаточно хорошо чувствовать, приходи на плац после построения. Посмотришь, как меня отделают в тренировочном бою.

– Было бы на что смотреть, – фыркнула Ирс.

– Наверное, будет. Мне сегодня подожгли жилет и облили водой с ног до головы.

– Пожалуй, мне стоит это увидеть.

– Дервин! – послышался от двери голос Мелоди. – Иди уже спать, скоро отбой. То, что ты закреплен за лазаретом, не значит, что ты можешь слоняться, где вздумается. Я тебе быстро дело найду! Не мешай обход делать!

Плечи Калеба напряглись, взгляд потупился. Он смущенно улыбнулся Ирсоре на прощание и поспешил уйти. Ирс спрятала вещи под одеялом, а сапоги задвинула под койку. Почему-то ей не хотелось, чтобы целительница видела то, что принес Калеб, даже если он это сделал с ее разрешения.

Мелоди поводила над девушкой руками, выпуская из пальцев мелкие, еле заметные, искорки, удовлетворенно покивала. Удивилась тому, что Ирсора с трудом, но уже передвигается самостоятельно, скупой похвалила девушку и отправилась к Бэшу. Ему она сменила повязку, попеняла за то, что он бока отлеживает, а мог бы уже в строй пойти. Подумаешь, палец отрубили. Новый, конечно, не вырастет, но кровь уже не идет, на строевую подготовку можно сходить. Бэш в ответ заявил, что все еще болен.

Как только дверь за целительницей закрылась, он пристал к Ирсоре с вопросами, кто такой Калеб и о чем она с ним говорила по-мьернски. Ирс, отмахнувшись от солдата, легла спать. В отличие от Бэша, она хотела как можно скорее выйти за пределы лазарета, для чего следовало набраться сил.

После построения часть солдат разошлась, а часть использовала утоптаный участок в качестве тренировочной площадки. Некоторые бойцы отошли к отгороженному месту, где стояли набитые сеном чучела. Там они практиковались по одиночке. Чуть поодаль расположились стрелки, стрелявшие в расположенные у дальней оградительной стены мишени. Ирсора с интересом наблюдала за тренировкой, опираясь на костыль. Слабость все еще одолевала ее, потому девушка перестраховалась, чтобы не упасть на глазах всей хистрийской армии. К слову, довольно никчемной.

Ирс наблюдала за смехотворным маханием мечей в тренировочных боях, за промахами лучников, за магами, которым, судя по реакции и смеху, не удавались простейшие заклинания. Не то чтобы все поголовно сражались ужасно, просто умельцев, казалось, можно по пальцам сосчитать. Девушку накрыла тень – подошел капитан Бестон. Ирсора прикинула, что ростом и шириной плеч он не уступает ее братцу Асгерду.

– Что скажешь? – поинтересовался он.

– И это непобедимая хистрийская армия? – вскинулась Ирс.

Бестон рассмеялся:

– Да, из-за синей формы может создаться такое впечатление. Почти все здесь – новобранцы.

– Ново... – Ирсора окинула взглядом тренирующихся. – Их так много.

– Да. Надеюсь, после первого боя количество не сильно убавится.

Капитан скептически скривился. Он выглядел собранным и сосредоточенным, зорко следил за сражающимися парами, прохаживаясь вдоль плаца. Несколько раз выкрикнул имена солдат, заставил их поменяться противниками, другим давал наставления, а на двух бойцов прикрикнул, обвиняя в безалаберности.

– Дервин, забудь ты уже про огонь! – услышала Ирс.

Она нашла глазами бывшего раба, который метал в противника желтые сгустки размером с яблоко, гораздо больше, чем он демонстрировал ей в лазарете прошлым вечером. Против него выступал маг, швыряющийся водой. Жилет и штаны Калеба насквозь промокли, хотя серьезного ущерба он не получил. Ирсора, опираясь на костыль, подошла ближе, прислушалась к приказам капитана.

– Ты универсал, чтоб тебя! Не делай упора на огонь. Хватит с меня уже огневигов, займись водой или ветром!

– Но огонь мне проще дается... – запротестовал Калеб.

– Еще один повод подтянуть другую магию! – Бестон пригляделся к участку, где солдаты тренировались в бою на мечах. – Игнис, Агний! Идите сюда!

Ему пришлось окликнуть несколько раз, прежде чем его услышали сквозь звон стали. Парень и девушка, чуть старше Ирс, оба с ярко-рыжими волосами, жестом показали своим противникам остановиться, после чего поспешили к командиру, пряча оружие в ножны. Разглядев поближе, Ирсора отметила их сходство: лицом они походили друг на друга, только девушка обладала густой косой, а парень коротко состриг волосы до кончиков ушей, оставив сверху растрепанную челку. Жительнице Мьерна такая прическа показалась чересчур сложной для мужчины. Телосложением они тоже отличались: парень – повыше, шире в плечах, чем девушка. Оба красивые, грациозные, с веселой хитринкой в зеленых глазах и россыпью веснушек на щеках. Пока Ирс рассматривала близнецов, Бестон скомандовал:

– Вы двое, против Дервина. И следите, чтобы он пользовался только водой.

Игнис и Агний улыбнулись, встали плечом к плечу. Между их вытянутыми руками заискрился желтый шар и тут же полетел в сторону Калеба. Тот отпрыгнул, растянувшись на земле. Близнецы тем временем напирали: они швырялись огненной магией, не давая юноше перевести дух. Их действия были настолько слаженными, что Ирсора невольно залюбовалась. Заметив ее интерес, Агний подмигнул, и они с сестрой оттеснили Калеба к краю площадки. Тот принялся кое-как отбиваться. Даже несведущая в магии Ирс поняла, насколько тяжело ему дается водная стихия.

– Двое на одного, как в реальном бою? – протянула Ирсора так, чтобы услышал Бестон.

– Как маги, Игнис и Агний считаются за одного, – тихо пояснил капитан. – Они не могут колдовать отдельно друг от друга. Даже на службу в армию они поступили не как маги, а как обычные солдаты. Я не привык разбрасываться талантами, потому для них после поступления под мое руководство была разработана тактика боя. По отдельности они отличные мечники, а вместе – способны поджарить кого угодно.

– Значит, ты обратил их слабость в силу? – Ирсора взглянула на капитана с уважением.

– Это задача командира – делать своих подчиненных сильнее. Жаль, не каждый командир со мной согласится.

– Я соглашусь, – тихо произнесла Ирс.

Калев выпустил из рук водяной шар, тот угодил в лицо Игнис. Та замерла, принялась отплевываться. С волос капала вода, на щеках она почернела – видимо, Игнис наредила глаза углем или чем-то подобным. Ирсора и в Мьерне-то не интересовалась, чем женщины мажут лицо, а в Хистрии с ее прогрессом, средств наверняка еще больше. Агний, глядя на сестру, рассмеялся. Игнис тряхнула мокрой головой и присоединилась к нему. Они заразительно хохотали, заставив даже Ирсору улыбнуться.

– Оставить веселье, – сердито рявкнул капитан Бестон. Смех мгновенно прекратился. – То, что он один раз попал, не значит, что бой окончен. Давайте заново. Теперь, Дервин, целься в Агния.

– Капитан Бестон, – робко позвала Игнис. – А вы насчет кошки не писали?

– Да написал я про твою кошку, – обреченно прикрыл лицо рукой капитан. – Написал. Жди. Сообщу, что там наверху решат. Нам все равно на полигон через неделю, какая тебе кошка?

– Уж я-то найду, куда ее пристроить на полигоне, – девушка хитро улыбнулась, с благодарностью прижала кулак к груди и побежала к брату, уже принявшему боевую стойку.

Ирсора хмуро наблюдала за тренировочными боями, медленно прохаживаясь по плацу. В душе у нее бушевало волнение. Количество солдат ужасало, потому как даже недоучки, пару раз махнувшие мечом, могли в сражении с медвежьим племенем задавить количеством. Пусть Ирс глубоко уважала воинов, бившихся под ее началом, да и всех жителей Араты, способных держать в руках оружие, она не тешила себя пустыми фантазиями о непобедимости своего

народа. Хистрийская армия захватила Рык за одну ночь, застав город врасплох. Один хистрийский маг убил Эха Черного и еще нескольких силачей парой жестов, а тут их только на плацу больше дюжины. Хистрийские солдаты сражаются одновременно оружием и колдовством. Их действия в бою слажены, они защищают друг друга, а командиры вроде Бестона умело распределяют силы солдат.

Ирсора из разговоров между капитанами поняла, что помимо обычных войск, у Хистрии есть специальные отряды, включающие в себя в том числе магов. Бестон командовал таким отрядом: шестеро мечников, четверо лучников, три огненных мага, один водный и один целитель. И сам капитан – маг-воздушник. Подобных отрядов много, четыре только в этой военной части, и она не единственная. Как мьернцам выстоять против столь грозного врага? Как медвежье племя защитит свои владения?

Вместе с тем душу буравил червь сомнения. Стоит ли переживать за народ, который ей не удастся возглавить? Не Асгерд ли теперь должен беспокоиться о безопасности? Ироре хватало времени на размышления о том, чем может обернуться приход брата к власти. Он не прекратит ее ненавидеть и не перестанет отравлять ей жизнь. Девушка со злорадством подумала, что все еще представляет угрозу для Асгерда. Окажись она на посвящении в ярлы, могла бы прервать обряд, опровергнуть его право. Но скорее всего, брат уселся на трон, когда Ирсора, одурманенная хистрийскими лекарствами, удалялась от родных берегов.

Девушка взглянула на плац, где заканчивалась тренировка. Уставшие солдаты переговаривались, складывая луки и затупленные мечи в оружейной, капитаны громко поторапливали новобранцев. Жизнь в воинской части казалась четкой, размеренной. Все действовали в соответствии с приказами и расписанием. Ирс пока не определилась, нравится ли ей такая жизнь. Она всерьез задумалась о предложении Бестона. Может быть, из нынешнего положения получится извлечь выгоду. В конце концов, Ирсора – не простая девчонка из Мьерна. Она – дочь Игрета Полумесяца, первенец ярла медвежьего племени и выдающаяся воительница. Она сумеет выжить и позаботиться о себе, где бы ни оказалась. Мысли постоянно возвращались к ее утраченному статусу. Приходилось напоминать себе, что здесь не имеет значения, кто ее отец. Более того, тень родителя представляет опасность. Но пока она не стала в Хистрии хоть кем-то, не переставала цепляться за то, кем была.

На следующее утро Ирсора пришла на плац без костыля и изъявила желание принять участие в тренировке. Бестон изогнул бровь, жестом дал добро, указав на оружейную. Ирс подобрала подходящий по весу клинок, нашла удобный щит. Чувствуя на себе ошеломленные взгляды стоящих поблизости солдат, подняла меч в сторону капитана с орлиным взглядом, вызывая его на поединок.

– Серьезно? – он склонил голову набок, совсем как птица. – Ты только вчера на костыль опиралась. Уверена, что осилишь бой со мной?

– Не попробую – не узнаю, – прошептала девушка.

– Справедливо.

Бестон снял ножны с боевым мечом, выбрал в оружейной тренировочный, крутанул им, проверяя, как лежит в руке. Он не знал, что задумала мьернка, но уж точно не собирался ей поддаваться. Если желает опозорить его на глазах у новичков, придется сильно постараться. Щит он брать не стал, чтобы левая рука осталась свободной для использования силы. Девчонка знает, что он маг, в следующий раз хорошенько подумает, кого выбирать в противники.

Они встали друг напротив друга с краю утоптанной площадки. Карлос рассчитывал не мешать остальным тренироваться, но поединок привлек всеобщее внимание: солдаты превратились в зрителей. Бестон прикрикнул на них, только должного эффекта это не возымело – как только мечи Карлоса и Ирсоры первый раз звякнули друг о друга, поредевшая было толпа вновь сошлась вокруг них.

Ирсора двигалась без хистрийского изящества, жестко и экономно. Она пробовала выпады с разных сторон, выискивая брешь в защите Карлоса, атаковала не только мечом, но и щитом, одновременно отражая удары. Бестон не спешил колдовать, хотя отбиваться одной рукой становилось опасно – девчонка оказалась сильным противником. Капитан не ожидал от нее такой прыти, ведь только недавно она еле ходила.

Ирс сделала обманный выпад, оказалась у незащищенного левого бока Карлоса. На мгновение в ее глазах блеснуло торжество. Маг того и ждал. Привычный взмах кисти – и мощный поток воздуха откинул девчонку в сторону. Она упала на спину, ее глаза расширились от запоздалого понимания. Карлос подавил улыбку, опустил меч, сделал пару шагов в ее сторону. К его удивлению, девушка вскочила на ноги, согнула колени в боевой позиции.

Поединок продолжался. Карлос бился мечом и магией, а Ирсора уворачивалась, держась его правого бока, ближе к знакомому оружию. Теперь он не мог застать ее врасплох, девушка внимательно следила за обеими руками, упреждала удары, отпрыгивая или подставляя щит. Бестону понравился ее напор. Она быстро сообразила, как сражаться против мага. Капитан с некоторым разочарованием заметил, как ее движения постепенно замедлились, а лицо побледнело, на лбу выступили капли пота. Ирсора еще не восстановилась полностью, резкая физическая нагрузка не пойдет ей на пользу. Поединок пора завершить, вот только мьернка будет стоять до последнего, а Карлос не собирается проигрывать ради потехи ее самолюбия. Капитан получил удовольствие от боя, но пора поставить наглую чужачку на место.

Он резко развернулся, заставив ее отскочить прямо на поток воздуха, пронесшийся у нее в районе колен. От подножки девушка повалилась на спину. Ей в грудь уперся тренировочный меч. На лице Карлоса не проглядывалось ни намек на торжествующую улыбку. Мужчиина остался серьезен и сосредоточен. Ирс оскалилась, как зверь, зыркнув на него снизу вверх. Она тяжело дышала, обливаясь потом.

– Для тебя сегодня тренировка закончена, – тихо произнес Карлос, затем поднял голову, окинул недовольным взглядом собравшихся солдат и продолжил, обращаясь к ним. – А вы продолжаете! Как закончите, каждому по десять кругов вокруг плаца! Чтобы в следующий раз не отлынивали!

Солдаты нехотя разошлись, разбились на пары и замахали мечами. Бестон, не оборачиваясь, пошел в оружейную, а к Ирсо́ре подлетел взволнованный Калеб. Он протянул руку, но мьернка отмахнулась, встала самостоятельно. Ее шатало, ноги дрожали от напряжения.

– Давай помогу, – он потянулся, чтобы поддержать девушку, и остановился, столкнувшись с хмурым взглядом.

– Хочешь помочь – отнеси в оружейную, – Ирс кивнула в сторону лежащих на земле меча и щита.

Не глядя на Калеба, она медленно пошла в сторону лазарета. Юноша недовольно фыркнул. Делать было нечего, Ирсора опять поставила его в ситуацию, где пришлось выполнить ее приказ. Он надеялся, что освобождение от рабства и прибытие в Хистрию их сплотит, а получалось наоборот: Ирс пресекала все его попытки заботиться о ней, злилась из-за своих промахов, срывалась на нем. Юноша прикидывал, как исправить ситуацию, пробегая круг за кругом вокруг плаца. Так ничего и не придумал, а дыхание сбилось. Он несколько раз останавливался, чтобы отдышаться. Непривычный к подобным нагрузкам, он устало плелся в хвосте.

После обеда Калеб пришел к Мелоди, которая обещала помочь с исправлением каналов для магии исцеления. Она провела ему небольшую лекцию, объяснила, что нужно делать, после чего он улегся на кушетку, а она встала рядом. Ее слабый дар мягко пульсировал на пальцах, скупно поблескивая белыми искрами. О предрасположенности Калеба к целительству никто не должен знать, потому просить помощи у более сильных магов они не могли. Скрывать правду помогали изменения, произошедшие с бывшим рабом: каналы лечебной энергии так измени-

лись, что вряд ли кто-либо уровнем ниже доктора Эйфата мог бы заподозрить в них целительную магию.

Калеб вошел в транс, заглянул внутрь себя, туда, где переливались разными цветами энергетические каналы. Между ними, как сожженная трава, торчали искривленные, изуродованные черные нити. Один их вид вызывал у Калеба омерзение. Он направил импульс в сторону отростка, представляя, как тот белеет, выпрямляется, напитывается магией. Светлой, чистой, исцеляющей магией.

Боль ослепила Калеба и выкинула из трансa. Он задержался, хватая ртом воздух. Все тело горело, будто по венам разлился плавленный металл. Не в силах сдерживаться, юноша закричал. Он не знал, сколько продолжалась пытка, пока на краю сознания не услышал голос Мелоди:

– Дервин, замолчи, чтоб тебя! На всю часть слышно! Да заткнись ты, все уже!

Она врезала ему оплеуху и шлепнула на лоб холодный компресс. Калеб замолчал, открыл глаза. Боль отступила, забрав с собой все силы. Юноша с трудом разлепил сухие губы:

– Я не могу.

– Настолько больно? – сочувственно спросила Мелоди. Калеб медленно кивнул. Она поменяла компресс. – Я пыталась облегчить твои страдания. Как видно, моей магии маловато. В следующий раз попробуем лекарства.

– Думаешь, поможет? – скривился юноша.

– Вряд ли, но попробовать надо. Ничего сильного дать тебе не смогу, ведь ты должен оставаться в сознании, – она говорила ласково, поглаживая его по голове пухлыми пальчиками. – Мы что-нибудь придумаем, Калеб. Твой талант не пропадет.

– Мне кажется, я себя угроблю, прежде чем исправлю хоть один канал. Мне такой ценой никакой талант не нужен.

– Это ты сейчас так говоришь, – ухмыльнулась Мелоди. – Ты просто пока не понимаешь, какие двери он перед тобой откроет.

– Как я могу понять, если ничего, кроме лазарета да плаца не видел? – вскинулся юноша.

– Капитан Бестон не хочет, чтобы ты потерялся в городе.

– Не хочет, чтобы я сбежал, – хмыкнул Калеб. – Пусть не волнуется. Без Ирс я никуда не денусь.

– А ты хочешь сбежать? – Мелоди убрала компресс, вытерла ему лоб.

Калеб задумался. Девушка не торопила его с ответом, давая понять, что разговор серьезный.

– Нет, – юноша вяло покачал головой. – Я не собираюсь сбежать. У меня нет дома, нет близких, кроме Ирс. Куда мне бежать?

– Вот и славно, – Мелоди прохромала к столу, взяла пачку конвертов. – Что ж, будем расширять мир вокруг тебя. Пойдем, мне понадобится твоя грубая мужская сила.

– Ты сейчас серьезно? – улыбнулся Калеб.

Он встал с кушетки, покачнулся, но устоял на ногах. Мелоди вручила ему коробку и махнула в сторону двери, поднимая вторую. Они обе оказались довольно легкими, зато крупными, потому Мелоди в одиночку пришлось бы ходить дважды, что с ее ногой стало бы тем еще мучением. Она никогда не жаловалась, но Калеб иногда замечал, как ее лицо перекашивается в гримасе боли, как она массирует больную ногу и ругается шепотом.

Целительница привела Дервина к отрядным казармам. Специальным отрядам, в которые входили маги, выделялось отдельное здание, разбитое на четыре отсека, в которых обитали солдаты. Как понял Калеб, условия тут были немного лучше, чем у остальных войск. Мелоди выбрала нужный вход, зашла в ярко освещенный коридор, открыла одну из дверей.

– Так, бездельники, расслабляемся? – воскликнула она.

Калеб выглянул из-за коробки. В просторном зале вольготно расположились солдаты отряда Бестона. Двое мужчин лет сорока и молодые парень с девушкой резались в карты за

столом. На диване у книжного шкафа, подтянув под себя ноги, сидела Игнис. В одной руке она держала книгу, а другой поглаживала черную кошку, свернувшуюся у нее на коленях. Рядом сидел Агний, беседуя с еще одним огненным магом, Джоном. В дальнем углу Рииса, черноволосая магичка низкого роста, развлекала сослуживцев, создавая из висящих в воздухе водяных шариков фигурки животных. Кaleb залюбовался ее мастерством и не сразу услышал, как Мелоди сказала ему поставить коробку на пол. Она дернула его за рукав, только тогда он среагировал.

– Кaleb, привет! – крикнула Рииса, заметив его. Она радостно помахала, отчего водяные лошади, волки и тигры попадали на пол, образовав большую лужу. – Ой, простите!

– А что у меня для вас есть? – Мелоди показала пачку конвертов, привлекая всеобщее внимание.

Солдаты оживились, оставили свои занятия и сгрудились вокруг целительницы. Та называла имя с фамилией, после чего клала конверт в протянутую руку. Получившие разбредались по залу, нетерпеливо разворачивали письма. Кaleb старался запомнить всех, кого называла Мелоди. Его окликнул Джон Фирс, высокий крупный парень лет на пять старше Калеба. Он письма не получил, как и Рииса. Пока остальные были заняты чтением, они отошли к книжному шкафу. Кaleb приблизился, неловко улыбаясь. Он почти никого не знал, ему не нравилось, что другие его запомнили.

– Вот, держи, – Джон протянул ему книгу. – Теория воды. Ты же универсал, должен все дисциплины знать.

– Я по ней училась, – покивала Рииса. Милая девушка с круглыми щечками довольно улыбалась. Стоя совсем близко, Кaleb заметил, что у нее один глаз синий, а другой – зеленый. Стоя рядом с высоким, широкоплечим Фирсом она казалась совсем маленькой. Удивительно, как ее в армию-то занесло.

– Спасибо, – Дервин благодарно кивнул, принимая из рук Джона книгу.

– Я слышал, ты пока не подписывал документы о вступлении в армию. Ты ведь к нам в отряд пойдешь, да? – поинтересовался Фирс.

– Джон! – шикнула на него Рииса. – Некрасиво так спрашивать!

– А что? Зачем бы еще учиться с нами, жить в военной части, если не собираешься оставаться? – почесал затылок Джон.

– Я... – начал Кaleb и задумался. Одно дело говорить по душам с Мелоди, с которой он вроде бы подружился, а другое – объясняться перед малознакомыми людьми.

– Маркиза! – воскликнула Игнис. Она погналась за кошкой, держащей во рту исписанный витиеватым почерком лист бумаги.

Кошка пронеслась мимо Калеба, в два прыжка забралась на спинку кресла, перепрыгнула на книжный шкаф. Выпустила изо рта письмо и стала яростно вылизываться. Три мага задрали головы, наблюдая за животным. Агний засмеялся:

– Это тебе за то, что по прибытию не написала маме.

– Так ты же ей все написал, зачем мне то же самое рассказывать? – надулась Игнис. – Кис-кис-кис, Маркизочка, верни мне письмо! Агний, чем издеваться, помог бы лучше!

– Письмо от твоего дворянина? – хитро прищурилась Рииса.

Игнис картинно схватилась за сердце, откинула распущенные рыжие волосы:

– Именно! Я до самого интересного дошла, а Маркиза стащила у меня листок.

– Сестренка нашла себе новую головную боль, – ухмыльнулся Агний. Непонятно, то ли ухажера, то ли кошку он имел в виду.

– Не такая уж головная боль, – буркнула Игнис и отошла на пару шагов, разглядывая снизу своеправное животное.

– Давай я тебя подсажу, – вызвался Джон.

– Схожу за лестницей, – пожал плечами Агний.

– Могу я попробовать? – смущенно спросил Кaleb.

Все, даже Маркиза, удивленно на него уставились. Присутствующие солдаты отряда собрались у шкафа, привлеченные суматохой. Дервин сделал вдох. Представил, будто на него не смотрят. Он сосредоточился на кошке и дорогое для Игнис письмо, припомнил то, чему его учил наставник. Протянул руки вперед, сложил ими разные жесты. Кошка, почувствовав движение энергии вокруг себя, недовольно заворчала. Тут перед ней промелькнула маленькая светящаяся бабочка. Маркиза пригнулась, прокралась за улетающей бабочкой, забыв про бумажный трофей. Воспользовавшись этим, Кaleb, не теряя концентрации, шевельнул пальцами второй руки. Легкий порыв ветра сдвинул лист бумаги. Рядом послышался восторженный вздох Риисы, прижавшей ладонь ко рту, Джон присвистнул. Юноша аккуратно прибавил силы в жест. Письмо спорхнуло со шкафа, покружилось в воздухе и медленно спланировало в руки Игнис.

Кaleb облегченно выдохнул, развеяв заклинания. Маркиза, собравшаяся прыгнуть за бабочкой, разочарованно мяукнула, когда та растворилась в воздухе. Солдаты отряда Бестона захлопали в ладоши, благодаря за устроенное представление. Дервин заморгал, приходя в себя. Кто-то ободряюще тронул его за плечо. Отовсюду слышались слова одобрения, гомон обсуждения увиденного.

– И давно ты так умеешь? – услышал он строгий голос Мелоди.

– Я бы не сказал, что хорошо умею это делать, – произнес он шепотом.

Для двух заклинаний требовались высокий уровень концентрации и много тренировок, особенно если заклинания относились к разным стихиям. У юноши до сих пор шумело в голове после сложного фокуса. Его с обеих сторон подхватили под локти и увели от шума в другой конец зала. Посмотрев по сторонам, Кaleb заметил две рыжие головы, а впереди шла, переваливаясь из стороны в сторону, Мелоди.

– Кaleb, это было великолепно! Даже не скажешь, что ты долгое время не колдовал, – произнес Агний.

– Спасибо тебе! У тебя здорово получилось! – Игнис от переизбытка эмоций дернула его за рукав.

– Мелоди, спаси меня, – простонал Кaleb.

Рыжие маги рассмеялись и выпустили Дервина. Мелоди строго на них цыкнула, близнецы тут же вытянулись по струнке.

– Кaleb каждый день демонстрирует навыки, которые могут нам пригодиться. Сейчас мы с ним уйдем, вы двое успокойте остальных, чтобы не привлекать внимания. Втолкнете им, что не стоит никому рассказывать о талантах нашего птенчика.

– Будет сделано, – без тени улыбки вполголоса ответили близнецы.

– Я в вас не сомневалась. Пошли, птенчик.

Они вышли на воздух. Мелоди задумчиво взглянула на дальнее здание, где находились кабинеты начальства, покачала головой и кивком показала Калебу на лазарет. Они неспешно возвращались в белое каменное здание. На плацу один из капитанов гонял солдат, отрывисто отдавая приказы. Мужчины и женщины бегали, пригибались, ползли, прыгали. Проследив за взглядом Калеба, Мелоди хмыкнула:

– Каждый отряд тренируется по индивидуальной программе, разработанной капитаном. Мешади заставляет синхронно выполнять одинаковые действия, а Бестон разрабатывает комбинации приемов для командного боя. Я не буду размышлять об эффективности, потому что изначально предвзята. Скажу только, что если ты решишь присоединиться к нам, у Бестона тебе понравится.

– Мне нужно решить прямо сейчас? – вопрос прозвучал резче, чем Кaleb рассчитывал.

– Через пять дней наш отряд отправится на полигон, – пожала плечами Мелоди. – У вас с подружкой несколько вариантов. Вы можете поступить на службу, тогда Бестон быстро

утрясет бюрократические нюансы, а вы поедете с нами. Вы можете остаться на тех же правах, что сейчас. То есть не имея права тут находиться и без покровителя в лице капитана. Тогда вы либо примкнете к кому-то другому, либо... – она неопределенно махнула рукой, – даже не знаю, отработаете как-то свое проживание, наверное, и уберетесь восвояси, что меня очень расстроит.

– То есть самый лучший выбор – это за пять дней уговорить Ирсору присоединиться к Бестону?

– Я так не говорила, – хихикнула Мелоди.

– Ну конечно. Ты блюдешь интересы Бестона, который хочет себе еще одного мага в коллекцию, – буркнул юноша.

– Извини, малыш, таков наш ужасный взрослый мир. Мы все заботимся о себе и своих близких. Кстати, не недооценивай его интерес к Ироре. Думаю, после сегодняшней тренировки ее стоимость сравнялась с твоей.

Кaleb помолчал. Он много размышлял о том, чтобы отслужить какое-то время в армии и накопить денег для нормальной жизни. Магам хорошо платили, он мог бы обеспечить Ирору. Если она позволит, конечно.

– Я не знаю, согласится ли Ирс, – вздохнул юноша. – Для нее все очень изменилось.

– Ты уж попробуй, – хмыкнула Мелоди. – И поспеши, а то Бэш уведет ее у тебя из-под носа, даром что неуклюжий и девятипалый.

– Что за Бэш? – Калеба кольнула ревность.

– Мечник из отряда капитана Мешади. Они много общаются.

– Я... почему ты мне не говорила? – возмутился юноша.

Мелоди уставилась на него, как на умалишенного.

– А с чего я должна тебе докладывать? Кaleb, ты, конечно, милый птенчик и все такое, но это не значит, что я буду мужиков от твоей подружки отгонять. Давай ты как-нибудь сам решишь свои проблемы, не втягивая сторонних людей, ага?

Дервина захлестнули стыд и обида. Он разозлился на Мелоди, на себя, на Ирору и на этого мерзкого Бэша, которого Кaleb даже не замечал. Юноша ускорил шаг, не сказав Мелоди ни слова.

– И что, кабан убежал? – воскликнул Бэш.

– Нет, конечно! – рассмеялась Ирс. – Мы его выследили. Охотники нашего племени никогда не упускали дичь.

– А я только пару раз рыбачил на лодке, – покачал головой солдат, не скрывая восхищения.

– Я никогда не рыбачила, – девушка пожала плечами.

– Ирора, мы можем поговорить наедине?

Девушка удивленно уставилась на вошедшего Калеба. У нее было хорошее настроение, потому грубить юноше она не стала. Они вышли в коридор. Бывший раб остановился и произнес по-мьернски:

– Ирс, выслушай меня внимательно и пообещай подумать над моими словами.

– Хорошо, я выслушаю и подумаю.

Кaleb обернулся к двери, за которой остался Бэш. Увидев, как Ирора улыбается, беседуя с ним, Дервин растерял уверенность. Он ощутил себя глупым мальчишкой, каковым она всегда его считала.

– Я думаю, нам нужно присоединиться к хистрийской армии. К отряду Бестона.

Он рассказал ей то, что услышал от Мелоди. Добавил свои размышления и пообещал, что позаботится о ней, обеспечит всем необходимым. Он будет защищать ее и оберегать. Пусть между ними возникало непонимание, он просит забыть об этом, не смотреть в прошлое, а думать о будущем. Он любит ее и желает ей лучшего. Он приложит все силы, чтобы стать для

нее опорой. Теперь, когда между ними нет пропасти, разделяющей раба и госпожу, он хочет попытаться завоевать ее сердце. И просит у нее на то позволения.

Калеб говорил и говорил, открывая ей чувства, рассказывая все, о чем думал с самого их отплытия из Рыка. Ирсора слушала, не перебивая. В ее взгляде не сквозило злости, скорее интерес. Юноша смотрел в серые глаза и удивлялся, как легко ему далась речь, которую он столько вынашивал. Он сделал робкий шаг вперед, оказавшись очень близко к девушке. В последний раз они так близко стояли, когда она сняла с него ошейник. Калеб протянул к ней руки в тонких черных перчатках. Ирс не отшатнулась, позволила заключить свои ладони в его.

– Ты согласна? – спросил юноша.

Несколько мгновений она молчала. Казалось, у него в это время перестало биться сердце.

– Я обещала подумать. И я подумаю, – мягко произнесла Ирсора. – У меня тоже есть что сказать тебе.

Калеб затаил дыхание. Она не выпускала его рук, что служило хорошим знаком.

– Скажи, – прошептал он, закусив губу от волнения.

– Калеб, мы должны вернуться в Мьерн.

Он ослышался. Он неправильно перевел мьернские слова. Она не может так жестоко поступить с ним. Наверняка он что-то не так понял.

– Что?

– Очень хорошо, что Бестон со своим отрядом уедет отсюда. Это наш шанс. Мы сможем незаметно ускользнуть и...

– Что ты такое говоришь? – выдохнул юноша. Ее слова настолько ошеломили, что он не заметил, как сильно девушка сжимает его руки.

– Калеб, нам нужно предупредить медвежье племя, – горячо зашептала Ирс. – Хистрийская армия – это страшный зверь. Я должна предупредить мой народ об опасности! Ты должен придумать, как нам добраться до Мьерна. Возможно, придется перемещаться скрытно, по ночам...

– Ирсора, остановись, – мягко перебил ее маг. – Мы не то что не сможем добраться до Мьерна, мы даже выбраться отсюда не сможем. Это военная часть, Ирс! Она отлично охраняется.

– Везде можно найти брешь, – мотнула головой девушка.

– Даже если так, – горько продолжил Калеб. – Даже если мы каким-то чудом сбежим, вернемся в Мьерн и живыми доберемся до медвежьего племени, – в голосе юноши против желания прозвучал страх. – Ирс, на меня снова наденут ошейник и сделают рабом!

– По законам Мьерна ты не переставал быть рабом, – осторожно сказала девушка. Она провела пальцами по тыльной стороне ладони Калеба, где находилась татуировка в виде медвежьей лапы.

В других обстоятельствах Дервин растаял бы от ее нежного прикосновения, но сейчас вырвал руку и поправил перчатку.

– Нет, Ирс, я туда не вернусь. Я никогда не стану рабом.

– Ты только что говорил, что хочешь разделить со мной свою жизнь, – прошипела Ирсора. – Так это и есть моя жизнь. Мой народ...

– ...плевать на тебя хотел! – сорвался Калеб. – Скажи честно, кто из них встал бы за тебя, если б ты оспорила право Асгерда на трон?

– Да я... – девушка растерялась. Злые слова попали в цель – она действительно не рассчитывала, что кто-то вступится за нее. Даже воины, что уважали Ирсору как воительницу, чтители традиции, потому признали бы главенство мужчины, даже Асгерда, которого многие недолюбливали. Она скривилась, не желая признавать сказанную рабом правду. – Это не важно! Мой долг перед племенем...

– Забудь ты про долги! – воскликнул Дервин. – Ты можешь начать новую жизнь, забыв старую боль!

Он осекся. Что-то подобное он говорил Агене. Перед глазами промелькнули выпученные, налитые кровью глаза бывшей пленницы, когда он сжимал пальцы на ее тонкой шее. Юношу пробрала дрожь. Ирсора истолковала его замешательство по-своему:

– Видишь, ты старую боль забыть не готов, а меня к этому склоняешь. Поганец, я почти поверила, что ты привез меня в эту жуткую страну из добрых побуждений. А ты просто хочешь, чтобы я стала твоей рабыней!

– Замолчи, прошу тебя! – Калев схватил ее за плечи. Ему стало трудно дышать. – Почему, почему ты так жестока с тем, кому по-настоящему дорога?

– Ты не поможешь мне сбежать? – холодно спросила Ирс.

Дервин вздохнул и опустил голову.

– Нет. Я сделаю для тебя все, отдам тебе всего себя, но только как свободный человек.

– Тогда уйди с дороги.

– Ирс...

– Я сказала: уйди с дороги.

Она дернула плечами, скидывая его ослабевшие руки. Калев остался стоять, когда она скрылась за дверью. Внутри у него растеклись холод и пустота.

Ирсора чувствовала себя не лучше. Она обессиленно привалилась к стене, молясь Предкам, чтобы бывший раб не последовал за ней. В сердце бушевала ярость вперемешку с обидой. Она надеялась, что Калев действительно готов сделать хоть что-то ради нее, но он заботится только о себе. Он хочет, чтобы она воевала за его страну, встала против своего народа, и преподносит это как великую добродетель. Подлый наглец.

– Что, опять повздорила с женихом? – не отрываясь от книги, спросил Бэш.

– Не смей его так называть, – поморщилась Ирс. – Я не имею ничего общего с этим человеком и тем более никогда даже не подумаю о создании с ним хотя бы мало-мальски крепкой связи!

– Ну-ну.

Солдат закрыл книгу, посмотрел на девушку. Ей показалось, что на мгновение в его голубых глазах мелькнула сталь. Он неспешно встал, подошел к ней. Ирс стояла у стены, отступить было некуда. Бэш нагнулся к ее уху и шепотом заговорил:

– Надеюсь, ты простишь мне мое любопытство. Я подслушал ваш разговор.

Ирсора задержала дыхание.

– Мы же говорили на мьернском...

– Я не знаю мьернского, – ухмыльнулся Бэш.

От его близости и голоса с новыми, хищными нотками у Ирс мурашки побежали по телу. Если он надумает причинить ей вред, девушка легко с ним справится, в этом она не сомневалась. Но почему-то ей захотелось, чтобы Калев одумался и прямо сейчас зашел к ним.

– Тогда зачем подслушивал? – упрекнула солдата Ирсора.

– Кое-что понять мне удалось, – голос Бэша звучал спокойно, без издевки. – Ты хочешь сбежать и вернуться домой.

Девушка подняла на него взгляд, прикидывая, как поступить. Болтливый солдат внезапно стал для нее опасен. Словно прочитав ее мысли, он сделал шаг назад, поднял руки перед собой.

– Эй, давай только без насилия. У меня и так на один палец меньше, чем надо.

– Как же нам теперь быть? – хмыкнула Ирсора.

– Да очень просто. Я помогу тебе.

Глава 3

Капитан Бестон просматривал ответы от начальства на свои прошения. Большую часть удовлетворили, хотя в меньшем объеме, чем требовалось. И конечно, они запретили держать кошку. Придется Игнис ее прятать лучше, ведь со зверем она уже вряд ли расстанется. Карлос побарабанил пальцами по столу, открыл папку с досье на потенциальных новобранцев, вздохнул. Если с Калебом все более-менее ясно, то по Ирсоры повсюду стоят прочерки. Происхождение из-за вранья этой парочки неизвестно, намерения – тоже. Она сторонится других людей. По докладам Мелоди, общается только с Бэшем.

Бэш Роак – тоже проблема, он мечник из отряда Мешади, имеющего зуб на Бестона. Мелоди не нашла повода разделить их, потому как отделение реабилитации в лазарете одно. Можно, конечно, перевести к ним Дервина, который сейчас ночует в подсобке Кернс, чтобы всегда быть у целительницы под рукой. Действительно, пусть стережет свою женщину, раз так по ней сохнет.

Карлос устало откинулся на спинку стула. До отъезда на полигон оставалось несколько дней, и ему очень хотелось решить все проблемы заранее. Отпускать в мир своих гостей из Мьерна он не собирался, но слишком давить нельзя: верными солдатами становятся по собственному желанию, а не по принуждению. Забирая мага с девчонкой из Рыка, он не предполагал, сколько с ними будет мороки.

В дверь постучали. Карлос скинул папку с досье в ящик и поднял голову. Мелоди только недавно заходила, а кроме нее, тут появляться некому. Он прошелся по кабинету, открыл дверь. Удивленно вскинул брови – на пороге стояла Ирсоры.

– Чем обязан? – поинтересовался Бестон, впуская девушку.

Войдя, девушка беззастенчиво осмотрела скудную обстановку, хмыкнула. Она двигалась медленно, словно хищник на чужой территории. Капитан вернулся за стол, схватил из стопки документ и углубился в чтение, краем глаза наблюдая за Ирсой. Мьернка спрятала руки за спиной, встала навытяжку:

– Я хочу узнать, какие у тебя планы касательно меня и Калеба.

Бестон оценил постановку вопроса. Умная девочка. Теперь рассказными, тешащими ее амбиции, не отделаешься.

– Мои планы не изменились, – он откинулся на спинку стула, демонстрируя спокойствие. – А твои?

– Я хочу подробностей и честности, – девушка осталась стоять в напряжении, не перенимая его настроения.

– Странно с твоей стороны требовать честности, не находишь?

Ирсоры недовольно сдвинула брови.

– Что...

– Мы повесили твоих соплеменников в Рыке, – Бестон видел, как у нее напряглись челюсти. Актриса из девушки хуже, чем воин. – За торговлю людьми. Ты не пленница работорговцев, ты – хозяйка Калеба, верно?

Более глубокий вдох. Мимолетно скривились тонкие губы. Чуть прищурились глаза. Значит, Мелоди не ошиблась. Он ткнула пальцем в небо и попал в цель. Бестону захотелось потянуться к ножнам с мечом, лежащим на столе. Он пожалел, что снял их, но сдержал порыв. Ирсоры – опасная девушка, зато безоружная, капитан и одной магией сумеет защититься, если она будет достаточно глупа, чтобы напасть.

– Не понимаю, о чем вы, капитан Бестон, – подчеркнуто вежливо ответила мьернка.

Карлос внутренне усмехнулся. Умница, хорошо держится. Но раз предположения Кернс подтвердились, пора заканчивать представление.

– За работорговлю в Хистрии казнят. Я могу прямо сейчас организовать тебе виселицу на плацу. Нет, не опускай взгляд и не ищи, чем меня прикончить. Мы это уже проходили в тренировочном поединке. У меня под рукой настоящий, не тупой, меч, и я не буду сдерживаться.

Он говорил, глядя ей в глаза, наблюдая, как растерянность на лице сменилась гневом, который быстро перешел в страх и, наконец, в понимание. Она нахмурилась. Бестон прервал ее мысли, не дав сформулировать ответ:

– Если бы я хотел, то уже повесил бы тебя. Как думаешь, почему ты до сих пор жива?

Девушка прикрыла глаза. Карлос надеялся, что она почувствовала, как захлопнулась ловушка. Будучи капитаном мобильного отряда, ему не раз приходилось допрашивать военнопленных, находить подход и чувствовать тот самый щелчок, когда допрашиваемый понимает, что попался. Ирсора поняла.

– Я думаю, у вас не было доказательств.

– Теперь они есть, – он подобрался и заговорил жестче. – Так что сядь и говори правду.

Наверняка она рассчитывала, что вызовет что-то полезное, придя к нему в кабинет. И раз уж сама ступила на этот путь, пусть пожинает плоды вранья, посаженные Дервином. Девушка помедлила, после чего послушно села. Она говорила спокойно, уже не ища глазами острые или тяжелые предметы, которыми можно было бы быстро убить Карлоса. Он не сомневался, что искушение для нее велико, особенно учитывая, кто она такая. Надо же, дочь ярла небольшого, но воинственного племени из глубины Мьерна. Поверни они после захвата рабов в родное селение, Хистрия бы даже не узнала об их существовании. Карлос не присутствовал на казни в Рыке, но слышал, что один горластый дикарь, дергаясь в петле, звал дочь. Тогда капитан не придавал рассказам значение, а теперь смотрел на случившееся иначе. Он поставил локти на стол, положил подбородок на сплетенные пальцы. Что же теперь с тобой делать, Ирсора, дочь Игрета Полумесяца из медвежьего племени?

– Я жду от тебя той же честности, какую проявила сама, – закончила мьернка без былой вежливости.

– Что ж, – Карлос выдержал паузу, дождался, пока девушка заерзает на стуле, – мои планы на вас обоих были достаточно просты, пока я не узнал, что рядом со мной находится наследница трона. Я хочу, чтобы ты и Дервин служили под моим началом. Хочу, чтобы вы были верны мне.

– Тебе? – Ирс улыбнулась. – Не Хистрии? Не королю?

– Если ты подпишешь контракт и вступишь в ряды хистрийской армии, то станешь гражданкой нашей великой страны, – продолжил Карлос, игнорируя колкость. – Со всеми правами и обязанностями.

– А если нет, ты меня казнишь?

Бестон побарабанил пальцами по столу. Он не хотел ее отпугнуть, но выбора оставлять не желал. В любом случае, он принимал во внимание такой исход, хотя планировал его избежать.

– Я – нет. Я уеду на полигон тренировать своих бойцов. Надеюсь, Дервин окажется разумнее и поедет со мной. А тебя скорее всего посадят в тюрьму для дальнейшего расследования. Хистрийская тюрьма – не подходящее место для молодой девушки, уж поверь.

– А после расследования меня казнят?

– Я не заглядывал так далеко, – пожал плечами Карлос. – Как только я покину военную часть, ты, если останешься, перестанешь быть моей проблемой.

– Недавно ты намекал, что я – перспективный воин, а не проблема.

– Перспективный солдат, – с улыбкой поправил ее капитан. – Точнее, можешь им стать. Но если не поедешь со мной, станешь проблемой. А проблемы в Хистрии решаются быстро.

– У вас везде предоставляется выбор без выбора? – скривилась девушка.

– Ты скоро привыкнешь, – ответил Бестон, потешаясь ее сопротивлению. Других вариантов, кроме вступления в армию, у нее действительно не осталось.

Тем не менее, Ирсора всерьез обдумывала перспективы. Она, не стесняясь, ощупывала взглядом кабинет Бестона, словно оценивая его жизнь. Другая бы сочла окружение скучным, а Ирс нашла в нем рациональность командира, убедилась, что он, если честен не полностью, то хотя бы в пункте ее безвыходного положения.

– Хорошо. Что я должна подписать?

– Не спеши, – Бестон склонил голову набок, еще больше напоминая хищную птицу. – Я отправлю запрос. Приходите с Дервином завтра после обеда.

Девушка кивнула и встала. Она чувствовала себя уставшей. Совсем не так ей представлялся разговор, когда она шагала по военной части к офицерскому корпусу. Ирс рассчитывала согласиться на своих правилах, а подлый капитан припер ее к стенке. Похоже, для жизни в Хистрии следует стать извивающейся змеей, чтобы уличить ложь и вовремя распознать подвох.

– Увидишь Дервина – передай ему, чтобы зашел ко мне.

– Я... – Ирсора осеклась и вымолвила, подражая солдатам. – Будет сделано, капитан Бестон.

– Молодец, быстро учишься, – в его голосе не звучало насмешки. Уже в дверном проеме она услышала в спину. – Насчет твоих перспектив я не шутил. Будь мне верна, и высоко поднимешься.

Ирс промолчала. Она знала, что капитан искренне верил в свои слова, хотя по рассказам Бэша и убогой обстановке его кабинета не похоже, чтобы он сам имел возможность занять высокое положение. Она слишком мало знала о Хистрии с ее законами, потому решила пока не делать выводов. Ей нужно больше свободы, а Бестон даст ей желанное.

Калев нашелся у отрядных казарм. Он беседовал с черноволосой девушкой. Ирс замедлила шаг, увидев, что та творит магию. Магичка складывала руки, заставляя водяные капли размером с кулак перемещаться в воздухе и менять форму. Калев замороженно наблюдал, шевелил пальцами, запоминая ее жесты. Ирсора замешкалась. Бывший раб, поглощенный занятием, даже не заметил ее. Ему плохо давались водные заклинания, потому он тянулся к человеку, который мог его чему-то научить. Внутри неприятно кольнуло. Его мир стремительно расширялся, прекращая концентрироваться на хозяйке.

Ирсора сделала шаг, но путь ей преградила улыбчивая девушка с веснушчатым лицом. Она подмигнула и задорно воскликнула:

– Смотрите, кто выбрался прогуляться! Ты к нам в гости?

– Мне нужно поговорить с Калевом, – ответила Ирс, стараясь не показывать раздражение.

Игнис пригладила рыжие блестящие локоны, кивнула. Она светилась энергией: подвижная, красивая, живая. Рядом с ней Ирс чувствовала себя еле тлеющим угольком. Жизнерадостные близнецы притягивали к себе людей, делясь теплом и искренним смехом, редко звучащим в бело-синем военном городке.

– Калев! К тебе дело! – позвала Игнис.

Дервин обернулся на голос. Капли воды, которые он только что поднял в воздух, упали на землю под разочарованный возглас его маленькой наставницы. Он закусил губу, опустил голову и подошел к Ирс. Перед ней снова стоял знакомый Калев, сосредоточенный, выжидающий. От произошедшей перемены стало не по себе. Воительница глянула на черную перчатку, под которой он прятал татуировку с медвежьей лапой. Бывший раб спрятал руку за спину.

– Какое у тебя дело? – сухо спросил он.

Ирсора пошла вдоль плаца, заставляя юношу следовать за собой. Она спиной ощущала его настороженный взгляд и удивленные – их будущих сослуживцев: водной магички, Игнис, подошедшего Агния. Ирс не оборачивалась, зная, что Калев уходит за ней дальше от лишних ушей. Она замедлила шаг, поравнялась с ним. Юноша все еще нервно покусывал губу, время от времени слизывая выступившую капельку крови.

– Завтра мы подпишем какие-то документы, из-за которых станем принадлежать армии Хистрии, – без предисловий огорошила Ирс.

Калёб споткнулся, удивленно выдохнул:

– Ты же не хотела этого.

– У меня выбора нет, – девушка пожала плечами. – Я сейчас говорила с Бестоном. Он давно раскрыл наш обман, но почему-то никому не рассказал. Он дал понять, что при моем отказе все раскроется.

– Мы оба окажемся в опасности.

Ирсора засмеялась и покачала головой:

– Калёб, ты хистриец. Все прекрасно понимают, что ты готов вступить в их ряды еще с отправки из Рыка. Здесь твой дом.

– Не совсем, – буркнул Калёб. Юношу явно задело пренебрежение его мнением. – Я из провинции, которая присоединилась к Хистрии всего лет десять назад. То, что я вижу вокруг, для меня так же чуждо, как для тебя. Я тоже многого не знаю и не понимаю. Я такой же чужак, как и ты.

– Но ты не работороговец, – Ирсора говорила мягко, словно объясняла непонятливому ребенку простейшие вещи. – Клеймо раба, которое ты прячешь под тканью, служит для тебя щитом.

– Ирс, – устало выдохнул Калёб. Он заговорил тихо и обреченно. – Что ты задумала? Ты не из тех, кто меняет мнение за ночь. Я уверен, побег все еще в твоих планах.

– Бэш нас вчера подслушал, – нехотя ответила Ирсора. – Он предложил мне помочь с побегом.

– А ты?..

– Я выслушала его предложение.

– Я не доверяю ему, – твердо произнес Калёб.

– Я тоже. Я никому здесь не доверяю, кроме тебя.

Бывший раб посмотрел на Ирс. В его глазах загорелась прежняя надежда, нахмуренный лоб разгладился, спина выпрямилась. Ее признание все еще что-то значило. Он слизнул кровь с губы, заговорил уже другим тоном, более уверенным:

– Что предложил тебе Бэш?

– Он поможет сбежать по дороге на полигон. Там будут стоянки.

– Ирс, я пока не очень разбираюсь в нашем положении, но если ты сбежишь, будучи солдатом, присягнувшим Хистрии, тебя объявят дезертиром и казнят, как только поймут. В этом я уверен.

– А если я убегу сейчас... Если сумею обойти охрану и тех, кто за нами незаметно приглядывает... То меня казнят за работороговлю. По-моему, шанс затеряться в суете поездки выше.

Она подавила горечь от его категоричного «ты». В глубине души она надеялась, что Калёб одумается и последует за ней. Надежда медленно, нехотя угасла.

– Ирс, останься со мной, – Дервин протянул руку, но не отважился прикоснуться к ней. – Какой бы сволочью Бестон ни был, в одном он прав: у тебя здесь больше перспектив, чем в Мьерне. Здесь будут смотреть на твои заслуги, а не на то, что ты женщина.

– Калёб, они моего отца повесили, – прошипела девушка. – А что мне делать, когда они нападут на Мьерн и примутся уничтожать медвежье племя? Вместе с ними резать людей, которых знаю с детства?

Юноша издал болезненный стон. Все увещания разбивались об этот железный аргумент. Он бы, пожалуй, ответил бы так же на ее месте. Все заготовленные фразы для уговоров показались магу глупыми, но он предпринял последнюю попытку:

– Хистрия, возможно, не нападет на медвежье племя. У них сейчас хватает стычек на материке.

– А Рык они захватили просто так, да?

Тут Калебу было нечего ответить. Он закусил губу, ощущая металлический привкус рту. Он так устал от ежедневных словесных сражений, от сложности выбора между чувствами к ней и желанием вырваться из повиновения. Старания исправить свою магию изнурили тело нестерпимой болью, а каждый разговор с Ирс превращался в пытку. Он опустил взгляд от ее серых, блестящих сталью глаз, глухо спросил:

– Как я могу тебя отговорить?

– Никак, – просто ответила девушка.

– Я не пойду с тобой. Только не туда, – он потер шею, вспомнив, как ошейник натирал кожу.

– Я поняла.

– Я помогу тебе, – юноша с трудом выдавил слова, которые никак не ложились на язык.

– Спасибо, – благодарность Ирсоры прозвучала искренне. – Бестон приказал тебе явиться.

Она направилась в сторону лазарета. Кaleb смотрел ей в спину и радовался, что девушка не назвала капитана его новым хозяином.

После подписания документов о вступлении в хистрийскую армию жизнь двух чужаков из Мьерна изменилась: им выдали форму, выделили койко-места в отрядной казарме, изменили распорядок дня. Теперь они вместе с другими солдатами познавали основы строевого шага, ели в столовой, где пища оказалась вкуснее больничных каш, выполняли задания по содержанию части в надлежащем состоянии, а вечером собирались в общем зале отряда. Кaleb с непривычки так уставал, что после отбоя тут же засыпал.

В Хистрии не так рьяно следили за разделением между мужчинами и женщинами, потому Дервин радовался, что хотя бы спят и моются они отдельно. Правда, на боевых выходах и полигоне условия более стесненные, но с равнением воинов Кaleb сталкивался и в Мьерне. Ирсора воспринимала разницу обычаев, как само собой разумеющееся. Синяя форма с серебристым гербом Хистрии – цветком георгины – отлично на ней сидела, подчеркивая стройную мускулистую фигуру воительницы. Калебу пришлось постараться ушить свой комплект, чтобы одежда не висела на тощем теле мешком.

Ирс беспрекословно выполняла приказы Бестона, а в отряде держалась ближе к обычным солдатам, избегая магов. Обойти не удалось только вездесущих близнецов, которые своим появлением привносили долю задорного хаоса. Кошка Маркиза постоянно ластилась к Ирсоре и шипела на Калеба. Наверное, не простила ему обмана с огненной бабочкой.

Вечер перед отправкой на полигон проходил в нервных сборах. Дервин, еще не проникнувшийся казарменной жизнью, волновался перед очередными изменениями. Дело было не только в полевых условиях с клопами и крысами, которыми пугали новобранцев, а в его обещании помочь Ирсоре сбежать. Она еще не покинула его, а чувство потери уже глодало сердце. Он внимательно наблюдал за ней, ища намеки на ее намерения, но она никак их не показывала. Более того, она интересовалась армейской жизнью, уточняла нюансы. Время от времени местные обычаи сбивали ее, не укладываясь в картину мира мьернки.

– Я не поверю, что ваши мужчины чем-то отличаются от других, – покачала она головой, и Кaleb пожалел, что пропустил начало ее разговора с близнецами. – Здесь закутков скрытых уйма. Что же, девушки могут спокойно передвигаться, не боясь быть прижатыми к стенке?

– Мы же не животные, – Агний почесал затылок. – Я, конечно, не могу ручаться за всех. К нам кого только ни набирают, особенно из дальних провинций. Но вообще-то за насилие жестоко наказывают. Целители быстро виновного найдут в случае чего. У них... в общем, есть способы. Вдобавок, возможностей, как ты выразилась, прижать кого-то к стенке, особо нет – у обычных подразделений казармы разделены по полу. Пожалуй, не без причин. А у нас тут царит равенство. В специальные отряды ведется жесткий отбор, так что с дисциплиной у нас

все отлично. А уж если кому сильно припрет, после полугода службы дают увольнительный на денек.

Близнецы расположились на диване, Агний уперся локтями в колени. Его сестра устроилась рядом. Подложив книгу под листок бумаги, она что-то писала, перо быстро перемещалось по строчкам. Ирсора сидела на стуле перед ними.

– После двух лет службы ты можешь раз в неделю уходить из казармы, если не на выезде, – подала голос Игнис. – А еще полагается две недели отпуска. Есть время нагуляться, – она поднесла лист ко рту и поцеловала, оставив внизу страницы яркий отпечаток красной помады. Хитро оглядела Калеба с Ирсорой. – Что? У меня увольнение скоро, как раз после полигона отмоюсь и на свидание сбегая.

– Ты своего дворянина так с ума сведешь, – подначил Агний, а для остальных пояснил. – Охмутила одного недавно, теперь окучивает, чтобы женился.

– Должен же кто-то заботиться о семье, – пожала плечами Игнис. Увидев непонимающие лица, она закатила глаза. – Маги высоко ценятся в Хистрии, их семьям дается множество привилегий. С одной оговоркой: маг обязан работать на государственной службе и нести пользу стране своим магическим даром. А так как врозь мы с Агнием колдовать не можем, в любой другой сфере, кроме армии, мы за магов не считаемся. Если порвем со службой, то наших родителей-торговцев лишат полагающихся льгот. Им еще нашу младшую сестру поднимать, так что мы помогаем, чем можем.

– Вы собираетесь порвать со службой? – Ирсора изогнула бровь, разглядывая близнецов. Агний пожал плечами:

– Мы не планируем провести в казармах всю жизнь. Это сейчас кажется, что местечко непыльное. После боевого выхода, знаешь ли, не просто так время на отдых дают. Там чего только ни насмотришься.

– Воин должен быть готов столкнуться со смертью, – скрестила руки Ирс.

Брат с сестрой растерянно переглянулись. Мьернка жила в мире, где люди совмещали мирную жизнь с войной против других племен, где каждый житель при необходимости мог взять в руки оружие. Служба ради привилегий, с возможностью отказаться в любое время, не укладывалась в голове девушки, о чем она и сообщила.

– Тогда понятно, что у вас мужики так звереют, – хихикнула Игнис, складывая письмо в конверт. – У нас попроще. Есть куда пар выпустить. А чтобы не чесалось, есть средства.

– Что? – не понял Калеб.

Игнис посмотрела на брата, давая ему слово. Тот провел пальцами по рыжим волосам.

– Есть определенные лекарства, которые гасят... скажем так, желание. Если кто-то ведет себя не очень адекватно, его пичкают этой дрянью. После нее не то что в постель к кому прыгнуть, жить не захочется.

– Звучит как-то... неприятно, – поморщился Калеб.

Близнецы переглянулись.

– А приятно и не должно быть, – Агний потянулся, разминая спину. – Ты не переживай, ту гадость дают в крайнем случае. Обычно хватает выговора или физического наказания. Ты не смотри, что мы расслабились. Скоро вернемся к стандартному графику – не будешь успевать дух перевести. Нас в обычное время так гоняют, что все плотские мысли из головы вылетают, даром что неуставные отношения запрещены.

– 3-запрещены? – потерянно спросил Калеб, посмотрев на Ирсору.

Игнис пнула брата по ноге. Тот ойкнул, поднял взгляд на Дервина и осознал, что ляпнул лишнего. Оба близнеца пристыженно замолчали.

– Вполне здравый запрет, – кивнула Ирсора, игнорируя смущение собеседников и напряжение Калеба. – Чувства застыят глаза, а в бой нужно идти с холодной головой. В Мьерне

супруги редко воюют вместе. Правда, скорее из-за того, что кому-то нужно следить за домом и хозяйством.

Дальше Калев не слушал. Он вышел из светлого зала в темноту вечера. Заметно похолодало – осень понемногу подтягивала к этой части материка свою сырую тушу. Юноша прислонился к стене, ощущая лопатками прохладу каменной кладки.

– Бестон, какая же ты сволочь, – прошептал он.

Капитан давил на Калеба с помощью чувств к Ирсор, заводя молодого мага в ловушку, в которой мьернка станет для него недоступна. Остальные тоже хороши. Мелоди, близнецы, Рииса с Джоном – они все знали, что он испытывает к Ирсу, все молчали, приплясывая под дудку капитана. Калев лишился бы Ирсоры в любом случае, и всем, кроме него, это было известно.

Дверь приоткрылась, показалась рыжая шевелюра.

– Калев, – позвала Игнис. – Пойдем обратно. Замерзнешь.

Она говорила по-матерински ласково, заботливо. Дервин с удовлетворением отметил сквозившее в ее голосе чувство вины.

– Вы все меня обманывали.

Юноша не сдвинулся с места, магичка подошла ближе. Она повторила его позу, прижав спину к стене. Когда девушка заговорила, речь звучала жестко и раздраженно:

– Никто тебя не обманывал. Уж поверь, тут у каждого хватает проблем, им не до добавления сложностей сослуживцам. Ты мог бы сам головой подумать раньше, задать вопросы, которые пришли на ум Ирсор. Учитывая порядки Мьерна, весьма уместные вопросы. Я не понимаю, почему они не пришли тебе в голову до того, как ты подписал контракт. Хватит ждать, что тебе принесут все на блюде. Хватит надеяться на подачки. Хочешь стоять тут и строить из себя обиженную недотрогу – пожалуйста. Наградой тебе станет воспаление легких.

Девушка взмахнула волосами, сделала шаг к двери. Потянувшись к ручке, она остановилась, обернулась и сурово взглянула на Калеба, отчего у того мурашки пробежали по коже:

– Недавно Бестону пришел ответ на прошение. Мне запретили держать кошку. Но этим тупым шишкам сверху не разлучить меня с Маркизой.

Она скрылась за дверью, оставив Калеба в тишине. Он тихо ругнулся.

Несколько человек, включая Ирсор, отправились спать. Специальным отрядам в последние дни давали подозрительно много свободного времени. Кто-то радовался, а те, кто служил подольше, реагировали со скепсисом. Игнис подкралась к трем мечникам, заядлым картежникам, которые перед отбоем решили перекинуться еще разок.

– Что, ребятки, жалование проигрываем? – промурлыкала она, подражая Маркизе.

– Было б жалованье! – воскликнул Герсид, старший из троих. – Я почти все семье отправил, деньги на полигоне ни к чему. А как вернемся из той грязищи через месяцок, можно будет покутить. В город сходить поиграть, а?

Он шлепнул засаленную карту на стол. Герсид служил под началом Бестона дольше близнецов. Возможно, даже дольше Мелоди. Неизвестно, сколько он в армии, зато Игнис знала, что он и Вернон, его закадычный товарищ, старше Карлоса Бестона. Удивительно, что в таком возрасте они все еще предпочитают махать мечами.

– В город вообще выбраться будет славно, – глубокомысленно кивнул Малькольм, ровесник Игнис. Самый молодой из мечников, он старался соответствовать старшим товарищам и вечно строил из себя степенного мужчину рядом с ними. Паренек не догадывался, что выглядит в такие моменты презабавно. – А то я кроме Рыка, городов уже месяца два не видел.

– Так то ж разве город? – усмехнулся Вернон и положил на стол карту, вызвав дружный разочарованный вздох. – Что, съели? Эх, вот если попадем в Каюн, то будет город. А Рык – так, рыбацкий поселок.

– Почему ты думаешь, что мы возле Каюна окажемся? – наострила ушки Игнис.

– Да это... – Вернон почесал подбородок. – От кого-то я ж слышал... Из отряда Мешади, кажись, лучник говорил. Или мечник... Может, на тренировке было дело. Я только одно запомнил – мы к Каюну поедем.

– Хорошо, – протянула девушка, размышляя, в курсе ли Бестон, куда их отправляют. Мог бы и просветить подчиненных.

Время отбоя беспощадно приближалось, в общем зале отряда остались только три картежника да две лучницы, тихонько шушукающиеся в углу. Судя по жестам и стреле в руке одной из девушек, они обсуждали оперение. Эсма и Ласса – закадычные подружки, легко прошедшие отбор в магический отряд благодаря метким глазам.

Игнис поднялась на второй этаж, где находились спальные помещения. Сказанное Верноном о Каюне не давало девушке покоя. Начальство никогда не раскрывало, куда их отправят. Чаще всего из-за того, что распоряжение приходило в последние часы, командиров просвещали о месте тренировочных боев, только когда те покидали воинскую часть. Откуда же солдат отряда Мешади узнал? Да еще и болтать начал. Значит, его командиру сообщили заранее.

Лежа под жестким одеялом, Игнис поежилась. Утром им с Агнием надо обязательно пристать с вопросами к Мелоди. Если уж она не в курсе происходящего, то дело дрянь.

На рассвете началась суета сбора и отъезда. Как всегда, кто-то что-то забыл сделать, кому-то что-то не доложили, кого-то дернули в последний момент. Воинская часть превратилась в разоренный муравейник. Отовсюду слышались приказы, нетерпеливо ржали лошади, громы хала поклажа в телегах. Агний, позевывая, вывел из конюшни Звездочку – черную лошадь с белой отметиной на лбу. Он успокаивающе погладил кобылку по длинной морде, поискал глазами сестру. Та собиралась найти Мелоди, только в неразберихе ей вряд ли это удалось. Юноша запрыгнул в седло и осмотрел территорию.

Обозы строились в колонну, всадники подтягивались к отрядам. Два отряда отправлялись на север, а отряды Бестона и Мешади – на восток. Капитаны недолюбливали друг друга, подчиненные были терпимее, они не так активно вступали в межотрядные конфликты. Сейчас солдаты обоих командиров стояли одной группой, болтали, перешучиваясь, пока начальство завершало осмотр и бюрократические приготовления.

Агний легонько тронул пятками бока Звездочки, та послушно зашагала к толпе солдат. Приблизившись, парень разглядел магов своего отряда: Джон Фирс, простоватый здоровяк, горой возвышался рядом с маленькой Риисой Класк, самой молодой из подчиненных Бестона. Хотя нет, теперь самый молодой Дервин, ведь девушка на год старше него. Она куталась в плащ и воровато оглядывалась, а Кaleb нервно кусал губу. Агнию не потребовалось много времени, чтобы догадаться о причине их волнения.

– Что, Игнис спихнула на вас кошку? – поинтересовался он, подъехав вплотную к троице.

Рииса ойкнула, поправила плащ. Кaleb покаянно кивнул. Близнец хмыкнул. Получается, сестрица еще не подошла, да и Кернс нигде не видно.

– Когда уже отправимся? – спросил Джон. Ему даже не пришлось сильно голову задирать.

– Радуйся. Чем больше времени мы тут, тем меньше проведем в дороге.

– Расстояние от этого не уменьшится, – пожал плечами здоровяк. – Ехать будем все равно столько же.

– Тебе легко говорить – ты поедешь в повозке, – ухмыльнулся Агний. – А моя задница весь путь проведет в седле. Так что чем меньше мы проедем до наступления темноты и привала, тем мне лучше.

– Если хочешь, могу тебя заменить, – робко предложила Рииса. – Я прошла курс верховой езды в прошлом месяце.

Агний сочувственно посмотрел на нее. Девушка прослужила под началом Бестона полгода, за это время успела попасть на два тренировочных выезда и один боевой – вкусила армейской жизни по самое не балуй, а все равно не утратила искренности и доброты. Не удиви-

тельно, что сослуживцы тянулись к ней, как умирающий от жажды в пустыне тянется к оазису. В отличие от яркой, энергичной Игнис, спокойная и милая Рииса действовала на окружающих успокаивающе. Она всегда вызывалась помочь, на корню гасила конфликты, даже как-то раз кинулась разнимать драку. В отряде Риису любили, как младшую сестру. А Агний с Игнис на правах более старших магов следили, чтобы никто не сел девочке на шею.

– Спасибо, я как-нибудь справлюсь, – он подмигнул девушке. – Тем более, у тебя есть ответственное задание – беречь Маркизу.

Класк смущенно улынулась и кивнула. Агний приподнялся на стременах, выискивая сестру. Его, как и Джона, не привлекала перспектива проторчать у обоза до обеда. Вместо Игнис он заметил Ирсору, несколько дней назад заступившую на службу. Та стояла особняком, привалившись спиной к повозке и скрестив руки. Она бросала хмурые взгляды на расслабившихся солдат, ни с кем не говорила, не улыбалась. Сосредоточенная, серьезная, раздраженная беспорядком, боец до мозга костей. Она и внешне была какой-то угловатой, худой, но не той малохоленной худобой, которая появляется у состоятельных дам, когда они в угоду моде перестают питаться. При взгляде на Ирсору становилось понятно, что под одеждой у нее – стальные мышцы, результат многолетних тренировок. В поединке против Бестона она продержалась дольше, чем половина мечников отряда, причем, сразу после выздоровления. Агний ее немного побаивался. Он не верил в преданность мьернки. Капитан не просто так приказал за ней присматривать, особенно после отъезда из военной части.

Позади раздалось ржание. Юноша обернулся и увидел сестру верхом на норовистом белом коне по кличке Иней. Он всхрапывал, бил копытом, требуя начать, наконец, движение.

– Что, братец, соскучился? – приближаясь, воскликнула Игнис.

– Да, уже думал поискать себе другую сестрицу, – Агний засмеялся, когда она театрально надула губы.

Звук трубы возвестил об отправлении. Солдаты быстро разошлись по повозкам, сопровождающие всадники, включая близнецов, рассредоточились по длине колонны.

Мерный скрип плохо смазанных колес убаюкивал и раздражал одновременно. Солдаты болтали, стараясь заглушить неприятный звук. Кaleb клевал носом. Ночью он долго размышлял о предстоящем побеге Ирсоры, а когда наконец заснул, ему приснилась Агена. Грязная, напуганная, со спутанными волосами и жалобным взглядом. Она сидела в охраняемом загоне вместе со своими соплеменниками, молила Калеба помочь ей сбежать. Во сне он схватил ее за глотку и хладнокровно душил, наблюдая, как ее глаза наливаются кровью, изо рта вместе с хрипами вытекает слюна. Внезапно уже не Агене, а Ирсоре Кaleb сжимал горло и не мог остановиться. Она хотела сбежать, как и Агена. Сбежать, бросить его или взять с собой, снова превратить в верного пса с ошейником на шее. Он не хотел ни того, ни другого. Когда взгляд девушки остекленел, тело застыло, а сердце перестало биться, Кaleb проснулся в холодном поту, за час до подъема. До утра он спал, с ужасом глядя в темноте на свои руки.

Езда в крытой повозке навевала неприятные воспоминания о путешествиях по Мьерну вместе с медвежьим племенем. Кaleb всегда сопровождал Игрета с дочерью. Сейчас ему казалось, что, отодвинув он навес, увидит Ирсору в одеянии мьернского воина и заговоренной черной кольчуге. Юноша мотнул головой, отгоняя наваждение.

Отряд Бестона занял три фургона, распределившись по пять человек. Капитан с близнецами ехали верхом. Калебу выпала компания Мелоди и трех мечников. Целительница, отодвинув навес, читала подставленную свету книгу. Мужчины переговаривались между собой, не обращая внимания на Дервина. Юноша подремывал, вполуха слушая болтовню соратников о семьях, повышении жалования и скором похолодании. Он еле дождался вечера, когда колонна остановилась на ночевку.

Мелоди первой вылезла из повозки. Из-за увечной ноги она не могла просто спрыгнуть с края, пришлось держаться за край, спускаясь спиной вперед. Мечники не торопили ее, но

и не помогали. Они вели себя так, будто целительница не испытывает никаких трудностей. Сначала Калеба возмутило их поведение, а потом он вспомнил, как девушку раздражали любые напоминания о ее слабости. Выпрямившись, Мелоди заглянула под навес:

– Эй, птенчик. Ты пока помоги Вернону, Герсиду и Малькольму обустроить место для ночлега, а потом иди в шатер капитана Бестона. Поможешь мне с одним делом.

Калеб вздохнул. Малькольм, самый молодой из мечников, легонько ткнул его локтем в бок. Маг опомнился:

– Так точно.

Мелоди хмыкнула и направилась переваливающейся походкой в одном ей известном направлении. Калеб подхватил вещмешок и выпрыгнул из фургона вслед за товарищами.

Из-за позднего выезда солдаты не успели добраться до крупного населенного пункта, где могли бы переночевать, потому пришлось засветло остановиться в поле. Лагерь ставили быстро, без лишней суеты. Малькольм рассказал Калебу, что у спецотрядов, имеющих в составе магов, довольно часто бывают выезды и организация ночевки своими силами. Отбор в это подразделение жесткий из-за высокой ответственности. Один магический отряд может переломить ход сражения, ударив в нужный момент. Хистрия эффективно использовала таланты своих граждан. Пусть рядовые маги не могли запустить огненный шар дальше пятнадцати футов, поджаренный с такого расстояния противник терял способность сражаться. Чаще всего их использовали для внезапной стремительной атаки или тихой диверсии.

Пока Малькольм рассказывал, они накормили и почистили лошадей, поставили шатер, сходили до родника. В этом месте останавливались довольно часто, потому мечник хорошо ориентировался. Другие солдаты без дела не сидели. Суета во временном лагере постепенно затихала – последние приготовления завершились, ожидался только ужин. Стемнело быстро, Калебу пришлось искать шатер капитана уже в темноте. «Помочь с одним делом» означало, что ему предстоит новая попытка исправления внутренних каналов, отвечающих за исцеление. Мелоди всегда следила за ним, обезболивала по мере своих малых сил, выводила из транса. Калеб решил отмучиться до ужина. Однажды его стошнило от боли, теперь юноша нырял в транс только на пустой желудок. Обычно экзекуция занимала около четверти часа, так что он успеет перекусить перед отбоем.

По лагерю Калеб передвигался незаметно и бесшумно – привычка, выработанная за два года служения Ирсоге. В Мьерне он часто подкрадывался к нужным шатрам или палаткам, чтобы подслушать разговоры, выяснить требующуюся дочери ярла информацию. Он мысленно обругал себя за воспоминания о рабской жизни, которые пытался выкинуть из головы, но шага не сменил. Судя по рассказу Малькольма, умение красться Калебу еще пригодится.

– Капитан Мешади, точно вам говорю, – услышал он знакомый голос из-за полога капитанского шатра. Бэш.

Погрузившись в размышления о Мьерне, Дервин заплутал и вышел не к тому месту, которое ему указал Герсид, старший из мечников. Юноша застыл, убедился, что его никто не заметил. Он собирался вернуться тем же путем, но тут услышанное заставило остановиться и приблизиться к стенке шатра, из-за которой раздавался разговор.

– Она из Мьерна. У них там племена, земледелие и охота. Дикари, в общем.

– И что, Бестон ей доверяет? – спросил капитан Мешади.

– Я думал, что раз он взял ее в отряд, то да, – неуверенно ответил Бэш.

– Не обязательно. Бестон – тот еще змей, от него не стоит ждать простых решений.

– В любом случае, она собирается дезертировать, – в голосе Бэша прозвучала насмешка.

– Вряд ли это вписывается в планы капитана.

– Действительно, – Мешади говорил медленно, задумчиво. – А какую роль здесь играешь ты?

– Если вы позволите, я помогу ей.

– Правильно, нечего мьернским дикарям позорить хистрийскую армию. И когда ты планируешь это сделать?

– Завтра или послезавтра. Когда мы будем дальше от населенных пунктов. Весть о дезертире сложнее отправить, ей будет проще.

– Ты о ее безопасности печешься?

Повисла тягучая, ядовитая тишина. Калев не видел лица Бэша, но подумал, что тот мнется между правдой и тем, что хочет услышать Мешади.

– Никак нет, капитан, – наконец выдавил он.

– Отлично. Главное, Роак, чтобы к тебе не вела ни одна ниточка. Даже если ее поймают и прикончат на месте, Бестон не отвернется.

Калев, обойдя шатер, поспешил прочь. Сердце бешено колотилось, лицо горело от гнева. Он знал, что Бэшу нельзя доверять. Этот хистриец втирался в доверие с первой же встречи с Ирсорой, чтобы сдать ее своему командиру. Каков же подлец. Нужно срочно рассказать все Ирс. Нужно...

– Я уж думала, ты не придешь! Заставляешь девушку волноваться, – насмешливо воскликнула Мелоди.

Калев остановился. Теперь он оказался возле шатра Бестона. Целительница посчитала, что он идет к ней, отвертеться не получится. Юноша не хотел задерживаться, но придется, чтобы не вызвать подозрений. Он натянуто улыбнулся, зашел вслед за Мелоди в ярко освещенный шатер:

– Мне каждый раз хочется оттянуть этот момент.

– Я понимаю, птенчик, – произнесла она сочувственно. – Но иначе мы из тебя целителя не сделаем.

– А может, и не надо? – обреченно вздохнул Калев, принимая из рук целительницы глиняную кружку с травяным отваром. Она каждый раз экспериментировала с составом, пытаясь облегчить его страдания.

– Надо, птенчик. Такой дар, как у тебя, нельзя закапывать, – Мелоди дождалась, пока он выпьет, протянула дощечку, которую маг послушно закусил.

Когда его захватили в плен в Мьерне, первое время юноша сопротивлялся. Ему было шестнадцать, у него на глазах умер наставник, он оказался в чужой стране. Ситуация безвыходная, но он долгое время отказывался выполнять приказы, пылая гневом от несправедливости мира. В наказание за непослушание его били. Сначала слабо, потом сильнее. Затем сажали в яму, не давая еды и воды. А потом опять били. Самым страшным для него была не сама боль, а ее неизбежность. Обессиленный, голодный, он лежал на холодной земле и тихо скулил, зная, что на следующий день его ждет повторение. Калев не представлял, сколько дней прошло, прежде чем вмешалась Ирора. Она распорядилась вытащить юношу из ямы, промыла его раны, не переставая ругаться. Она поступала так не из заботы о незнакомце – у нее имелись планы на молодого хистрийца. Ирора хотела выучить его язык, а для этого он должен был выжить и начать слушаться. Девушка тогда в своей жесткой манере объяснила Калебу, что он избежит боли, если будет выполнять приказы. Они начали с малого – она приказала принести ей яблоко. С того дня если ему перепали синяки, то редко и от самой Ироры, а она умела рассчитать удар, чтобы не переборщить.

Калев вспоминал ужас первых дней рабства, сравнивая с тем, что происходило в душе перед вхождением в транс для исправления энергетических каналов. Он стал старше, сильнее, но ему хотелось заползти в яму и скулить между избиениями, только бы не испытывать снова ту боль, которая теперь прокатывалась по телу.

– Ну, чего медлишь?

Калев открыл глаза. Рядом с Мелоди стоял Бестон, скрестив руки, по-птичьему склонив голову набок. Дервин вытащил изо рта дощечку и зло ответил:

– Это все равно что готовиться руку себе отрезать. Нужно собраться с силами.

– Может, ты и страдаешь из-за того, что готовишься к боли? Настраиваешь себя заранее на неблагоприятный исход.

– Я не придумываю! – воскликнул Калеб.

– Тихо! – повысила голос Мелоди. – Капитан Бестон, пожалуйста, не отвлекайте моего пациента. А ты, птенчик, приступай к делу. Молча.

Юноша насупился, прикусил дощечку и закрыл глаза. Стихийные каналы полностью восстановились. Они пульсировали проходящей через них энергией. Дар огня, воды и воздуха у Калеба средненький, но предрасположенность сразу к трем стихиям выделяла его среди других солдат. Если бы удалось привести в порядок хотя бы часть каналов исцеления, цены бы ему не было. Потренировавшись в армии, он смог бы уйти на гражданскую службу в каком-нибудь тепленьком местечке, где не пришлось бы рисковать жизнью и видеть смерть. Калеб сконцентрировался на желании обрести дом с мирной жизнью. Желание достойное – он сможет помогать людям, приносить пользу обществу, распоряжаться собственной жизнью. Последним штрихом в мысленно нарисованной картине стала счастливая улыбка Ирсоры. Юноша сделал глубокий вдох и дотронулся до черного уродливого канала внутри себя.

Когда волна боли отступила, Калеб выплюнул дощечку и ударил кулаком по земле. Его била крупная дрожь, в висках стучало.

– Я не могу больше, – простонал он, встал на четвереньки. Глаза застили слезы. – Пожалуйста... не заставляйте меня...

– Что здесь происходит?! – в шатер ворвалась Ирсора.

Проходя мимо временного обиталища Бестона, она услышала сдавленный крик, принадлежащий Калебу. Пусть временами он ее сильно злил, девушка решила выяснить, что с ним делают в капитанском шатре.

– Рядовой Ирсора! – повернулся к ней Бестон. – Вон отсюда!

– Еще чего! – прошипела девушка.

Игнорируя присутствующих хистрийцев, она подошла к Калебу, помогла ему встать. Юношу шатало и трясло. Ирс не заметила на его теле ран. Она постаралась найти объяснение его состоянию: взгляд метался по шатру и присутствующим.

– Ирсора, ты нам мешаешь, – спокойно произнесла целительница.

– Мешаю убивать его? – вскинулась мьернка.

– Все... нормально, – просипел Калеб. – Они... помогают мне. По крайней мере, Мелоди.

– Я требую объяснений.

Ирс уставилась на Бестона – именно он решал, что рассказывать подчиненным. Капитан выдержал ее взгляд, скривился, кивнул на Калеба:

– Дервин – целитель с мощным даром. Но он не может исцелять, пока не исправит внутри себя то, что твои шаманы сотворили, заблокировав ему магию.

По озадаченному лицу Мелоди стало понятно, что Бестон ни с кем не поделился рассказом Ирсоры. Как благородно с его стороны. Хотя нет, скорее всего, он руководствовался скрытыми и далекими от чести мотивами. Ирс чувствовала, что он способен на большее, чем показывает.

– Я запрещаю издеваться над ним, – властно произнесла девушка. Внутри кипел гнев, она даже думать не собиралась о соблюдении субординации.

– Калеб, – подала голос Мелоди. Целительница шагнула вперед, неудобно оперлась на искривленную ногу. – А если мы пошлем в задницу слова доктора Эйфата и попробуем действовать по-другому? – она почесала нос, задумчиво глядя в одну точку. – Что будет, если ты просто попробуешь использовать дар? Как со стихийной магией.

– Я не смогу, – покачал головой Калеб. – Ты ведь сама знаешь, насколько все плохо.

– Мы ни разу не пробовали, – пожала плечами целительница. – Любой результат нам поможет.

Калёб пожал плечами. Посчитав это положительным ответом, Ирсора отстранилась. Юноша уже не дрожал и стоял ровно. Он тряхнул кистями, разминая пальцы. Ирс не любила магию, старалась держаться от нее подальше, потому сделала пару шагов в сторону, оказавшись рядом с Бестоном. Они обменялись хмурыми взглядами.

Мелоди достала из-за пояса нож, кольнула им палец, выпустив алую каплю крови. Ирс развернулась к выходу. Раз ее помощь больше не требуется, она отправится по делам, от которых Калёб отвлек своими криками.

– Это что, мать твою, такое?!

Ирсора подумала, что Бестон обращается к ней и непонимающе посмотрела на него. Его взгляд был прикован к тому, что происходило у девушки за спиной. Внутри неприятно похолодело – Ирс еще не видела капитана в таком состоянии. На его лице читались растерянность и... страх? Мелоди вскрикнула, заставив Ирс обернуться.

Целительница прижимала к груди руку, медленно отступая от Калёба. Тот с ужасом взирал на свои ладони, в которых переливались искры насыщенного, ярко-красного цвета, словно брызги крови. Ирсора ни разу не видела такую магию. Раз она напугала даже Бестона, дело плохо.

– Я... не знаю, – выдавил Калёб, подняв взгляд.

Искры исчезли, он дернул рукой в перчатке, стряхивая остатки магии. Мелоди показала палец Бестону. Вокруг укола содрало кожу, вся фаланга сочилась сукровицей. Косясь на бывшего раба, она вызвала в ладони блеклые белые искорки и сосредоточилась на лечении. Бестон схватил застывшую Ирс выше локтя и развернул к себе:

– Что вы с ним сделали?! Говори немедленно!

– Я не знаю, – ошарашенно пролепетала девушка. Поведение всегда сдержанного капитана ошеломило ее.

– Какую магию используют ваши шаманы?

– Я же сказала, не знаю! – Ирс дернулась, но хистрийец держал крепко.

– Дервин, как они заколдовали твой ошейник?

Калёб спрятал руки за спину, ссутулился, опустил взгляд. Он напомнил Ирс трясущегося зайца, загнанного в ловушку.

– Я был без сознания, когда они колдовали. Очнулся уже в ошейнике, вместе с другими рабами. Простите...

– Но что-то ты ведь должен знать, – капитан устало прикрыл глаза ладонью.

Ирсора предприняла еще одну попытку высвободиться, снова безуспешно.

– Я не был такой большой шишкой в племени, чтобы меня допускали смотреть на работу шаманов, – буркнул Калёб и потер шею.

– Они скрывают свои техники от непосвященных, – подала голос Ирс. – Единственное, что могу сказать – их магия выглядит по-другому. Нет разноцветных искр и свечения. Она... совсем другая.

– Какая? – капитан перевел на нее орлиный взгляд.

– Говорю же...

– Ты врешь, чтобы защитить секреты своего племени, – тихо проговорил хистрийский командир. – Похвально. Только племя далеко. Неизвестно еще, нуждается ли оно в защите. А твой дружок – вот он. Своим молчанием ты обрекаешь его на страдания. Прямо сейчас. Либо ты расскажешь все, что знаешь, и мы придумаем, как вылечить его от этой заразы, либо ты скроешь нужную информацию, и его дар останется искалеченным, а Дервин будет изо дня в день проходить через муки в попытках исцелиться.

Он наконец выпустил Ирсору. Девушка недовольно потерла плечо – не столько от боли, сколько от мерзости его прикосновения. Она поймала умоляющий взгляд Калеба и скривилась. И так уже сказала больше, чем следовало, лишь бы их обоих оставили в покое. Бестон, как всегда, поставил ее в безвыходную ситуацию. Его словесные ловушки начинали раздражать. Еще больше злило то, что с мечом он обращался ничуть не хуже, чем со словами, иначе она давно бы укоротила ему язык.

– Ирсора, то, в каком состоянии его дар, ужасно, – произнесла Мелоди без привычной насмешки в голосе. – Это омерзительно и неправильно. Вместо того, чтобы делать заложенное ему природой – исцелять, он... – Кернс бросила на поникшего Калеба быстрый взгляд, – калечит. Я прошу тебя не как солдат Хистрии, а как целитель. Мне больно видеть его в таком состоянии.

– Ирс... Ты ведь что-то знаешь, да? – в голосе Калеба звучало столько боли, что Ирсора сдалась.

– Шаманы действительно оберегают свои секреты, они редко демонстрируют колдовство, – девушка вздохнула, скрестила руки на груди и уставилась на ткань шатра, избегая смотреть кому-либо в глаза. – Они проводят обряды, вызывают к Предкам, иногда приносят в жертву животных. Я никогда не интересовалась их ремеслом. Наверное, они по-другому черпают энергию для заклинаний. Наши шаманы не используют стихийную магию, а вплетают силу в вещи, как ошейник, которым сдерживали Калеба. Еще они лечат союзников и проклинают врагов. В набегах шаманы не участвуют, чаще работают вместе с лекарями. Но горе тому, кто посмеет напасть на наш город.

– Жаль, вы потеряли тот ошейник, – вздохнула Мелоди. – Я бы хотела посмотреть на созданный ими артефакт.

– Кольчуга, – выдохнул Калеб. Ирс гневно раздула ноздри, но он проигнорировал ее реакцию. – Кольчугу Ирсоры ковали с использованием магии, потому она такая легкая и устойчивая к повреждениям.

Мелоди с Бестоном переглянулись. Казалось, они общаются без слов, только глазами. После паузы Кернс кивнула.

– Как только доберемся до цивилизации, отправлю птицу с распоряжением прислать кольчугу вместе с какими-нибудь лекарствами.

– Нет, подождем возвращения в часть. Не будем привлекать внимание, – покачал головой капитан. Он отодвинул пальцем край занавеси шатра, чтобы осмотреть пространство. – Никому ни слова. О магии Калеба больше никто не должен знать. Вы меня поняли?

Все согласно кивнули.

– Разрешите откланяться, капитан? – с долей насмешки спросила Ирсора.

– Разрешаю, – кивнул Бестон. – Кернс, остайся.

Он отодвинул плотную завесу, пропуская Ирсору и Калеба на улицу. Лагерь готовился к отбою, голоса стихли, темноту рассеивали отблески костров. Хотя дозорных выставили достаточно для охраны лагеря, Ирс подумала, что вряд ли заснет в столь удобном для нападения месте. Пусть они находились далеко от линии фронта, военный лагерь все равно выглядел слишком беззаботно.

Как только они отошли от шатра капитана, девушка резко спросила:

– Зачем ты рассказал про кольчугу?

– Если это поможет, я готов ею пожертвовать, – твердо сказал Калеб.

– Если они узнают секреты моего племени...

– Ирсора, – юноша судорожно вздохнул, набираясь смелости. – Мне плевать. Пусть они выяснят все секреты медвежьего племени, только бы избавили от этой дряни.

Он поднял мелко дрожащую ладонь. Ирс подавила гневную тираду, списав его слова на шок. Выглядел юноша неважно, взгляд его метался, как при лихорадке.

– Все настолько плохо? – чуть слышно спросила она. Если бы Кaleb проигнорировал вопрос, она бы не расстроилась. Девушка не знала, хочет ли услышать ответ.

– Да, все очень плохо. Когда я призвал эту магию, – его голос понизился до шепота, – будто руку в разложившийся труп сунул. Мелоди тоже это почувствовала. Я видел отвращение в ее глазах. Я не хочу этого, я хочу лечить людей и...

Он осекся. Ирс не торопила. Они медленно шли к шатру их отряда. Дорога занимала слишком мало времени, чтобы все как следует обсудить, потому Кaleb остановился. Он покачал головой, с болью глядя на Ирсору, шепотом закончил:

– ...и хочу остаться с тобой в Хистрии. Святые, что я несу... Мои желания всегда превращаются в прах.

– Каждый день, что я провожу здесь, закапывает мое племя глубже, – глухо сказала Ирс. – Бестон вынюхивает секреты, шантажируя и угрожая. Когда Хистрия нападет на мьернцев, им будет не отбиться. Только я могу их предупредить.

– Ты не обязана, – упрямо мотнул головой юноша. – Наверняка Асгерд уже сейчас настроил твой народ против тебя.

– Они не перестали быть моим народом.

– Бэш хочет подставить тебя, – Кaleb сжал кулаки. – Этот сукин сын сдал тебя своему капитану. Мешади в курсе, что ты хочешь сбежать.

Они стояли в тени шатра. Говорили чуть слышно, но Ирсора все равно посмотрела по сторонам, убедившись, что их никто не подслушивает.

– Откуда знаешь?

– Я подслушал их разговор. Ирс, тебе нельзя сейчас бежать. Тебя прикончат.

Он с удивлением разглядел на ее лице еле заметную улыбку. Она кивнула.

– Спасибо, что все еще шпионишь для меня. Я знала, что Бэшу не стоит доверять, потому говорила ему то, что он хотел услышать.

– И ты не собираешься убегать по дороге на полигон? – Кaleb прищурился, выискивая в лице девушки правду. – А как же твои слова о растущей опасности для Мьерна?

– Я прекрасно понимаю, что Асгерд постарается меня подставить. Мне нужна точная информация о планах Хистрии. Ты поможешь мне ее достать.

– Что? – Кaleb непонимающе моргнул.

Улыбка Ирсоры стала шире.

– Ты выяснишь у Бестона все, что касается Мьерна. По возможности украдешь карты или документы. Тогда я смогу показать моему народу, что угроза реальна.

– С ума сошла? – воскликнул Дервин, забыв про секретность их разговора.

Ирс недовольно шикнула на него.

– Ты обещал помочь.

– Да, но такого я не обещал.

– Эй, вы чего тут разорались? – из-за палатки показалась Игнис. Рассмотрев ближе говорящих, она удивленно подняла брови. – Новобранцы, а ну быстро по шатрам. Будете после отбоя шарахаться по лагерю, наказания не избежите. Давайте бегом, отбой уже скоро.

Кaleb с Ирсорой переглянулись, кивнули друг другу и разошлись по спальным местам. Кaleb еще долго ворочался, слушая голодное урчание желудка – из-за вечерних событий он так и не попал на ужин.

Глава 4

Ирсора сдержала слово. Она не предпринимала попыток дезертировать из хистрийской армии. Кaleb несколько раз замечал недовольные взгляды Бэша, устремленные в ее сторону. Подчиненный капитана Мешади по прибытии на полигон стал темнее тучи. Он пару раз пытался поговорить с Ирс, но девушка непонимающе поднимала брови, пожимала плечами и уходила. Самому Дервину редко удавалось перекинуться с Ирсорой даже парой слов: после первого вечера их нагружали работой, как только они вылезали из повозок. Причем, работать их отправляли в разные места лагеря. Юноша заметил, что ни его, ни ее никогда не ставили в дозор. То ли информация о вероятном побеге дошла до Бестона, то ли новичкам в принципе не доверяли столь ответственное занятие. Выяснить он не стал, чтобы не привлекать к себе внимание.

Полигоном оказался огромный пустырь, на котором расположились два лагеря, обозначающие противоборствующие стороны. Отряд Мешади присоединился к одной, отряд Бестона – к другой. После расслабленных дорожных ночевков солдаты окунулись в настоящую армейскую жизнь.

Они просыпались затемно, пробегали кросс, завтракали, после чего солдат распределяли на тренировки: взятие крепости, стоящей в центре, захват флага в тылу врага, пленение «генерала», которого выбирали по жребию. Командиры гоняли подчиненных, не давая спуска, каждый день выдавали новый сценарий действий.

Ирсора попала в свою стихию. Она наравне со старослужащими к концу дня оставалась бодрой, даже иногда улыбалась. Кaleb, стерший ноги до кровавых мозолей, еле передвигался. Руки, не привыкшие держать меч, постоянно ныли, по вечерам он не мог их поднять. К его радости, многие солдаты выглядели не лучше. Уставшие, злые, перемазанные в грязи, некоторые без сил падали в палатке прямо в форме. Кaleb не упрекал их, хотя всегда находил силы привести себя в порядок. Наученный горьким опытом медвежьего племени, он прекрасно знал, какие последствия может иметь несоблюдение простейшей гигиены в условиях большого скопления людей.

Днем Кaleb выматывался физически, а ночью не мог уснуть, размышляя о планах Ирсоры. Он видел, что ей нравится в хистрийской армии, а учитывая перспективы, здесь ей действительно было место, только вот дурацкий долг перед племенем, которое ее никогда по настоящему не ценило, тянул ее обратно в Мьерн, навстречу опасностям, потерям и унижению. Юноша каждую ночь прикидывал варианты, как уговорить ее остаться в Хистрии.

Когда он уже почти засыпал, появлялись другие сложности жизни на полигоне: заснувших солдат кусали клопы, повсюду сновали крысы в поисках заваливавшейся корки хлеба, а у самых нечистоплотных быстро завелись вши. Паразиты нагнали с каждым днем, совершенно не стесняясь людей.

В шестую ночь пребывания на полигоне Кaleb проснулся от того, что крыса пробежала у него по лицу. От омерзения он вскрикнул, на него тут же зашикали изможденные соседи по шатру. Дервин извинился, попробовал заснуть, но мысли о мерзких маленьких лапках и длинном лысом хвосте, мазнувшем его по щеке, не позволяли сомкнуть глаз. Юноша встал, накинул плащ, вылез из прогретого магией и дыханием сослуживцев шатра.

Над полигоном стояла тишина. Недавно прошел холодный осенний дождь, грязь неприятно чавкала под ногами. Подрагивая от холода, Кaleb зашагал по лагерю, желая проветрить голову. Темноту рассеивали редкие фонарики, налитые магией. Мелоди собиралась на днях привлечь Дервина к зарядке зачарованных предметов, одной из обязанностей отрядных магов. В шатрах сопели и храпели солдаты, по периметру перекликались дозорные. Юноша, издали услышав хлопающие по грязи шаги, резко обернулся.

– Дервин? – пригляделся к нему Бестон. – Что ты здесь забыл?

– Не мог уснуть, – Кaleb опустил голову, понимая, насколько глупо звучит объяснение.

– Значит, мало нагрузки получаешь, завтра дам больше, – равнодушно пожал плечами капитан. – Пошли.

– Куда? – не понял юноша.

– Не «куда», а «есть, капитан». За мной.

Кaleb понуро последовал за командиром. Угроздило же его нарваться на Бестона посреди ночи. Перед капитанским шатром Карлос громко закашлялся, постоял, успокаивая дыхание, после чего первым вошел внутрь. Шатер на полигоне выглядел приличнее походного: здесь стояли полноценный стол со стульями, а спальное место отделялось от рабочей зоны загородкой. К полотняным стенкам шатра были приколоты тактические карты полигона. Все горизонтальные поверхности покрывал ворох исписанных бумаг с печатями. Дервин не переставал удивляться, как командир ориентируется в созданном им бардаке.

Бестон уселся за стол. Калебу он сесть не предложил. Юноша постарался выпрямиться, насколько позволяли ноющие мышцы.

– Я хотел поговорить с тобой об Ирсоры, – начал без предисловия капитан. – Ты очень вовремя решил подышать свежим воздухом среди ночи.

Кaleb напрягся. Показалось, будто по спине пробежали крысиные когтистые лапки.

– Что вы хотели узнать... капитан?

– Как высока ее верность Хистрии?

Дервин ждал подобного вопроса. Действительно, о чем еще можно спрашивать, если речь касается Ирсоры, дочери мьернского ярла?

– Думаю, – юноша облизнул сухие потрескавшиеся губы, – достаточно высока.

– Я спрашиваю не для отчета, Дервин, – Бестон пронзил Калеба орлиным взглядом из-под кустистых бровей. – Нас перебрасывают на фронт. Я хочу взять только тех, кому могу доверить спину. Ирсоры – выдающийся мечник, у нее есть боевой опыт, она показывает высокие результаты на тренировках. Она обладает незаурядным умом, быстро реагирует при изменении ситуации. Мнегодились бы ее таланты. Но она чужачка, дочь ярла, которого казнила Хистрия. Мы все понимаем, что ее статус балансирует между солдатом и пленницей. Кем она станет в будущем, зависит от нее. А мне нужно знать сейчас: я могу считать ее солдатом своего отряда или мне оставить ее в Каюне под присмотром местных солдат?

Усталость тяжелым грузом навалилась на плечи Калеба. Он совершенно не ожидал, что его и Ирсору отправят в мясорубку сражения сразу после подписания контракта с хистрийской армией. Он представил, как девушку пронзают мечом на поле боя, вздрогнул. Прямо сейчас юноша может избавить Ирсу от такой участи, заставив усомниться капитана в ее верности. Она останется в городе, под охраной, в целости и безопасности. Только Калеба после такого решения девушка возненавидит. С другой стороны, она умелая воительница, шансы выжить в бою у нее высоки. А, показав свое рвение, она заслужит доверие капитана, что вписывается в ее план выяснения нужной информации и побега. За такое решение она будет ему благодарна. А он мало того, что подтолкнет ее рисковать собой, так потом и вовсе потеряет, когда она уйдет.

Бестон не торопил. Он молча смотрел на подчиненного. По его беспристрастному лицу невозможно угадать, о чем капитан думает. Кaleb не заметил, что кусает губу, пока не ощутил металлический привкус во рту. Он выпрямился, провел ладонью по шее, где раньше находился злополучный ошейник.

– Капитан Бестон, я считаю, что Ирсоры заслуживает доверия. Она – воительница, чьи способности могут оценить по достоинству только в Хистрии. Она прекрасно это понимает. Страна ей еще не знакома настолько, чтобы хранить ей верность, но к своим сослуживцам она уже проявляет расположение, готова биться с ними плечом к плечу.

– Самое важное сейчас – верность мне, – жестко произнес капитан. – Со страной мы потом разберемся. Надеюсь, ты доложишь, если ее преданность пошатнется.

– Вы хотите, чтобы я шпионил для вас? – поморщился Калев.

– Я бы назвал это так: я хочу, чтобы ты приглядывал за ней и докладывал о ее настроении.

Юноша шумно втянул носом воздух. Дышать стало тяжелее, а по всему телу разлилось мерзкое ощущение множества крысиных хвостов, щекочущих внутренности.

– Будет сделано, – тихо выдохнул он.

– Спасибо, Дервин. Можешь идти. И, ради святых, прекрати шататься по лагерю. Тебе спать осталось пару часов.

– Есть, сэр, – Калев приложил кулак к груди и покинул шатер.

Бестон побарабанил пальцами по столу, достал из кучи бумаг пришедшее утром письмо, пробежался по нему глазами. Не поднимая головы, спросил:

– Что скажешь?

– Не очень-то он уверен в своих словах, – из-за перегородки, прихрамывая, вышла Мелоди. Она без приглашения уселась на ближайший стул. – Хорошо хоть, я ваш кашель услышала, вовремя спряталась. А то мало ли что мог птенчик о нас подумать.

Бестон смерил ее хмурым взглядом, не оценив шутку. Кернс закатила глаза, буркнула что-то про вставших не с той ноги зануд и добавила громче:

– Вы вынудили его сказать то, что хотите услышать.

– Мы все равно за ними обоими приглядываем, а так они будут думать, что получили чуть больше доверия, – Карлос постучал пальцем по письму, переводя тему. – Начальство наказывает меня за Рык.

Мелоди, успевшая ознакомиться с содержимым, скривилась:

– Мы ведь не виноваты, что мьернцы, назначенные управленцами, не справились с обязанностями. С ними долгое время велся диалог, лояльные Хистрии граждане уверяли, что народ примет новую власть с радостью.

– Они бы что угодно сказали, лишь бы возвыситься, – хмыкнул Карлос. – Работоторговля являлась одним из важных столпов экономики города. Кто порадует ее отмене? Разве что рабы. И то не все, мы ведь даже никаких выплат для проживания не обеспечили, все скинули на местных.

– Начальство не объясняет, что там случилось, – Кернс указала пальцем на письмо. – Почему мы-то сразу виноваты?

Карлос невесело улыбнулся:

– Потому что проще найти козла отпущения среди неугодных, чем признать свои промахи в долгосрочных планах.

Мелоди понимающе кивнула.

– Вам поэтому нужно расположение мьернки? Чтобы использовать ее как информатора?

– Не только. Я действительно хочу протолкнуть ее повыше. С ее умениями она долго в рядовых не засидится. А лояльные люди в верхах нам нужны. Учитывая, как меня любят, она там окажется раньше старины Бестона.

– Амбициозно.

По голосу Мелоди Карлос не понял, произнесла она это с одобрением или с издевкой. Развивать тему целительница не стала, потому он задал насущный вопрос:

– Что скажешь про Дервина?

– Во всем, что не касается его зазнобы, верность безоговорочная. Он зависим от нас, потому что мы пытаемся вылечить его извращенную магию. Он благодарен нам, потому что мы вытащили его из рабства. Он привязан к нашей стране, потому что сам коренной хистриец. Прояви к нему хотя бы долю благосклонности – он пойдет за тобой до конца. Даже в отряде замечают, как ты с ним суров. Он не знает правил игры, а ты его не просвещаешь.

– Таким, как он, самообучение идет на пользу, – буркнул Карлос. – После рассвета я дам инструкции отряду. Одного дня на сборы более чем достаточно. А завтра с утра отправимся на границу с Лагробом. Путь предстоит долгий. Можешь идти, Кернс, отдохни, если сможешь.

– Есть, капитан.

Мелоди встала, вытянулась, насколько позволяло ее увечное тело, отточенным движением приложила руку к груди. Карлос задумчиво смотрел, как двушка выходит из шатра.

Утром, как и ожидалось, никто не испытал восторга от новости о переброске отряда. Мечники принялись выпрашивать внеочередное увольнение на полдня, чтобы съездить в Каюн и перевести дух перед боевым выездом, а потом возмущались отказу. Лучницы сокрушались из-за отсутствия должного оснащения для боевого выхода. Маги молчали, только переглядывались между собой. Позже к Бестону пристали с расспросами близнецы. Он всегда удивлялся, как они умудряются пролезть без разрешения, да еще требовать объяснений.

– Мешади знал все с самого начала, да? – поинтересовался Агний.

– Он растрепал своим солдатам, что мы едем к Каюну. – хмуро подтвердила Игнис.

– Не стройте заговоры там, где их нет, – вздохнул Карлос. – У капитана Мешади полно знакомых среди начальства, он всегда узнает информацию раньше. А разболтал, чтобы в очередной раз об этом напомнить. Приказ о переброске пришел только вчера, никто не мог знать раньше.

– Мешади остается на полигоне, а наш отряд едет воевать. Мы чем-то провинились? – Агний спрашивал без привычной улыбки.

– Начальство осталось недовольно операцией в Рыке. Во всех неудачах обвинили меня. Мы знаем, почему, – пожал плечами Карлос. Все равно эти двое все выяснят, скрывать нет смысла. Близнецы переглянулись, на лицах обоих отразилось понимание. – Мешади на полигоне не останется, его отряд выдвигается вместе с нами. Потом они направятся в тыл, а мы – к границе.

Понурые сборы сменились мрачной дорогой. Солдаты рассчитывали после жестких условий полигона насладиться аскетичным комфортом воинской части. Вместо этого их отправляют в самое пекло. Тут уж никто не обрадуется.

Кaleb, измученный мыслями и переживаниями, пытался дремать, но непрерывные кошмары выдергивали его из сна, заставляя вздрагивать. Мечники теперь ехали молча, не болтали, не перешучивались. Только Мелоди по обыкновению читала книгу, устроившись у откинутого навеса, время от времени бросая взгляд на повозку, едущую позади них. Юноша пересел к ней и тихо спросил:

– Мелоди... а что там будет, на границе?

– Очередная разоренная Лагробом деревня, – пожала плечами целительница, не поднимая взгляда от страниц. – Присоединимся к основному войску, поможем откинуть врага подальше. У Лагроба не самое лучшее вооружение, а уровень владения магией оставляет желать лучшего. Тем не менее, у них хватает людей, чтобы огрызаться. Война с ними проходит довольно лениво: то мы их прогоним с насиженного местечка, то они нас турнут со своей территории. Не волнуйся, птенчик, пустишь пару своих огненных бабочек – они испугаются.

Старшие мечники разрозненно хохотнули, а Малькольм кинул на Калеба сочувствующий взгляд. Дервина не смутила ее издевка, он привык к манере разговора целительницы.

– Я видел сражения, Мелоди. Видел кровь и смерть. Но наверняка не в таких масштабах. Потому хочу знать...

– Да не волнуйся ты, новичков на первую линию не кинут, – вмешался Вернон. – Вообще, маготряды не для лобовых атак нужны. Смотри, как будет: мы приедем, Бестону доложат обстановку, расположение войск, он покумекает с командованием и отправит нас на какую-нибудь тихую диверсию. А вас с Ирсоркой оставит на подхвате, вон, Мелоди помогать. Ничего заоблачного от вас не потребуют.

– Терпеть не могу лесные дороги, – вздохнула Кернс, захлопнув книгу. – Деревья свет загораживают.

– Раз мы до леса добрались, то бодро идем, много уже проехали, – протянул Герсид.

– Погода держалась последние пару дней солнечная, – подал голос Малькольм. – Повозки в грязи не вязнут, лошадям по сухой дороге шагать быстрее.

Парень робел при старших товарищах, оттого после сказанного бросил взгляд на мечников, ожидая реакции. Умудренные годами сражений мужчины одобрительно кивнули. Кaleb слышал, что именно они протащили Малькольма в спецотряд, не дав талантливому военному прозябать в пехоте. По секрету он рассказал, что с дисциплиной у общих войск на боевых выходах совсем плохо: командиры плохо следят за многочисленными подчиненными, солдаты не гнушаются мародерства, разбоя, насилия по отношению к мирному населению на вражеской территории. Парню, имевшему некоторые понятия о чести, претило такое положение дел. Герсид заметил рвение Малькольма на тренировках в воинской части, поговорил с ним, подсунил личное дело Бестону. Через пару месяцев бюрократических войн перспективный мечник оказался в отряде Карлоса.

Повозки выехали на обширную поляну, судя по всему, часто используемую для армейских привалов. Солдаты принялись готовиться к ночевке. Кaleb направился было с Малькольмом на поиски воды, но Мелоди дернула его за рукав.

– Кaleb, – сказала она, нахмурившись. – Ты ничего не чувствуешь?

Кaleb принялся, уловил только запах начавшей преть листвы да влажной земли – из-за недостатка солнца она не успела высохнуть за два дня. Целительница закатила глаза, и тут до юноши дошло. Он нырнул в транс, окинув мир внутренним зрением. Тогда-то понял, про что говорит Кернс. В нетронутой, первозданной энергии, похожей на горячий воздух над костром – прозрачной, но при этом видимой – проглядывались кляксы магии. Они одновременно воспринимались, как еле уловимый аромат и как зримые капли на полотне мира.

– Да, я тоже чувствую, – кивнул Дервин.

– Мальчишки, боевая готовность! – скомандовала Мелоди мечникам. Те без вопросов и суеты накинули кольчуги, поправили ножны на поясах. Мелоди кликнула Игнис, которая неподалеку расседывала своего белого коня. – Рыжик, мы с Калемом заметили неладное в воздухе. Тут недавно колдовали.

Девушка кивнула и ушла к центру временного лагеря, где ставили капитанский шатер. Через пару минут напряженные солдаты расхаживали по периметру, проверяя кусты на наличие ловушек. Рано сгустившиеся сумерки не позволяли ничего разглядеть.

– Что вы тут устроили? – прокрипел подошедший Филипп Мешади.

– Здесь колдовали, сэр, – ответила Мелоди. – Судя по всему, недавно.

К ним присоединился Бестон. Он держал руку на эфесе меча.

– Наверное, отряд, что до нас тут шел, побаловался, – неуверенно предположил Мешади.

– Исключено, – мотнул головой Бестон. – Перед нами не было...

Конец фразы заглушили свист, испуганное ржание лошадей и грохот горящего снаряда, врезавшегося в фургон. Солдаты, как по приказу, упали на землю, прикрыли головы. Второй снаряд вылетел с другой стороны поляны и поджег еще одну повозку. Чуждая магия налетала с разных сторон. У Калеба разболелась голова от хаотичных вспышек, он вырвался из транса и указал в сторону лесных зарослей:

– Бьют оттуда! Меняют направление в воздухе!

– Отлично, Дервин! – крикнул Бестон. – Класк, тушишь повозки! Фирс, на нас с тобой ответный огонь! Близнецы берут Дервина с двумя лучниками и разведывают другую сторону леса! Остальные, рассредоточиться, готовиться к атаке!

Рядом Мешади с той же четкостью отдавал приказы своему отряду. Два капитана слушали друг друга и командовали так, чтобы оба отряда действовали вместе. Перед лицом общего врага они отбросили разногласия.

Калев понесся вслед за близнецами, бросившимися в темный лес с мечами наперевес. Пришлось на ходу погрузиться в транс, смотреть на мир одновременно обычным и внутренним взглядами, отчего зарябило в глазах, а в движении держать концентрацию стало сложнее. Разноцветные кляксы вокруг расплывались, растекались, били в нос запахами гари, влажной земли и свежей зелени. Калев остановился. К знакомым мазкам в пространстве приплеталась магия, какой он еще не видел.

– Игнис! Агний! Стойте! – закричал Калев, предчувствуя беду.

Он скорее почувствовал, а не увидел несущийся в его сторону искрящийся шар. Юноша рухнул на влажную траву, уворачиваясь от огня, неумело прополз вперед, вскочил и побежал за скрывшимися в кустах близнецами. Ветки били по лицу, ноги спотыкались о корни. Заметив, что дыхание до сих пор не сбилось, юноша возблагодарил армейские тренировки, немного укрепившие его худое тело.

Впереди послышался звон стали. В просвете между деревьев Калев увидел близнецов, сражающихся против троих крупных мужчин в странных черных доспехах и черных же шлемах, скрывающих лица. Двое теснили Агния в сторону, отрезая ему путь к Игнис. Разделенные, близнецы остались без магии и могли надеяться только на сталь в своих руках. Повезло, что обмундирование лагробцев сковывало движения, отчего они уступали рыжеволосым хистрийцам в ловкости.

Калев обернулся, надеясь увидеть подоспевших лучниц, но тех все не было, а время шло, силы у рыжих магов заканчивались. Он вдохнул поглубже, потрянул руками и, незаметно подойдя ближе, кинул огненный шар в одного из врагов. Тот вскрикнул от неожиданности, но шар разбился искрами о доспех. Агний воспользовался заминкой и всадил меч противнику в живот. Тот охнул, схватился за лезвие, упал на колени, оставив хистрийского солдата без оружия. Агний увернулся от удара второго врага, перепрыгнул через торчащие корни. Калев выпустил еще пару огненных шаров, так же разбившихся о загадочный материал. Вражеский мечник рассмеялся и продолжил преследование Агния. Тот не мог сражаться без меча и не мог отступить, бросив сестру.

Дервин перемещался между деревьев, стараясь держаться в тени. Он замер, сконцентрировался и выпустил огненную бабочку. Та резво понеслась к черному солдату, залезла к нему под шлем через прорезь для глаз. Мужчина завизжал, выронил меч, скинул с себя шлем и схватился за лицо. В этот момент Калев бросился на него. С разбега он воткнул ему меч в бок. Острие преодолело кожаный доспех, вошло в плоть. Мужчина болезненно изогнулся, повернул к Калебу обожженное лицо с черным провалом вместо сожженного глаза. В нос ударила вонь опаленного мяса и сгоревших волос. Юноша отпрянул. Он отстраненно заметил, как Агний выручает сестру, атакуя ее противника сзади. Одноглазый солдат попытался схватить Калеба, тот кинул ему в лицо сгусток огня побольше. Раздался оглушающий крик. Агний тут же его прервал, снеся врагу голову. Дервин трясущимися руками вытащил меч из бока поверженного.

– Что, первое убийство? – Агний сочувственно похлопал юношу по плечу. – Значит, скорее всего, тебя сейчас... А, ну вот.

Калев отвернулся, и его вырвало. Колени подогнулись, он рухнул в траву, порадовавшись, что не замарался в собственной блевотине. Перед глазами возникла задыхающаяся девушка с покрасневшим перекошенным лицом, брызгающая слюной, впивающаяся когтями ему в руки, сжимавшие ее горло. Ее хрипы звучали все громче и громче, пока не заглушили звуки вокруг.

– Калев, очнись, – Игнис тронула его за плечо, юноша вздрогнул, очнувшись. – Пошли. Предаваться горю будем после победы.

Из-за кустов выбежали две лучницы. Кaleb припомнил, что их зовут Ласса и Эсма. Их синяя форма покрылась зелеными пятнами от травы – похоже, они не раз падали или укрывались от огненных снарядов. Ласса указала за спину и выдохнула:

– Надо возвращаться. Мы пристрелили двоих, которые прятались в засаде. Но в лагере еще ничего не закончилось.

Впятером солдаты побежали обратно. Окончательно стемнело, с поляны слышались крики, ржание лошадей, треск огня и звон стали. Внутренним зрением Кaleb увидел вспышки магии со всех сторон. Приблизившись, они почувствовали запах дыма и крови – на их пути встретилось два трупа со стрелами в груди. Лучницы побледнели, но шага не сбавили.

В лагере кипел бой. Горели повозки и деревья, а в отсветах пожара мелькали фигуры. В свете огня черная форма лагробцев слабо отличалась от хистрийской синей. Лучницы опустили оружие, боясь выстрелить в своих. Агний с Игнис переглянулись, рванули вперед с мечами наперевес. Магию они применять не рисковали – вокруг и так бушевало пламя. Лучницы разделились в поисках подходящей позиции для стрельбы.

Эсма пригнулась, перебежала на другую сторону поляны, оттуда оценила обстановку. Новичок Дервин неумело махал мечом, на подмогу ему пришел Вернон. Поодаль теснили двоих лагробцев Малькольм с Агнием. Лучница поискала Игнис и заметила, как та побежала за третьим вражеским солдатом. Рука привычно наложила стрелу, натянула тетиву. В последний момент Эсма остановилась – за рыжей магичкой гнался лагробец на коне. Девушка прицелилась и выстрелила, когда тот поднял меч для удара. Стрела попала в шею – верховой выронил меч, схватился за горло, вывалился из седла. Эсма ухмыльнулась, но ее улыбка тут же угасла – конь, оставшийся без седока, поскакал дальше и задел широкой грудью Игнис. Та упала, выронив меч. Эсма побежала к ней, как вдруг услышала крик Агния, слившийся со всеобщей какофонией. Она нашла его глазами, держа наготове стрелу. В этот момент лагробец вытащил из его живота меч. Агний открыл рот, залив подбородок и грудь кровью, накренился, рухнул на землю. Внутри вскипел гнев, Эсма прицелилась, медленно выдохнула и выпустила стрелу врагу в сердце. Он кулем повалился недалеко от Агния.

Девушка замерла на мгновение, решая, к кому бежать на помощь. Ее отвлек треск и испуганное ржание. Одна из повозок, которые не успели распрячь, загорелась. Кто-то освободил лошадей, они понеслись, таща за собой обрывки горящей упряжи. Эсма отпрыгнула, освобождая путь обезумевшим животным. Приземлилась она неудачно, ушибла ногу, перекатилась. Неловко встала, скривившись от боли, в сердцах ругнулась – огонь перекинулся на шатры и загородил большую часть поляны.

Превозмогая боль, Эсма поторопилась в обход, к невысокому холмику, мимо перевернутой повозки. У входа в нее лучница уловила движение, отточенным движением отпрыгнула, развернулась и обнажила короткий меч – оружие против тех, кто подобрался ближе расстояния выстрела. Отодвинув лезвием полог, девушка нахмурилась:

– Ирсора! Что ты тут забыла?!

Та подняла на нее злые серые глаза. В свете огня Эсма заметила у нее в ногах хистрийский мундир с серебристым цветком георгины. На мьернке матово блестела черная кольчуга, которую Эсма никогда не видела. На плече девушки она заметила походный мешок.

– Ирсора, я повторю вопрос: что ты здесь делаешь? Почему не на поле боя? – Эсма напряглась и сжала рукоять меча.

– Не твое дело, – буркнула Ирс.

Не обращая внимания на выставленный в ее сторону меч, мьернка откинула шире полог, прошла мимо Эсмы. Та озадаченно спрятала оружие, поспешила за ней. Ирсора перебежала от одной поваленной повозки к другой, перепрыгнула чей-то труп и скрылась в дыму, заполонившем поляну едкой тучей. Ветер изменился, в нос лучницы ударил запах горящего тряпья и подпаленной плоти. Ее замутило. Прикрыла рот, лучница ринулась вперед. Лязг стали посте-

пенно утихал, как и крики. С центра поляны слышались хистрийские ругательства, отчего в груди тепло.

Вдруг на девушку из-за дерева выскочил огромный лагробец. Он размахнулся мечом, Эсма вскрикнула от неожиданности и с ужасом наблюдала, как из груди врага показался окровавленный клинок. Ирсора, незаметно напавшая на противника сзади, вытащила меч из дергающегося тела, вытерла лезвие о его одежду и бросила оторопевшей лучнице:

– Не расслабляйся.

Эсма тряхнула головой, убрала с глаз выбившиеся из зачесанного хвоста пряди. Она забралась на холм, чтобы глотнуть свежего воздуха и осмотреть поле боя с высоты. Зоркий взгляд заметил скрывающегося меж деревьев лагробца. Стрела попала ему в плечо, заставив Эсму недовольно поморщиться. Ночью, среди дыма, в неверном свете пламени сложно прицелиться. Она пустила еще одну, попавшую в глаз согнувшегося врага. Тот упал, лучница довольно хмыкнула. Верный лук никогда ее не подводил.

В отряде Мешади служило два водных мага, сейчас они вместе с Риисой Класк тушили пожарище. В воздух взметались клубы пара. Эсма напрягала зрение, чтобы хоть что-то разглядеть. Звуки боя затихли, в оставшихся на ногах солдатах сквозь грязь и сажу угадывались синие проблески хистрийской формы.

Лучница вспомнила про Ирсору, неуклюже спустилась с холма, стараясь беречь поврежденную ногу. Мьернки нигде не было видно. Эсма прошла в сторону кустов, где видела ее в последний раз. Изучив сломанные ветки, лучница продралась сквозь желтеющую листву. Она наложила стрелу на тетиву, медленно перемещаясь от дерева к дереву и прислушиваясь к звукам леса. Шум лагеря затих, отрезанный плотной занавесью листвы. Чем дальше Эсма продвигалась, тем тише становилось.

Вдалеке хрустнула ветка. Лучница, прихрамывая, побежала на звук. Достаточно приблизившись для разговора, она окликнула Ирсору:

– Куда ты собралась? Лагерь в другой стороне.

Мьернка обернулась, гневно раздула ноздри и бросила:

– Тихо ты. Они где-то рядом.

Эсма нахмурилась, кивнула и последовала за Ир. Ее не оставлял вопрос, зачем той на плечах походный мешок, но пока она молчала, прислушиваясь. Слева лучница заметила движение, выстрелила. Мощный поток воздуха ударил ее спиной о древесный ствол, выбив воздух из легких. Девушка лихорадочно вдохнула, вскочила и застыла, увидев перед носом острие меча.

В стороне звякнула сталь. Ирсора билась с магом воздуха. Она использовала те же приемы, что и в тренировочном бою с капитаном Бестоном, стараясь уходить в сторону от свободной для заклинаний руки. Лучница переводила взгляд со сражающихся на лагробца, держащего перед ней оружие. Враг следил за каждым ее движением. Не успеет она шевельнуться, как клинок вонзится ей в глаз.

Эсма отпрянула в сторону, разрывая дистанцию, потом назад, уходя от выпада, скрылась за деревом, пустила стрелу в противника, но тот скрылся за деревом. Лагробец злобно что-то пробормотал на своем языке и, к удивлению лучницы, встал на колени. Она не растерялась, достала последнюю стрелу из колчана за спиной. Вражеский солдат находился достаточно близко, ей даже не требовалось прицеливаться.

В темноте сверкнули зеленые искры, трава у Эсмы под ногами зашевелилась, сдавила сапоги. В стороне злобно крикнула Ирсора. Лучница повернулась и обнаружила сослуживицу лежащей на земле. Ее ноги опутали торчащие из земли древесные корни. Лучница попыталась отпрыгнуть от движущихся растений, упала, больно ударившись спиной. Шею, царапая острыми краями, оплела осока. Эсма вдыхала запах свежей травы, влажной земли и прелой листвы, боясь пошевелиться. Ирсора кричала что-то на мьернском, похоже, проклинала обез-

движившего ее мага. Эсме наступили на руку. Она сжала зубы, не выпуская лук, который кто-то грубо отбирал у нее. Давление на руку усилилось, заставив разжать пальцы.

Лагробцы переговаривались между собой, похабно смеялись. Эсме связали руки и ноги, но с земли поднимать не спешили. Скованная смертельной растительной удавкой, она не могла пошевелиться и смотрела на кроны деревьев, по которым прыгали вороны. Скоро люди уйдут, а птицы полакомятся мертвечиной. Среди их блюд будут бездыханные тела Эсмы и Ирсоры – солдат, погибших в гнусной засаде внутри своей страны. Лучница сморгнула подступившую слезу. Больше смерти девушку пугало то, что может ей предшествовать, оттого при виде подошедшего лагробца она невольно дернулась, ощутив на горле жжение от нового пореза. Враг засмеялся, легонько коснулся щеки Эсмы, провел по контуру груди, угадывающемуся через кольчугу, по животу, спустился к бедрам, заставив девушку сжаться.

– Нет, – прошептала она.

Мужчина улыбнулся шире. Он достал нож, покрутил лезвие у нее перед глазами, срезал полоску синей ткани с ее формы.

– Пожалуйста, не надо, – дрожащим голосом взмолилась девушка.

Он осторожно, почти нежно приподнял ей голову и завязал глаза. Повязка намокла от выступивших слез.

– Прошу вас, – взмолилась она.

Холодок лезвия у шеи заставил замолчать. Послышался шорох срезаемой травы, давление на горло исчезло. Эсма вдохнула глубже, ощутив подобие благодарности, но через миг ее перевернули на живот. Девушка уткнулась в пахучие свежесрезанные побеги. Телу стало свободнее – враг срезал с нее ремень. Эсма закричала, затрепыхалась, лагробец схватил ее за затылок и надавил, отчего лучница наглоталась земли. Теперь она могла только мычать в сильных руках. Солдат стянул с нее штаны, девушка усилила сопротивление, за что получила удар кулаком по спине. Это должно было заставить ее стать тише, но от боли девушка обезумела: она извивалась, кричала, отпихивала от себя насильника, а тот наносил новые удары. Лагробец развернул ее на спину, она почувствовала холод и влагу травы обнаженными ягодицами. В следующий миг лицо обожгло болью от пощечины. Девушка вдохнула поглубже, чтобы закричать. Огромная ладонь легла ей на рот, не давая даже пискнуть. Она замычала, а лагробец, стянул с нее штаны до колен вместе с бельем. Горло вновь холодила сталь, но девушке было уже плевать – живой она даваться не собиралась.

Ее мучителя кто-то окликнул. Воспользовавшись заминкой, Эсма укусила его. Мужчина отдернул руку, а она, плохо соображая, что делает, перевернулась и поползла прочь. Высокая трава неприятно колола голые бедра, за спиной она слышала, как враги переговариваются. На грани сознания промелькнула мысль, что нужно было усерднее учить язык вражеской страны. Она вслепую ползла, ощущая, как штаны спускаются еще ниже и уже болтаются на связанных щиколотках. Коленки горели от порезов, все тело ныло после ударов.

Эсма еле дышала, ей казалось, она ушла достаточно далеко, как вдруг кто-то схватил ее за шиворот и бесцеремонно потащил обратно. Она уже не могла кричать, а тихо хныкала, чувствуя, как выступающие корни и мелкие веточки режут бедра. Ее подхватили под мышки, мимолетно облапав грудь, кинули на деревянную поверхность. Эсма замерла, ожидая нового нападения, а когда его не последовало, осторожно сняла с глаз повязку. Она лежала в крытой повозке, занавешенной плотной тканью. Свет луны пробивался через несколько мелких дырок наверху, отчего внутри царил полумрак. Судя по ровному ходу, они покинули лесные заросли, выехали на дорогу. Запах крови и пота Эсмы переплетался с запахами лошадей, влажной шерсти и кожи.

Полежав немного, восстановив дыхание, Эсма села, взялась надевать штаны. Одеваться со связанными руками и ногами оказалось делом сложным, вдобавок, все тело ниже пояса сочилось кровью от мелких порезов, которые нещадно щипало. Сдерживая слезы, она справи-

лась с задачей и порадовалась, что перед отправкой из части ушила штаны – теперь даже без ремня они не должны с нее свалиться.

Эсма огляделась и увидела в углу Ирсору без сознания. Девушка подползла к ней, кривясь от боли в растерзанных коленях, потрепала по плечу. Мьернка, открыв глаза, тут же ударила. Эсма среагировала мгновенно – увернулась, поставила блок. И упала на бок. На тренировках по рукопашному бою их не учили драться с завязанными конечностями. Серьезное упущение, из-за которого девушка ударилась щекой о шершавые доски. Ирсора оказалась тоже связана, потому ее удар получился неловким, инерция уронила ее рядом с хистрийкой. Пыхтя, они заняли сидячее положение и понимающе посмотрели друг на друга. Ирс буркнула:

– Извини. Я думала, это солдат.

– Ничего, – Эсма постаралась, чтобы голос звучал бодро. – Я бы отреагировала так же после такого. Они... – по телу пробежала дрожь, а бедра сами собой сжались, – ужасны...

– Тебя изнасиловали? – бестактно спросила мьернка и склонила голову набок, напомнив капитана Бестона.

– Не успели. Хотя пытались, – Эсма сглотнула, сжала кулаки, чтобы не разреветься. Пережитый ужас навалился неподъемным грузом. – А... тебя?

– Нет, – мотнула головой девушка.

Эсма только теперь заметила, насколько сильно Ирсору избили: все лицо покрывали синяки и кровоподтеки, она болезненно морщилась каждый раз, когда телега подскакивала на кочке, неловко берегла левую руку. Наверняка мьернка сражалась, как зверь, а не рыдала, ползая в траве, как червяк. Эсме стало жаль сослуживицу и противно от себя. Она – солдат хистрийской армии, прошедшая три боевых выезда за два года, а тут расклеилась, как зеленый новобранец. То ли дело Ирсора, выследившая отступающих врагов и до последнего защищавшая свою честь.

– Наверное, они еще попытаются напасть, – прервала тишину Эсма. От собственных слов ей стало не по себе.

– Вряд ли, – Ирсора, напротив, говорила спокойно. – Они просто рядовые. К ним присоединился командир и запретил нас трогать.

– Ты знаешь лагробский?! – ахнула лучница.

– Нет. Поняла из интонаций. Главный отчитывал их, стоя рядом перед тем, как меня вырубili.

– Значит, теперь нас везут в Лагроб в качестве военнопленных.

– Надо сбежать, – тихо, но твердо произнесла Ирсора. – При первой же возможности.

– Я понимаю, но...

– Никаких «но». Тебя чуть не изнасиловали в двух шагах от лагеря твоей армии. Как думаешь, что с тобой сделают в Лагробе, когда посчитают, скольких лагробских солдат ты пристрелила?

Эсму замутило. Она посмотрела в жесткие серые глаза мьернки и согласно кивнула. Им необходимо сбежать.

Глава 5

Кaleb медленно брел между обгоревшими повозками, воняющими мокрой золой и паленой шерстью. В некоторых местах остовы транспорта еще дымились, в других – потухли, щедро залитые водой. Ветви деревьев вокруг поляны почернели, в воздухе кружились хлопья пепла. В центре лагеря водные маги заканчивали тушение огня, поляну затянул серый горький туман.

В зыбких утренних сумерках солдаты перекрикивались, искали раненых и убитых. Тела товарищей складывали возле уцелевших повозок, трупы врагов – на краю поляны. Вторых было намного больше, тем не менее, с каждым уложенным человеком, накрытым тканью, внутри все переворачивалось. Кaleb насчитал пять тел своих против двадцати вражеских. Среди лагробцев сражались в основном люди без дара, маги Хистрии переломили ход сражения. Выжившие ушли от погони, из-за чего Бестон и Мешади ходили темнее грозовой тучи.

– Ирсора! – в который раз крикнул Кaleb и побрел дальше.

Девушка не откликнулась. Молчали еще несколько солдат, чьи имена слышались над поляной. У юноши в груди все туже завязывался узел, мешающий дышать. В горле застрял ком, который он не мог согнать, сколько ни сглатывал горькую слюну со вкусом дыма.

– Кaleb? – позвал женский голос.

Он обернулся так резко, что Ласса вздрогнула и отступила на шаг. Она упреждающе выставила перед собой ладони. На изможденном лице не дрогнул ни один мускул. С симпатичной девушки на несколько лет старше Калеба сегодняшняя стычка слизала шершавым ядовитым языком всю красоту. Бледная, грязная, с потухшим взглядом, сгоревшими бровями и ресницами, она напоминала привидение. Дервин ответил на немой вопрос:

– Я только что с того края лагеря. Тела Эсмы там нет.

– Хорошо, – глухо произнесла Ласса. Она отвернулась. – Я видела их с Ирсорой. Еще подумала, что у твоей подружки странная кольчуга. А потом потеряла их.

– Какая кольчуга? – не понял Кaleb.

– Не армейская. Черная, я такой не видела никогда. Знаешь, забудь. Мне вообще вначале привиделось, что у нее мешок за плечами, так что и кольчуги никакой скорее всего не было. Видимо, форму в саже испачкала...

– Ласса, – Дервин прервал ее отрешенный словесный поток. Девушка замолчала, услышав свое имя. – Где ты видела Эсму и Ирс?

– У того холма.

Она еще что-то говорила, но Кaleb уже понесся в указанную сторону. На полпути он остановился – из дыма вынесли еще одно тело. Юноша сжал кулаки и зашагал к сложенным в ряд мертвым товарищам. В каждом новом трупе он боялся увидеть Ирсору.

Солдаты Мешади аккуратно уложили сверток на землю. Подойдя, Кaleb заметил своих сослуживцев: трое мечников неловко топтались рядом, Рииса тихо плакала, уткнувшись в грудь Джона. Здоровяк смотрел в сторону и рассеянно гладил ее по плечу.

– Кто? – охрипшим голосом спросил Дервин.

– Игнис, – тихо ответил Малькольм.

У Калеба закружилась голова. Он покачнулся, но устоял, хотя Рииса и Джон, находящиеся ближе всех, повернулись, чтобы поймать юношу. Не веря ушам, он потянулся к покрывалу, пропитанному красным.

– Не надо, – мечник предостерегающе поднял руку. – Поверь, ты не хочешь это видеть. Никто не хочет.

Кaleb вспомнил, как рыжая девушка мечтательно закатывала глаза, рассказывая о романе с дворянином, как гонялась за кошкой, как поддерживала сослуживцев, когда они в том

нуждались, как отчитывала их, когда того требовало дело. Там, где мелькали рыжие волосы близнецов, всегда начинались смех и приятная суматоха.

– А Агний? – прохрипел Калёб.

Словно по сигналу, со стороны шатра, обустроенного под полевой лазарет, послышались крики. Оттуда вывалился полуголый Агний, придерживая окровавленную перевязку на боку. Целитель из отряда Мешади преградил ему путь, активно жестикулируя. Близнец, не говоря ни слова, врезал свободной рукой ему в нос и направился дальше. Из шатра выглянула Мелоди. Она что-то гневно кричала Агнию вслед. Тот не оборачивался, смотря только на накрытые тела. Его бледное тело выделялось на фоне серости утра, он еле перебирал ноги, сгибался от полученного ранения.

– О нет, – шепнула Рииса. У нее мгновенно высохли слезы.

– Какой идиот ему сказал? – покачал головой Малькольм. – Он ведь сам еще живой...

Во время боя Агния сильно ранили, Калёб вместе с молодым мечником тащили его к целителям, не надеясь спасти. Целители много дара влили в его тело, чтобы заживить внутренние ткани, и то не сумели как следует залатать. Ему требовалось долгое восстановление.

Агний остановился, пошатываясь, перед сослуживцами, растерянно оглядел накрытые тела.

– Где? – хрипло выдохнул он.

– Агний, тебе не стоит... – начала вышедшая вперед Рииса.

– Я спрашиваю, где она?! – рявкнул близнец. Сейчас он меньше всего походил на рассудительного улыбчивого парня, которого все знали.

Не дождавшись ответа от застывших сослуживцев, он двинулся к крайнему свертку. Малькольм встал перед ним. Пусть он уступал Джону в росте, по сравнению с Агнием мечник был немного крупнее. Он схватил близнеца за плечи и согнулся от удара под дых. Для полуживого раненого солдата Агний оказался слишком силен. Герсид и Вернон подскочили к нему, помогая Малькольму. Близнец отчаянно сопротивлялся.

– Пустите! Пустите меня к ней! Она жива, я знаю! Пустите!

Джон присоединился к мечникам, они втроем не могли сладить с парнем. Тот укусил до крови руку Вернона и разбил нос Герсиду. Их кровь смешалась с его, проступившей из раны, когда разошлись швы. Четыре тела превратились в сопящий ком, то продвигающийся вперед, то отступающий назад. Солдаты старались держать Агния бережно, чтобы не навредить и без того истерзанному телу, сам маг сил не жалел, отбивался от них всеми доступными способами, игнорируя боль.

Близнец выскользнул из хватки мужчин, дотянулся до края окровавленной ткани. Мечники оттащили его вместе с зажатым в руке полотном.

– Нет, – тихо пробормотал он. Самое страшное случилось. Герсид, Вернон и Джон застыли, выпустив Агния. Он мешком свалился на землю, прополз на четвереньках мимо солдат.

– Агний, пожалуйста! – Рииса подскочила, стараясь накрыть искалеченное тело, непохожее на задорную рыжую магичку.

Ноги были переломаны в нескольких местах, раздробленная левая голень походила на мешок с торчащими осколками костей. Из разодранной ткани на вдавленной груди виднелись окровавленные куски ребер. На испачканной, рваной одежде угадывались следы подков хистрийских лошадей, что, напуганные огнем и взрывами, пронесли по телу девушки, втоптав его в землю. Обезображенное ожогами лицо в обрамлении сгоревших рыжих волос застыло в маске удивления и страха. На губах засохла бурая сетка кровавой пены. Побледневшие веснушки походили на грязные капли. Кто-то догадался закрыть ей глаза. Калёб мысленно поблагодарил этого человека – никто не выдержал бы, будь они открыты.

Юношу замутило. Он притерпелся к сладковатому запаху гниения, тонкой струйкой смешавшегося с вонью дыма и горелой плоти, а вот к виду мертвой девушки, в которой когда-то кипела жизнь, оказался не готов.

Агний подполз к Игнис, нежно поправил прядь волос с застрявшими комками земли, взял за руку. Из глаз его потекли слезы. Он рыдал, кашлял и захлебывался, то прикладывая отдающую восковой желтизной ладонь сестры к своей щеке, то утыкаясь в ее плечо. Потом близнец затих, опершись лбом о ее руку.

Мелоди растолкала солдат, подошла к Агнию. С ее пальцев брызнули белые искры. Целительница подняла голову:

– Быстро! Помогите отнести его обратно! Чего вылупились? У него потеря крови, он сознание потерял. Хотите лишиться второго близнеца за один день?!

Вернон и Герсид отреагировали мгновенно. Бывалые вояки аккуратно понесли парня вслед за хромающей целительницей, забыв про прокушенную руку и сломанный нос. Кaleb проследил за ними взглядом, затем накрыл полотном тело мертвой девушки, сбросив с окружающих оцепенение. Солдаты зашевелились, неловко потоптались и разошлись в разные стороны лагеря, пряча взгляды. Каждому требовалось свыкнуться с мыслью, что Игнис мертва.

Дервин последовал примеру остальных, ушел к дальним повозкам, сел на землю и спрятав лицо в ладонях. Он не так долго пробыл в отряде, чтобы понять чувства товарищей, служивших с близнецами больше времени, но по-своему успел привязаться к ним и к той атмосфере, которую они дарили. Смерть отрядных лучника и мечника, чьи тела покоились в одном ряду с Игнис, не так сильно ударила по Калебу. Он даже имен их не помнил, а вот с близнецами, использующими одну магическую силу на двоих, успел подружиться. После увиденного внутри всколыхнулась новая волна страха за Ирсору.

Дервин встал и зашагал в сторону холма, который показала ему Ласса. Солдаты в грязной форме проходили мимо, не обращая на него внимания. Они искали товарищей. Кто-то разбирал завал, отдельная группа ловила лошадей, другие помогали целителям, а несколько человек носили трупы. Одна ночь, полная огня и хаоса, отняла больше двух десятков жизней с обеих сторон. Хистрийцы пострадали намного меньше лагробцев. У Калеба не находилось объяснений, для чего понадобилось устраивать засаду.

Он отмел посторонние мысли, когда забрался на возвышенность, с которой хорошо просматривалась бы поляна, не будь она наполнена сизым туманом и пеплом. Его взгляд упал на уцелевшую повозку, завалившуюся набок. Именно в ней ехали Ирсора и лучницы. Дыхание перехватило от волнения. Он залез внутрь. Создал на ладони маленький огненный шар, чтобы осмотреться.

Когда колонна остановилась на привал, солдаты бросили мешки с личными вещами, торопясь обустроить место для ночевки. Если Лассе действительно привиделось, мешок Ирсоры должен быть где-то здесь. Кaleb вчитывался в имена на бирках, освещая их огненным шаром. В повозке ехало пятеро, а мешков нашлось четыре. Юноша медленно осел на пол, уставившись в полог повозки. Не может такого быть. Она не могла просто забрать вещи и уйти, когда вокруг кипел бой. Когда гибли ее товарищи, когда сам Кaleb рисковал жизнью. Вот так, молча, без предупреждения. Она бы нашла его, снова предложила бы пойти с ним, раз уж решила сбежать. Ей требовались документы, чтобы доказать племени серьезность угрозы Хистрии. Неужели она отказалась от намеченной цели?

Кaleb нервно потер шею. Ирсора могла сбежать, если увидела возможность. Молодой маг так и остался для нее рабом, которого можно выкинуть за ненадобностью. Он перерыл повозку в поисках намека, какого-то знака, что помогло бы понять, куда пропала Ирс. Юноша надеялся на скрытую записку, символ, понятный только ему, что угодно.

– Проклятье! – Кaleb ударил по днищу повозки, потом еще и еще. – Проклятье! Проклятье!

Его взгляд наткнулся на отблеск света в углу. Серебристая вышивка еле заметно отражала магический огонь в руке юноши. Кaleb разложил найденный синий мундир с гербом в виде георгины. Дрожащие пальцы отыскивали именную бирку. «Ирсора Мьернская». Забраться в повозку, чтобы снять мундир, когда вокруг кипит бой, она могла только по одной причине...

«У твоей подружки странная кольчуга. Не армейская. Черная, я такой не видела никогда», – вспомнил юноша слова Лассы. Ирсора выкрала свою заговоренную кольчугу перед отправлением на полигон, и предпочла надеть ее, когда дело дошло до реального боя. Кaleb прикрыл глаза. Она знала, что Мелоди может помочь юноше, если изучит предмет, сделанный мьернскими шаманами. Может, целительница не решила бы его проблемы с магией, но хотя бы могла понять принцип действия ошейника и причины этих проблем. Вместо того, чтобы помочь Калебу, Ирс утаила от него кольчугу, а потом сбежала с ней, лишив бывшего раба последней надежды на исцеление.

– Ирсора, за что? – прошептал юноша.

Он погасил огненный шар, сел, подтянув колени к груди, и раскачивался, глядя на разложенный мундир. К нему медленно приходило понимание. Ночью на поляне кипел бой, солдаты сражались, скакали кони, горели повозки. В неразберихе легко сбежать, нырнув в темноту чащи. Быть может, она с самого начала планировала побег во время сражения, не важно, какого. Быть может, она не надеялась выкрасть подтверждения хистрийской агрессии против Мьерна. Быть может, она просто решила уйти при первой возможности и...

– Она меня бросила, – прошептал Кaleb.

Перед внутренним взором возникло ее лицо с жестким взглядом серых глаз. Не верилось, что юноша потерял возможность увидеть в них нежность, обращенную к нему. Он схватил мундир, попытался разорвать, но плотная ткань с защитными вставками не поддалась. Со злости Кaleb кинул его в угол.

– Бросила! Бросила! Она меня бросила! – яростно шептал он, лупя кулаком по днищу повозки.

По щекам хлынули непрошенные слезы. Юноша уперся лбом в холодное дерево и тихо заплакал. Он выплескивая боль утраты и горечь беспомощности, кусал губу, чтобы не проронить ни звука. Постепенно Кaleb успокоился, поднял голову, стоя на четвереньках. Во рту ощущался солоновато-металлический привкус крови. Он вытер лицо рукавом, посмотрел в сторону валяющегося мундира.

Он сам отказался сбежать с Ирсорой, когда она предложила. Она могла решить, что он отвернулся от нее. Кaleb уже тогда все испортил, к чему сейчас винить кого-то другого? Бывший раб выбрал ошейник Хистрии, потому что тут поводок длиннее. Ирсора осталась верна своему племени. Кaleb бросил в злосчастный мундир огненный шар. Огонь быстро разъедал ткань, в воздухе повис запах горелого. Маг вздохнул и пустил еще несколько огненных шаров в разные места повозки. Пламя лизало чужие вещмешки, скамейки, навес.

Дервин, кашляя от дыма, вывалился наружу. Если никто не узнает, сколько мешков лежало в повозке, то Ирсору не заподозрят в побеге, а значит, не будут искать. Не важно, он отказался от нее или она бросила его, Кaleb все равно поможет девушке сбежать. Что бы она о нем ни думала, он прикроет ее отход, независимо от последствий для себя.

Подождав немного, юноша взялся тушить повозку. Магия воды давалась ему плохо, после тщетной попытки пришлось искать водных магов. К тому времени, как Рииса подросла на помощь, от повозки остался лишь обгоревший остов в кругу почерневшей травы. Потушив последние языки пламени, Класк покачнулась. Она упала бы, не поймай ее Кaleb. Юноша двигался отрешенно, его взгляд бесцельно блуждал, ни за что не цепляясь. От него пахло дымом. Похоже, еще не скоро их одежда и волосы проветрятся после ночного боя. Рииса выпрямилась, давая понять Дервину, что способна стоять самостоятельно, прошла вдоль повозки.

– Кaleb, ты не видел, из-за чего она загорелась? – поинтересовалась девушка.

– Что? – юноша вздрогнул, провел ладонью по шее. – Я... не знаю. Возможно, внутри тлели угли, а от ветра распалились. Повезло, я оказался рядом.

– Да, повезло, – кивнула Рииса и вздохнула. – У нас почти не осталось транспорта, а сколько лошадей удалось поймать, я даже не видела. Пойдем к нашим, узнаем, как у них дела.

Кaleb пошел за ней, не проронив ни слова. В центре того, что должно было стать лагерем, собрались солдаты обоих отрядов. Бестон и Мешади стояли у походного стола, склонившись над картой. Остальные скучковались на почтительном расстоянии, переговариваясь вполголоса. Рииса взяла Дервина за рукав и протолкнулась вместе с ним в первый ряд, поближе к Мелоди. Оказавшись рядом с целительницей, она шепотом спросила:

– Как Агний?

– Жить будет, – шепнула Мелоди. – Найду того, кто ему про Игнис ляпнул, голову откручу. Рыжик от потери крови чуть рядом с сестрой не лег. Он все еще без сознания, но стабилен.

Рииса облегченно выдохнула. Она любила близнецов и не представляла отряд без них. Пусть им постоянно вдалбливали, что на боевых выездах может случиться что угодно, смерть каждого товарища оставляла черный рубец на сердце девушки. Сейчас она из последних сил держалась, чтобы не разреветься в каком-нибудь укромном месте – изуродованное тело Игнис так и стояло перед глазами.

Капитан Бестон поднял голову от карты, окинул хмурым взглядом подчиненных. Разговоры тут же стихли. Отойдя от стола, он громко заговорил:

– Мною и капитаном Мешади принято решение изменить курс. Мы отправимся в ближайший населенный пункт, затем повернем в Каюн. Там будем ждать дальнейших указаний. Подготовьте уцелевшие повозки, выступаем через два часа. Кернс, останься для отчета, остальные – идите, дело у вас есть.

Карлос махнул рукой. Солдаты его отряда торопливо направились к повозкам. Подчиненные Мешади замешкались, дождались его кивка и тоже отправились выполнять приказ. Из толпы выскочил один из мечников. Рииса плохо знала солдат других отрядов, потому не сразу припомнила, что его зовут Бэш. Он что-то быстро сказал капитанам, после чего Бестон помрачнел, окликнул Дервина. Класк, все еще сжимающая рукав юноши, дернула его и повела к капитану. Только оказавшись в непосредственной близости от начальства, Кaleb сбросил оцепенение. Он мягко высвободил рукав, встал навытяжку, посмотрел в лицо капитану.

– Рядовой мечник Роак предполагает, что Ирсоры из Мьерна сбежала во время боя. Рядовой маг Дервин, тебе что-нибудь известно по этому поводу? – подчеркнуто официально спросил Бестон.

Риисе показалось, что в печальных глазах Калеба промелькнула злость, когда он покосился на Бэша, хотя она не сказала бы точно, слишком растерялась от такого предположения. Ей бы и в голову не пришла мысль, что Ирсоры может дезертировать, тем более, бросить товарищей по оружию в разгар сражения. Пусть мьернка присоединилась к отряду недавно, к ней все относились дружелюбно, а капитан отмечал ее навыки.

– Класк, ты почему не занимаешься подготовкой? – услышала девушка сердитый голос Бестона. – Тебе есть что сказать по данному вопросу?

– Я... – Рииса растерянно посмотрела на Калеба. Юноша выглядел раздавленным. Неудивительно, он потерял близкого человека, а теперь ему задают дурацкие вопросы. Магичка сложила руки по швам и выпалила. – Со всем уважением, капитан, я против того, чтобы наших товарищей записывали в дезертиры только потому, что мы не сумели найти их тела. Насколько мне известно, помимо Ирсоры, тело Эсмы Эстин тоже не найдено.

– Да, Ирсоры и Эсма числятся пропавшими, – кивнула Мелоди и положила на стол перед капитанами список. – Здесь указаны имена шестерых погибших, а также раненые. Не считая двух пропавших, всех остальных отыскивали в том или ином... состоянии.

Голос целительницы дрогнул, она шумно выдохнула. Рииса поймала удивленный взгляд Калеба. Неужто он думал, что сослуживцы его бросят?

– Бэш Роак сказал, Ирсора давно планировала побег и обсуждала его с Дервином, – ядовито заметил Мешади.

– Родной язык Ирсоры – мьернский. Мы с ней достаточно близки и часто вели беседы на ее наречии, – напряженно вставил Кaleb. Он говорил медленно, в паузах между фразами покусывая губу. – Могу предположить, что рядовому Роаку из-за этого могла прийти в голову мысль, будто Ирс задумала что-то плохое. В его глазах она – чужачка, дикарка, живущая по иным законам. Да и язык Мьерна звучит довольно агрессивно, потому даже в самых безобидных беседах можно заподозрить угрозу. Я, конечно, могу ошибаться. Если Бэш Роак хорошо знает мьернский, пусть он укажет на мою неправоту.

Рииса почувствовала, как уголки ее губ невольно поползли вверх. Она не ожидала, что Кaleb сумеет постоять за себя, тем более, в таком состоянии. Юноша казался ей робким из-за того, что часто отмалчивался и смотрел на окружающих снизу вверх. Она не представляла, как пережитое в Мьерне повлияло на него, лишь надеялась, что когда-нибудь он скинет с себя ношу воспоминаний, тянущую его вниз.

– Я думаю, вопрос решен, – после затянувшейся паузы спокойно произнес Бестон. – Вольно, солдаты, идите помогите товарищам.

Рииса и Мелоди синхронно приложили кулаки к груди, развернулись, за ними поспешил Кaleb. Бэш зашагал медленно, не скрывая недовольства. Они не успели отойти достаточно далеко, потому отчетливо слышали, как Мешади отчеканил:

– Вопрос еще не решен, Карлос. С тобой уж точно.

У Калеба подгибались ноги. Он спиной ощущал взгляд Бестона. Если капитан не поверил юноше, ему выгоднее считать Ирсору пропавшей без вести, а не беглянкой. Даже учитывая выгоду капитана, Кaleb весь трясся, вступив в открытое противостояние с Бэшем и Мешади. Теперь назад пути не было, а у молодого мага появились влиятельные враги.

– Мне жаль твою подругу, – услышал он голос Риисы.

Она сочувственно смотрела на него синим и зеленым глазами. От ее доверчивого, открытого взгляда хотелось зарыться под землю. Кaleb молча кивнул и поспешил к солдатам, которые подготавливали уцелевшие повозки. По пути он споткнулся обо что-то мягкое. Приглядевшись, различил в траве черный комок с опаленной шерстью. Тронув маленькое тельце, юноша с сожалением осознал, что оно не дышит.

Перед отправлением Бестон и Мешади отрядили людей прочесать окрестности, дабы избежать новой засады. Те нашли множество следов лагробцев, от стоянки до сражений в лесной чаще, где обнаружилось несколько мертвых врагов. Кaleb не присутствовал, когда солдаты отчитывались начальству, потому приставал к Мелоди. Она истолковала его беспокойство по-своему, и без сопротивления ввела в курс дела. Тел Эсмы и Ирсоры нигде не нашли, следов тоже. С одной стороны, Кaleb радовался, что воительнице удалось уйти, а его ложь не раскрылась. С другой – внутренности сжирала черная обида и пустота одиночества. Юноша избегал разговоров, сочувственные похлопывания по плечу сводили с ума.

После полудня вдалеке показалась деревня. Молодой маг облегченно выдохнул. Из-за ограниченности транспортных средств они ехали в тесноте, смешанным отрядом, тягостная атмосфера электризовала воздух, разговоры сводились к пережитой засаде. Калебу хотелось поскорее выбраться из провонявшей гарью и потом толпы изможденных солдат.

В деревне все организационные мероприятия прошли мимо юноши: он не видел, куда переправили тела солдат, не знал, где расквартировался отряд Мешади, не вникал, куда определили его сослуживцев. Кaleb витал в мыслях, лелея рану в душе, растворяясь в неведомых ранее ощущениях: он получил свободу, которой не желал, потерял девушку, о которой мечтал, обрел семью, которая ему не нужна, утратил цель, к которой стремился. Выполняя приказы,

юноша не вдумывался в их смысл. Даже не заметил, как позже снова оказался в повозке вместе с отрядом Бестона.

Спустя два дня после прибытия в Каюн Мелоди не выдержала, отвела Калеба в лазарет, во врачебный кабинет, заперла дверь. Он отстраненно подумал, что сейчас его снова заставят исправлять магические каналы, проходя через боль. Вместо этого целительница развернулась и отвесила юноше звонкую оплеуху. Щеку обожгло болью, от хлопка зазвенело в ушах. Кaleb покачулся, схватился за лицо:

– За что?!

– За то, что ведешь себя, как идиот! – жестко ответила Мелоди. – Запомни: армия – не то место, где можно распускать нюни. Бестон пошел тебе навстречу, дал время оплакать подругу. А ты, похоже, решил, что теперь можно валять дурака постоянно. Нет, птенчик, тут так не работает. Наш отряд в заднице, нам нельзя расслабляться.

– Агний тоже потерял... – попытался оправдаться Кaleb.

– Агний уже в строю! – отрезала целительница. – Он в первую очередь солдат, а уже потом – любящий брат. Он понимает, что отведенное для скорби время закончилось. Тебе же опять приходится все втолковывать!

– Прости, я... – внутренности Дервина обожгло стыдом.

– Не проси у меня прощения! – мотнула головой Мелоди. На ее щеках проступил гневный румянец. Он помолчала, глядя в стену, и продолжила спокойнее. – У нас большие проблемы, Кaleb. Не думай, что произошедшее в том лесу останется без последствий. Точнее, что не будет последствий сверх тех, что есть сейчас. Все только начинается. За нас возьмется военная полиция. Будут допросы. Полетят головы. Мы должны, – она сжала кулаки, – сохранить голову Бестона на его плечах.

– Что я должен делать? – поинтересовался юноша. Он недолюбливал капитана, но не настолько, чтобы намеренно подставить его.

– Придерживайся вашей с Ирсорой легенды. Капитан что-то там закрутил с документами, потому никто не знает, кем она была на самом деле. Пусть так и остается. Раз она... раз ее больше нет, правда не выплывет на поверхность. Веди себя спокойно, не показывай эмоций. Скажешь то же, что после засады говорил Бестону с Мещадью.

– Вспомнить бы еще, что я тогда говорил, – пробормотал Кaleb.

Щека вновь запылала – Мелоди отвесила ему еще одну пощечину и тихо, зло прошептала:

– Ты уж постарайся вспомнить, – она открыла дверь, кивком указала юноше, чтобы он выметался.

В Каюне отряду выделили казармы меньшего размера, чем в воинской части недалеко от Тарзы – портового города, встретившего их после Мьерна. Кaleb, привыкший к простору и расслабленной вседозволенности, которые сопутствовали ему там, теперь чувствовал себя пленником в клетке. Солдатам не разрешали без сопровождения покидать казармы, тренировки велись под надзором лейтенантов пехоты, по полномочиям приравненных к капитанам магических отрядов. Бестон практически не появлялся в части, и местные военные отрывались на его подчиненных.

Кaleb сначала не замечал происходящего, но оплеухи Мелоди возымели эффект: он наконец прозрел. Спустя два дня пребывания в Каюне юноша понял, что отряд действительно переживает не лучшие времена. Атмосфера напряжения царил в казарме, не слышалось шуток и смеха, разговоры велись вполголоса. Иногда кто-то из отряда пропадал на несколько часов, а возвращался заметно помрачневшим.

Лассу забрали на целый день, вернулась она с красными, распухшими от слез глазами. Девушка злобно зыркнула на Калеба и закрылась в уборной. Юноша долго ждал, пока она приведет себя в порядок, потом поймал ее на выходе. Он хотел поговорить, расспросить, что

произошло, быть может, подбодрить. И никак не ожидал, что лучница больно толкнет его в грудь:

– Не подходи ко мне! Все из-за твоей дикарки!

– Что? – Дервин удивленно застыл.

– Будто ты не знаешь, – фыркнула девушка. – Эсму подозревают в дезертирстве!

– Я не...

– Только не говори, что ты не в курсе, – поморщилась Ласса. – Они столько гадостей наговорили про мою лучшую подругу, винят ее во всех грехах. И все потому, что она тоже пропала, как твоя Ирора! Ее семью собираются лишить посмертных выплат, да еще клеймят позором ее саму!

– А я-то тут при чем? – возмутился Кaleb.

– Еще спрашиваешь, – поморщилась Ласса. Голос ее стал спокойнее, обычно она хорошо владела собой. – Говорят, ты был с ними обеими в сговоре и помог им бежать. Бред какой-то. Эсма никогда бы на такое не подписалась. Зачем ей бежать? Куда?

Лучница махнула рукой и ушла, оставив Дервина стоять с открытым ртом. Он не знал, что ответить, оттого порадовался ее уходу.

Молодой маг представлял, что за ним явятся в казарму или уведут на глазах у всех с тренировки. Ему хотелось, чтобы хоть кто-то знал о допросе. Его забрали на следующий день, после построения. Женщина в военной форме с нашивками на рукавах и белыми вставками на воротнике мундира преградила ему путь в корпус. Она не выглядела враждебно, но Кaleb при виде нее втянул голову в плечи.

– Кaleb Дервин? – уточнила она, сверяясь с документом. Дождавшись положительного ответа, она кивнула. – Вы должны пройти со мной.

Юноша поплелся вслед за женщиной. Показав пропуск на выходе из военной части, она повела Калеба за огражденную глухим забором территорию, по запутанным улицам города. Дервин, много лет не бывавший в хистрийских городах, крутил головой, рассматривал вывески и здания, пока полицейская на него не шикнула. Он тут же опустил голову, украдкой поглядывая по сторонам. Вокруг возвышались каменные строения двух и трех этажей, со строгими, четкими линиями, выкрашенные в приглушенные тона, чаще всего серого или темно-голубого цветов. Некоторые окна первых этажей служили витринами магазинов. Калебу очень хотелось подойти ближе и рассмотреть, что там продают. Их привезли в часть на крытой повозке, да и не до города юноше тогда было, а сейчас он, затаив дыхание, разглядывал мостовую, дома, прохожих. После мьернских поселений с деревянными домами, строящимися в длину, а не в высоту, архитектура провинциального города казалась грандиозной.

Женщина привела Калеба к двухэтажному зданию. На стене возле двери красовалась табличка с надписью: «Защита. Порядок. Честь». Юноша вошел вслед за провожатой, поднялся по лестнице. Она завела его в кабинет и оставила, поспешив по другим делам. В кабинете находилось два стола. За одним, сбоку, сидела девушка. Она что-то писала, не поднимая головы. За другим, у окна, сидел грузный мужчина, нетерпеливо стучащий толстыми пальцами по столу.

– А, Кaleb Дервин, – воскликнул он и махнул рукой в сторону стула напротив своего стола. – Присаживайся.

Юноша прижал кулак к груди в качестве приветствия, послушно сел, положив руки в черных перчатках на колени. Мужчина окинул его неприязненным взглядом, откинулся на спинку стула, держа в руках исписанный лист бумаги.

– Можешь обращаться ко мне лейтенант Вэлс. Там сидит сержант Кайсин. Не обращай внимания, у нее своих дел по горло, – мужчина шумно выдохнул, вчитываясь в бумагу. – Значит, ты у нас был рабом в Мьерне.

– Так точно.

– И знал Ирору Мьернскую до зачисления в армию.

- Так точно.
- Кем она тебе приходится?
- Подругой.

Лейтенант задал еще несколько вопросов, на которые Калев уже заучил ответы. Они соответствовали его изначальной легенде, рассказанной Бестону перед прибытием в Хистрию. Потом допрос резко перешел на отношения между Калевом и Эсмой. Тут даже врать не пришлось: молодой маг плохо ее знал. Вэлс закидывал его вопросами о беседах между Эсмой и Ирсорой, о родственниках лучницы, интересовался, есть ли у Ирс родня в Лагробе. Калев отвечал уверенно, удивляясь, чего Ласса так расстроилась после допроса.

– Объясни мне тогда, Дервин, почему эти две... как бы сказать помягче... женщины, – лейтенант скривился, – предали Хистрию и переметнулись к врагу?

- Что?! – у Калеба даже дыхание сбилось. – Я не говорил такого.
- Значит, утаил?
- Нет!
- Тогда рассказывай, раз не утаил.

Юноша сделал пару медленных вдохов. Теперь ему стало понятно, отчего лучница потеряла самообладание. Он медленно, с расстановкой ответил:

- Ирсора и Эсма не переметнулись к врагу.
- Тогда где они? – раздраженно поинтересовался лейтенант.

– Скорее всего погибли, – Калев опустил голову, демонстрируя скорбь. Ему даже не надо было играть роль – разговоры об Ирсоры и так отдавались болью в сердце.

- Где их тела?
- Я не знаю.
- В какой момент боя их убили?
- Я не знаю.
- Почему пропали именно эти солдаты?

– Не знаю я! – воскликнул Калев, потирая шею. – Бред какой-то. С чего вы вообще решили, что они действовали заодно?

- Ты мне скажи. Они действовали заодно?

Юноша прикусил губу. Лейтенант Вэлс цеплялся за каждое слово, выворачивал все сказанное, как ему удобно, сыпал новыми вопросами. Через полчаса Калев растерял уверенность, стал путаться, из-за чего паузы между вопросами и ответами увеличивались. Вэлс говорил то вкрадчиво и тихо, то кричал, отчего маг втягивал голову в плечи. Во рту ощущался привкус крови от прокушенной в нескольких местах губы.

– Прекрати юлить, Дервин! – Вэлс ударил ладонью по столу, заставив юношу вздрогнуть. – Ты ходишь по краю. Что-то мне подсказывает, что ты далеко не сторонний наблюдатель во всей этой истории. Ну! Говори! Ты заодно со шпионками?!

- Они не шпионки! И я с ними не заодно!
- Раз ты с ними не заодно, откуда тебе знать, что они не шпионки?

Калев в сердцах стукнул кулаком по колену и поморщился от боли. Вэлс сощурился, наблюдая за ним.

– Ты нервничаешь, Дервин. Я вижу тебя насквозь, ты явно что-то скрываешь, – он достал из кармана часы на цепочке, открыл, покачал головой. – Сколько времени я на тебя уже потратил. Сержант Кайсин, последите за ним, пожалуйста, мне нужно отлучиться.

– Без проблем, лейтенант, – отозвалась девушка, продолжая что-то писать. Как только дверь за Вэлсом закрылась, она глубоко вздохнула. – Не повезло тебе, парень. Он повышения хочет, кидается на всех подряд. Пить хочешь?

Кaleb кивнул. Он чувствовал себя опустошенным. Сержант поставила перед ним чашку горячего чая. Теплое питье немного взбодрило юношу. Он искренне поблагодарил девушку, грея ладони о кружку.

– А почему ты в перчатках? – спросила она.

– В Мьерне мне сделали татуировку, указывающую, что я принадлежу медвежьему племени, – глухо ответил Кaleb.

Он поставил чашку на стол, стянул перчатку, протянул руку ладонью вниз, демонстрируя изображение медвежьей лапы. Кайсин с интересом разглядывала рисунок, потом сказала:

– Думаю, ее можно перекрыть чем-нибудь другим. Еще могу узнать у целителей, смогут ли они ее убрать.

– Я... я пока не готов, – Кaleb отдернул руку и спешно надел перчатку.

– Не готов перестать быть рабом?

– Не готов забыть прошлое.

Воцарилась неловкая тишина. Кайсин потопталась возле него, потом села за стол и вновь взялась за перо. Не поднимая глаз, она со вздохом спросила:

– Что у вас там все-таки случилось? Вэлс запугал ваш отряд настолько, что до правды уже не докопаешься.

– Мы попали в засаду, – юноша помассировал виски, прикрыл глаза. Показалось, что он вновь ощущает запах дыма. – Отбились, но несколько наших... погибли.

Он осекся, вспомнив Игнис. Перед внутренним взором сменялись ее улыбка и искореженное копытами тело. Он мотнул головой, отгоняя наваждение. Посмотрел на собеседницу, та сочувственно поджала губы:

– Первый бой самый тяжелый. Не скажу, что следующие будут легче, Дервин. Но, возможно, воспоминания станут не такими яркими со временем, – она помолчала. – Девушка, которая пропала... была тебе дорога?

– Не передать, насколько, – с горечью произнес Кaleb.

– Наверное, она еще жива.

Юноша взгляделся в светлые глаза сержанта, неопределенно пожал плечами:

– Вряд ли.

– Ты не выглядишь расстроенным.

– Каждый скорбит по-своему, – вздохнул молодой маг, накрыв ладонью руку с татуировкой.

По сравнению с коллегой сержант Кайсин казалась отзывчивой и понимающей. Дервин не мог понять, как ей удастся работать рядом с Вэлсом. До его прихода они тихо болтали, обсуждая военную службу. Ирсору в разговоре больше не затрагивали. Кaleb признался, что в армии ему лучше, чем в рабстве, хотя не сказать, чтобы было легко, но о возвращении в Хистрию он не жалеет. Понимающая, отзывчивая Кайсин его подбадривала, угостила еще одной кружкой горячего чая с печеньем. Вернувшийся лейтенант принялся допрашивать расслабившегося юношу на повышенных тонах. Здание военной полиции Кaleb покинул к вечеру абсолютно опустошенный. К концу разговора он отвечал невпопад, измотанный длительным напряжением. Та же женщина, что привела его, проводила до военной части.

Там его перехватила Мелоди, отвела во врачебный кабинет и принялась расспрашивать о знакомстве с военной полицией еще обстоятельнее Вэлса. Кaleb терпеливо отвечал на ее вопросы, понимая, что просто так целительница от него не отстанет. Выслушав, она схватилась за голову:

– Дервин, ты идиот!

– Что? Почему?!

– Ты знаешь, кто ведет наше дело? – она устало потерла глаза.

– Он представился как лейтенант Вэлс.

– Его ведет сержант Кайсин. Вэлс ей помогает, водя за нос таких вот дурней, как ты.

– Но я ей ничего такого не сказал!

– Такого или не такого – решать теперь ей. Капитана Бестона до сих пор не отпустили. Похоже, арестовали. Целесообразность его действий будет рассматривать суд. А нам остается только ждать.

Кaleb почувствовал, как у него слабеют ноги. Он облизал пересохшие губы и робко спросил:

– А мы?

– Мы пока под надзором, – покачала головой Мелоди. – Наша судьба зависит от решения суда над капитаном.

* * *

Леско Браадес считал себя хорошим человеком и дисциплинированным солдатом. Он чтит старших, не издевался над слабыми, уважал поверженных врагов. Он умело владел мечом, сносно стрелял, редко сомневался в приказах командования. Сегодня случился тот самый редкий случай.

Устроить засаду на отряд магов так далеко от границы еще до начала виделось ему самоубийством. Неудивительно, что почти все погибли. Во-первых, хистрийских солдат, на которых они напали, оказалось гораздо больше, чем им обещали. Во-вторых, магов среди них тоже было больше. Наличие магов в рядах лагробцев не спасло – почти всех колдунов положили. Самых ценных, Акрайса Вакерса и еще одного, чьего имени Леско не знал, удалось вытащить из пекла боя. Акрайс все время доставлял проблемы. Леско приставили охранять его. Или охранять от него окружающих, тут уж как посмотреть. Бывший заключенный, которого за многочисленные преступления осудили на пожизненную каторгу, открыл в себе незаурядный магический дар, потому наказание заменили на службу в армии, тоже пожизненную.

Вот так Акрайс из разбойника, насильника и убийцы превратился в ценный военный ресурс, который следовало оберегать. Не первый раз обладателей дара избавляли от заключения, чтобы использовать в армии, только раньше Леско с ними не сталкивался. А тут его приставили к преступнику, да еще такому мерзкому и недисциплинированному. Подумать только, он прямо во время боя пытался изнасиловать девчонку вражеской армии! У Леско в голове не укладывалось, как подонку мозгов на такое хватило. Оно, конечно, дело нехитрое, у солдат часто встречались подобные прегрешения, но явно не тогда, когда следует улепетывать со всех ног.

Леско отлучился буквально на несколько минут, чтобы организовать отход, а Акрайс и второй маг, управляющий воздухом, уже нашли себе противников в виде двух хистриек. Мужчине пришлось утихомиривать обоих: воздушник чуть не забил одну девушку до смерти, а Акрайс успел забраться на вторую. Леско заставил их кинуть пленниц в телегу и сматываться прочь из проклятого леса к своим. Каждая минута промедления играла против них.

К утру они, объединившись с уцелевшими, поскакали к границе заученными тропками. Два дня пути по заброшенной, местами заболоченной местности. Лошади быстро уставали, телегу с пленницами дважды приходилось выталкивать из чавкающей, зловонной жижи. Леско ругался, на чем свет стоит, но на предложения перерезать хистрийкам глотки и бросить в болото отвечал отказом.

Он лично выводил девушек дважды в день облегчиться, подкармливал из своего пайка. Справедливо рассудив, что военнопленные могут пригодиться в виде хоть какого-то трофея после неудачной засады, Риккос Браадес, младший брат Леско, тоже урезал свой паек в пользу хистриек. Один раз светловолосая пленница попыталась сбежать во время ее похода до кустов,

но надежные путы и пара оплеух быстро ее успокоили. Для надежности Леско пригрозил, что отдаст на растерзание Акрайсу ту, что предпримет новую попытку побега. Больше проблем девушки не создавали.

Перейдя границу, солдаты перестали вздрагивать от любого шороха. Выбравшись на приличную дорогу, лошади пошли бодрее, а солдаты заметно повеселели. Они покинули вражескую страну живыми, чем не повод для радости?

Акрайс пару раз порывался заглянуть в телегу, накрытую плотной тканью, братья Браадес его отгоняли, словно надоедливую муху. Маг недовольно ворчал, хотя спорить не решался. Очень хотелось его поколотить, только вот в армии потасовки жестоко карались, а уж за причинение вреда магу можно было улететь в штрафную роту, в первые ряды пехоты на передовой. Приходилось терпеть разнузданное поведение преступника, который не распрощался, как оказалось, со своим прошлым.

Леско и Рик не обсуждали, как поступить с пленницами, потому старший Браадес удивился, когда его брат по прибытии в лагерь вызвался допросить их. Командир хмурился, изучал дело солдата, отчеты, а потом, переговорив с ним наедине, дал добро. Леско попытался выпросить, чего это он придумал, но Риккос шикнул на него, странно посмотрев на темно-волосую девушку в синем мундире, которую первой вели в подвал с камерами. Обычно туда сажали провинившихся солдат до суда, а теперь расположили двух врагов. Хорошо, приставили охрану, иначе желающих поквитаться самыми жестокими способами с представителями Хистрии выстроилась бы очередь – лагробцы слишком много близких потеряли на войне.

Спустившись в подвал, Леско понял, что чувства взаимны. Он достаточно хорошо знал хистрийский язык, чтобы понять, какими словами о Лагробе отзывалась одна из девиц. Мужчина двинул кулаком по массивной двери с зарешеченным окошком. Пленница тут же заткнулась. Их посадили в разных концах недлинного коридора, чтобы они не сумели тихо переговариваться. Ближе сидела темноволосая лучница, знающая много ругательств, дальше – светловолосая мечница в одной рубаше. Когда ее поймали, вместо синей верхней одежды она носила странную черную кольчугу, которую с трудом у нее отобрали, оставив несколько свежих синяков поверх заживающих. Хистрийки совершенно не походили друг на друга: одна – ладная, стройная, с нежными чертами лица, тревожно хлопала глазами, когда к ней обращались, вторая – плоская, жилистая, острая, как меч, от ее взгляда исподлобья мурашки бежали по спине.

Акрайс Вакерс теперь постоянно бродил вокруг землянки с тюремным подвалом, упрямившая охрану пустить его хоть на полчаса порезвиться с пленницами. Обещал, что он из них за это все данные выбьет. Ни охранники, ни командир не согласились, оттого преступник стал еще невыносимее, чем обычно.

Вечером Рик, вернувшись от командира, оборудовал в канцелярии, где обитал, некоторое подобие порядка, после чего они с Леско пошли к пленницам. Леско гордился младшим братом: несмотря на любовь к чтению и службу в канцелярии, Риккос не избегал сражений, всегда подставлял плечо. Надежный друг, храбрый солдат, он не останавливался на достигнутом. Сейчас, похоже, он желал отличиться ради повышения. Леско не доставало прилежности, чтобы шагать по карьерной лестнице, потому он, хотя обладал авторитетом среди сослуживцев, до сих пор не получил даже должности взводного.

Из-за высокого роста братьям пришлось опустить головы при спуске в подвал. Оба широкоплечие, еле помещались в узком коридорчике. Леско вышел вперед, громко поинтересовался по-хистрийски:

– Ну что, птички, кто готов запеть?

За ближней дверью послышалось шевеление, возле окошка показались большие темно-синие глаза. Девушка хмурилась, переводя взгляд с одного брата на другого. Леско запоздало

понял, что она впервые услышала хистрийскую речь от лагробских солдат. Она помедлила и произнесла:

– Согласно международному пакту, я прошу связаться с правительством Хистрии для обмена военнопленными.

– Сначала мы хотели бы получить несколько ответов, – Леско нагнулся, чтобы разглядеть ее получше. Ее лицо показалось отдаленно знакомым, отчего мужчина нахмурился. – Как вас обеих зовут?

Лучница нервно облизала губы:

– Меня зовут Эсма Эстин. А ее – Ирсора.

– Что ж, Эсма, – Леско прочистил горло и продолжил громче, чтобы мечница в дальней камере тоже слышала. – Кто будет готов к сотрудничеству, получит дополнительный паек, теплое одеяло и возвращение домой через обмен.

– Предлагаешь мне предать родину? – Эсма фыркнула. – Нет, спасибо. Лучше померзну. Думаю, ждать, когда войска Хистрии дойдут сюда и освободят меня, недолго.

– Ирсора, а что насчет тебя?

– Я не хочу возвращаться в Хистрию.

Ответ мечницы сбил Леско с толку. Он решил, что неправильно понял, вопросительно посмотрел на брата, тот пожал плечами. Браадесы решили начать с Ирсоры. Раз она не горит желанием вернуться, то вряд ли у нее есть весомые причины отказаться от сотрудничества.

– Значит, ты правда пыталась сбежать? – упавшим голосом спросила Эсма, пока Рик ковырялся ключом в замке камеры.

– Это было вопросом времени, – буркнула Ирсора, откидывая с плеча грязную, растрепавшуюся косу.

Голова, столько дней не выдавшая мытья, сильно зудела, девушка переживала, как бы не завелись вши. Даже во время набегов в Мьерне она следила за собой, не позволяла паразитам на нее покушаться. В конце концов, не пристало дочери ярла чесаться на людях.

Крупный мужчина, что открыл камеру, заковал ей цепью руки и ноги, завязал глаза. Оковы не столько тяготили, сколько мешали сделать большой шаг или широко развести руки. Ирсора хмыкнула, оценивая изобретательность лагробских военных. По дороге сюда она попыталась сбежать, увидев возможность, за что жестоко поплатилась и, возможно, платит до сих пор, вслепую шагая рядом с похожими друг на друга, как братья, здоровяками в черных шерстяных куртках с красными погонами. Идти в цепях с завязанными глазами Ирсоре не понравилось, она пару раз чуть не упала, пока не привыкла делать короткие шаги, вдобавок, пришлось выставить руки вперед, чтобы ни во что не врезаться. Один из лагробцев вел ее, держа за плечо, а другой, судя по звукам, шагал позади.

Повязку ей сняли только в помещении. Ирсора села на предложенный стул в центре, а один из лагробцев занял место за столом напротив. Позади нее закрылась дверь, щелкнул замок. Помимо стола и стульев, здесь стояли полки с книгами, стопками документов, свернутыми в трубочку листами. Позади лагробца находилось окно, закрытое деревянными ставнями, через щели которых проникал серый сумеречный свет. Слева – еще одна дверь, тоже закрытая.

– Итак, Ирсора, – солдат зажег свечу на столе, окрашивая пахнущее бумагой и пылью помещение в теплые цвета. – Меня зовут Риккос Браадес. Как ты уже поняла, ты в Лагробе в плену. Готова к сотрудничеству?

Ирс пожала плечами, глядя в пол. Чувствовалось, что Риккос хорошо знал хистрийский, но произношение у него сильно хромало. Приходилось вслушиваться, чтобы разобрать. Она посмотрела на скованные руки:

– Что будет, если я расскажу все, что знаю?

– Тебе уже говорили: тепло, еда, безопасность и обмен.

– Мне не нужен никакой обмен. Я не собираюсь возвращаться в Хистрию.

– Ты разве не оттуда?

Ирсора поморщилась, убрала с глаз грязные пряди, выбившиеся из косы. Она никогда не допрашивала пленных, не видела, чтобы их допрашивал кто-то другой. В Мьерне войны между племенами велись просто: проиграл тот, кого победили. Судьбу проигравших решал предводитель победителей. Чаще всего он приказывал сжечь поселение, продать противников в рабство или убить. Игреду Полумесяцу не требовалось что-либо выспрашивать у пленников. Он просто собирал своих людей и атаковал врагов. Или, в редких случаях, командовал обороной при нападении тех, кто считал себя слишком смелым. А потом уже убивал выживших или клеймил как рабов.

– Я не оттуда, – Ирс помолчала. – Мне нужно в Мьерн.

– Подумаю, что мы можем для тебя сделать, – ответил Риккос, удивительно мягко для такого могучего телосложения.

Ирсора, уже знавшая силу лагробцев, ожидала, что ее будут избивать, а не уговаривать. Дружелюбие собеседника заставило напрячься.

– Мне нужны гарантии, что я попаду домой, – уперто произнесла она.

– А мне нужны гарантии, что ты будешь нам полезна.

– Что ты хочешь знать? – воительница вздохнула, чувствуя, как захлопывается очередная ловушка, из которой будет сложно выбраться.

Она уже не раз ругала себя за несвоевременный побег. Надо было выждать, достать доказательства, как она хотела. Но время неизбежно утекало, а ей требовалось вернуться как можно скорее, предупредить своих, дать время на подготовку. А с каждым днем она все меньше хотела возвращаться в Мьерн, все больше размышляла о предложении Бестона, о жизни в Хистрии. Желание остаться в чужой стране, отринув долг и племя, пугало Ирсору. Чем дольше она сомневалась, тем меньше становилась вероятность, что она сбежит. Потому в суматохе сражения Ирс решила уйти, пусть тяжесть на сердце из-за оставленных в бою товарищей давила на грудь.

Теперь она застряла в еще более чуждой стране, чьего языка и обычаев не знает, рядом нет Калеба, чтобы объяснить, направил. Она даже себе не желала признаваться, насколько полагается на своего раба. Больше не раба, как он говорил. О том, что не удалось забрать его с собой, она жалела больше всего. Может, вместе они не оказались бы в столь дурацком положении.

– Давно ты в Хистрии? – вырвал из мыслей лагробец.

Ирсора нахмурилась, вспоминая. Столько всего произошло, что она потеряла счет времени.

– Не знаю. Может быть, пару месяцев.

– И уже записалась в их армию? – в голосе прозвучала еле уловимая издевка. Девушка уловила смысл сказанного больше по интонации.

– Так сложились обстоятельства.

– Ты знаешь что-то о распределении их войск?

– Нет.

– О численности гарнизонов?

– Нет.

– О планах вторжения?

– Нет.

С каждым вопросом Ирс чувствовала себя все гаже: она не знала ответов на его вопросы, да еще не всегда понимала их смысл. Теперь девушка до конца уверилась, что поспешила с побегом. Она должна была все изучить, понять, как армия будет действовать в Мьерне, только тогда отправляться в опасное путешествие за море. Сейчас она бесполезна не только для сидящего напротив лагробца, но и для своего народа. Спустя десяток вопросов Риккос устало вытер лицо:

– Я ничем не смогу тебе помочь. Я бы рад, учитывая, что ты не хистрийка. Но мне нужно что-то взамен, – он поджал губы, размышляя. – А твоя сослуживица? Она давно служит в армии?

– Года два, – Ирсора наморщила лоб. – Или полтора.

– Наверняка знает больше тебя. Как я могу разговорить ее? Поможешь в этом – наш уговор останется в силе. Нет – извини. Как это по-хистрийски... нам придется распрощаться.

В камере Эсма встретила ее хмурым молчанием. Ирсора ждала, когда любопытство лучницы победит неприязнь. Ее хватило примерно на четверть часа.

– Что он спрашивал? – поинтересовалась хистрийка с показным равнодушием.

– Он задавал много вопросов.

– Например?

Ирсора припомнила несколько, озвучила, после чего добавила:

– Ты знаешь что-то из этого?

– Если б даже знала, то не рассказала бы. Вот увидишь, нас наверняка ищут.

– Ты предлагаешь сидеть и ждать? Не боишься, что у лагробцев терпение раньше закончится?

– Ты предлагала сбежать. И что вышло? Тебя побили, а сейчас ты готова рассказать все секреты Хистрии! Страны, которая тебя приютила, дала цель и перспективы! – воскликнула Эсма. – Да если бы не твой дурацкий побег, мы бы не попали в лапы врагов!

– Так ты сама за мной увязалась, – поморщилась Ирс.

– Я думала, у тебя приказ их выследить, хотела подстраховать. Так поступают товарищи в цивилизованной стране!

– Твоя цивилизованная страна – одно сплошное лицемерие, – вздохнула мьернка. – Я была пленницей в Хистрии, теперь пленница в Лагробе. Для меня нет большой разницы.

– Как ты можешь так говорить? – задыхнулась от возмущения Эсма. – Лагроб – темная, отсталая страна с устаревшими обычаями. Хистрия несет людям просвещение и избавление от рабства!

– А какие полезные ресурсы есть в Лагробе?

От неожиданного вопроса Эсма запнулась.

– Древесина есть... Железная руда, драгоценные камни...

– Много?

– Если правильно помню, довольно много, особенно руды.

Ирсора засмеялась:

– Но Хистрия, конечно же, воюет с Лагробом исключительно ради отмены рабства.

– Да пошла ты!

Ирсора распустила косу, яростно почесала голову. Она не знала, как уговорить глупую лучницу, ее злила собственная беспомощность, раздражал зуд по всему телу. Она долго не могла уснуть, размышляя о ситуации, в которой оказалась. Судя по звукам, Эсма тоже не спала и тоже злилась.

На следующий день их не трогали. Они время от времени переговаривались, Ирсора попробовала донести до хистрийки, что им нужно действовать сообща, если они хотят выбраться из плена. Та в ответ только огрызалась.

В обед охранник принес воду и сухари, к вечеру у обеих пленниц урчали животы. Настроение от того только ухудшилось. Когда стемнело, в подвал протиснулись Риккос и его брат, которого называли Леско. Коридор наполнил аромат мыла. Ирсора прижалась к двери, вдыхая приятный запах. В камере запах отсыревшего сена и плесени перемешивался с вонью из отхожего ведра. Когда старший Браадес приблизился к ее двери, девушка нехотя отошла. Она позволила ему заковать себя, завязать глаза – смысла сопротивляться не было, он еще в дороге

доказал, насколько сильнее нее. Лагробский солдат дал понять, что причинять пленнице боль не доставляет ему удовольствия, но сдерживаться он в случае чего не станет.

Леско шепотом приказал ей молчать и вывел на свежий воздух. Позади слышался тихий звон цепей Эсмы. Сердце в груди забилося напуганной птицей. Их вели не туда, где Ирсору допрашивали, а куда-то в другое место. Лагерь затих, скорее всего, уже давно скомандовали отбой, что нервировало еще сильнее. Куда их ведут поздним вечером два солдата вражеской армии? Ирсора вспомнила мерзкого военного, который пытался изнасиловать Эсму, по спине пробежал холодок. Живой она им не дастся, что бы ни случилось.

– Только тихо, – услышала она над ухом шепот Леско.

Скрипнула дверь, он придержал Ирс, когда нога зацепилась о порог. Они вчетвером зашли в теплое помещение, пахнущее паром, влажным деревом и мылом. Ирс боялась шелохнуться, пока с нее снимали оковы. Когда с глаз убрали повязку, девушка проморгалась и огляделась. Они вчетвером стояли в просторном тускло освещенном предбаннике. Риккос закрыл дверь изнутри и, обреченно качая головой, произнес:

– Если нас поймают, плохо будет всем. Так что ведите себя тихо. Не кричать, не пищать, не плескаться, вы поняли?

Девушки медленно кивнули.

– И чтоб быстро. Зашли – вышли. Вот переодеться, – он сунул в руки растерянной Ирс сложенную одежду. – И вот еще, больше взять не смог, – он поймал руку Эсмы, вложил ей в ладонь два маленьких кусочка мыла, после чего отвел взгляд. – Надеюсь, мне не нужно объяснять солдатам, что значит быстро приводить себя в порядок. Я постучу, если задержитесь.

Он открыл вторую дверь, девушки прошмыгнули внутрь. Теплый влажный воздух приятно щекотал кожу. Вода в бадьях остыла, но ни Ирс, ни Эсма не жаловались. Оставшись вдвоем, они скинули с себя засаленную, пропахшую потом и дымом хистрийскую форму, принялись намываться, ногтями соскребая с себя грязь. В полумраке двух блеклых магических фонариков, установленных под потолком, Эсма задержала взгляд на теле Ирсоры. Мьернка казалась высеченной из камня – твердая, угловатая, без единой округлости, словно кожа натянута сразу на мышцы. Увидев застарелые, побелевшие шрамы, лучница смущенно отвернулась и поймала себя на мысли, что ничего не знает о прошлом сослуживицы. Может, у нее действительно есть веские причины вернуться домой. Может, не стоит Эсме срываться на ней только потому, что ее холодные серые глаза пугают лучницу.

Они успели прополоскать форму, натянуть выданную чистую одежду, прежде чем Риккос дважды постучал. В предбанник вышли две посвежевшие, улыбающиеся девушки с мокрыми волосами. У Эсмы в груди затрепетало от того, как на них посмотрели мужчины. Она сама ощущала разницу, не только внешне, но и внутренне. Лучница на короткий миг почувствовала себя счастливой. Осознание того, что она в черных рубахе и штанах лагробской формы, которые ей сильно велики, что она все еще находится в плену, пришло через несколько мгновений, со звуками урчащего живота и щелчка оков на запястьях.

Риккос завязал Эсме глаза. Ей показалось, что на этот раз он стоял ближе, чем раньше, и ужаснулась тому, как, должно быть, от нее воняло до помывки. Пусть он враг, ей все равно стало стыдно. Влекомая его сильной рукой, надежно обхватившей плечо, девушка вернулась в тюремную камеру.

– Ирсора, – позвала лучница, когда лагробцы ушли. – Извини. Возможно, я не права в своих суждениях. Я хочу тебе помочь, но предавать родину не стану.

– Тогда мы либо придумаем третий вариант для нашего освобождения...

– Либо?

– Либо будем каждая сама по себе.

На следующий день вся радость от водных процедур улетучилась – на завтрак охранник принес только воду. Эсма потеряла счет времени, а по солнцу из-за пасмурной погоды

за зарешеченным окном ориентироваться не могла, оттого казалось, что на допрос ее повели спустя много часов, хотя могло статься, что время еще не дошло до полудня. Очутившись в кабинете Риккоса, про который ей рассказывала Ирсора, лучница шумно втянула воздух. Рот наполнился слюной от запаха жареного мяса и свежее испеченного хлеба. Леско снял с ее глаз повязку и вышел. За столом сидел Риккос. Перед ним стояли миска супа, тарелка с кровяными колбасками, ломоть белого хлеба, рядом дымился ароматный чай в глиняной чашке. Он проследил за ее взглядом, придвинул суп с ложкой:

– Урезать пленным паек – не моя идея. Ешь.

Она медленно села, недоверчиво посмотрела в миску. Риккос закатил глаза, встал, обошел стол, склонился у ее плеча. Она ощутила еле заметный запах дыма от его шерстяного мундира, будто недавно он стоял возле костра. Девушке хотелось отстраниться, но она не пошевелилась, наблюдая, как он отправил себе в рот ложку супа из ее миски. Демонстративно проглотил, вернулся на свое место:

– Видишь? Не отравлено. Ешь.

Эсма, не в силах больше сдерживаться, набросилась на еду. Внутри разлилась приятная теплота. Он отломил ей хлеба, она обмакнула остатки супа, отправила в рот. Не будь перед ней лагробца, наверное, вылизала бы тарелку языком, настолько хотела есть и настолько жидкое солдатское блюдо показалось ей вкусным. Закончив с пищей, она подняла взгляд на Риккоса:

– Не боишься так близко приближаться к врагу?

– К тебе – нет. К Ироре не рискнул бы. А ты... – он пошевелил губами, вспоминая слово, – цивилизованная.

– Если думал задобрить едой, не получится. Я все равно ничего не скажу, хоть с голоду помирать буду. Хоть пытаться будете.

– Конечно-конечно, – серьезно покивал лагробец, а Эсма поджала губы, увидев, как он насмешливо косится на пустую миску из-под супа. – Я не собираюсь тебя пытать. Я хочу диалога. Понимания.

– Я слышала, вы пытаете военнопленных.

– Я первый раз вижу военнопленного. И совру, если скажу, что мне не нравится вид.

Эсма, собравшаяся выдать гневную тираду, запнулась, недовольно нахмурилась. Риккос, возвышавшийся горой, еле заметно улыбнулся.

– Да ты издеваешься надо мной, – прошептала она. – Можешь отправлять меня обратно в камеру.

– Сначала чаю попей, – он перегнулся через стол и поставил перед ней кружку. – Пей.

Эсма подняла закованные цепью руки, обхватила ладонями глиняный сосуд, сделала глоток. Тепло новой волной пробежалось по внутренностям. Чай имел насыщенный травяной вкус, приятно расслаблял напряженное тело.

– Ты же знаешь, что это Хистрия напала на Лагроб, верно? – поднял бровь Риккос.

Крупный черноволосый мужчина с темным взглядом являлся олицетворением Лагроба с консервативными законами и тяжеловесным языком. Только насмешливые реплики, смущение и сдержанная забота мешали Эсме воспринимать его как врага. Враги нападают, убивают, пытают. А Риккос – подливает вкусный чай, под страхом наказания водит ее под покровом ночи помыться. Теперь еще вспоминает, с чего началась война.

– Да, знаю. Король Вильяс Третий требовал у вашего правителя отказаться от рабства, как от изжившего себя символа старого мира. Он требовал освободить своих граждан, получил отказ и перешел от слов к действию. Насколько мне известно, хистрийцев до сих пор не освободили.

Риккос слушал ее с еле заметной, сдержанной улыбкой, после чего спросил:

– Ты потому служишь в армии? Чтобы вызволить сограждан?

– Я... – Эсма замешкалась. – Какая тебе разница?

– Мне интересна твоя... цель. Хочу понять, за что сражаются хистрийцы. Потому напросился на допрос – чтобы получить возможность узнать тебя получше. Не тешу себя надеждой, что ты мне что-то расскажешь. Хотя, конечно, если расскажешь, то очень меня выручишь.

– Не заговаривай мне зубы, – фыркнула лучница. – Не буду я тебе ничего рассказывать. И понимать тебе меня не следует! Мы – враги.

– Может, у нас гораздо больше общего, чем ты думаешь, – произнес Риккос с непонятной тоской в голосе, беря со стола повязку для глаз.

Эсма злилась на себя, на мерзкого лагробца, который заставил ее сомневаться. И на Ирсору, которая занималась тем же. И на капитана Бестона, который ввязался в политические игры, из-за чего попал в немилость. Ведь потому во время засады отряд шел к границе. Умерь капитан свои амбиции, подчиненные спокойно отправились бы в тыл, как люди Мешади. Лучница бросила хмурый взгляд на Риккоса, когда он снимал с нее оковы в камере, после чего отвернулась к стене, демонстрируя нежелание говорить. Лишь услышала, как он закрыл ее камеру.

Тянулись дни, похожие друг на друга. Унылое пребывание в камере разбавляли прогулки в кабинет Риккоса, где он поил чаем и задавал вопросы, получая в ответ молчание. Иногда он приносил девушкам дополнительный паек добавок к воде с сухарями. Первое время Эсма гордо отказывалась от подачек, игнорируя бурчащий живот. Каждый раз лагробец с присущим ему спокойствием кивал на миску в своих руках и без нажима говорил:

– Ешь.

И Эсма ела, словно простое слово с лагробским акцентом заглушало мерзкий шепоток разума, бормочущий о предательстве родины. Беря из рук Браадеса ломоть свежего хлеба или тарелку с кашей, она уговаривала себя, что делает это исключительно ради выживания. Ей нужны силы, чтобы продержаться до прихода хистрийской армии.

Ирсора не страдала внутренними противоречиями, потому охотно поглощала любую принесенную пищу. С каждым днем она становилась все более задумчивой и молчаливой. Эсма подозревала, что отчасти виновата в состоянии мьернки, ведь только она могла дать какую-то информацию и тем самым заставить лагробцев вернуть Ирсору домой. В отличие от Эсмы, которая уже выучила путь до кабинета Риккоса по количеству шагов, воительницу редко забирали на допросы. Из раза в раз она возвращалась темнее тучи. Она отказывалась говорить, в чем причина, а хистрийка не настаивала.

Братья снова рискнули собой, отведя пленниц ночью в баню. Девушки получили по заветному кусочку мыла, освежились, постирали вещи, после чего Ирсора буркнула что-то на смеси хистрийского и мьернского, а Эсма громким шепотом выдохнула «спасибо». Риккос задержал на ней взгляд дольше, чем требовалось, чтобы надеть оковы.

На следующий день никто не пришел. Приподнятое настроение улетучилось. Эсма за время службы в магическом отряде, привыкла к простейшим удобствам в виде питания и теплой постели. Отряд редко задерживался на границе, обычно их использовали для точечных атак или диверсий. Выполнив задание, солдаты отбывали на несколько дней отдыхать в город или военную часть. Бывало, на дорогу они тратили времени больше, чем находились «в поле». Такой кочевой образ жизни мешал видиться с семьей, зато привносил разнообразие и безопасность. Хотя по поводу безопасности Эсма бы сейчас поспорила.

Тишину подвала нарушил тихий стук открывшейся двери. Лучница выглянула в зарешеченное окошко и тут же отпрянула – перед камерой стоял не Риккос. В тусклом свете она разглядела копну сальных волос, тонкий шрам под глазом. Ростом лагробец был ниже братьев Браадес, уже в плечах, но выглядел гораздо опаснее. Внутри шевельнулось неприятное воспоминание, а когда он произнес несколько хриплых, резких фраз, у Эсмы внутри все оборвалось. Ноги подкосились, она осела на топчан.

Ирсора услышала незнакомый мужской голос, прижалась щекой к решетке, стараясь рассмотреть человека в черной с красными погонами форме. Он что-то бормотал, заглядывая в окошки, потом открыл камеру Эсмы и шагнул внутрь. Девушка закричала. Ее оборвал звук удара, послышался шум борьбы.

– Отстань от нее, ублюдок! – крикнула Ирс, молотя по дереву.

Она не видела, что происходит в камере, но по возне и грязным, липким интонациям лагробца все понимала. Послышался еще один гулкий удар, Эсма заплакала. Сквозь слезы она молила противника ее не трогать. Потом удар, звонкая пощечина, ее крик.

– Отпусти ее, слышишь?! – взвизгнула мьернка. – Иди сюда, тварь!

Она яростно кидалась на дверь, молотила ногами и кулаками, кричала, билась плечом. Дерево с тяжелым замком не поддавалось, а в другом конце коридора звучал издевательский смех. Он будил в девушке ярость, она была с новой силой. Пусть между ней и Эсмой существовала неприязнь, они воевали вместе, убивали врагов, делили тяготы плена. Ирс никому не позволит надругаться над хистрийской.

– Эсма! – услышала лучница голос Ирсоры.

Та бешено колотила по двери. Если бы ее камера сейчас открылась, она бы наверняка убила лагробца голыми руками. Если бы...

Эсма вывернулась, укусила обидчика. Брызнула кровь, он злобно скривился, размахнулся для нового удара. Девушка из последних сил пнула его и рванула к двери, которую он опрометчиво оставил открытой. Уже в коридоре она затормозила, решаясь покинуть подвал. Тут сзади ее схватили большие руки за воротник изорванной рубахи. Лагробец с силой ударил ее лицом об стену, белая вспышка боли ослепила Эсму. Кровь из разбитого носа залила губы и подбородок, голова загудела. Он отволок ее обратно, прижал к топчану, рывком стянул с нее штаны. Его зловонное дыхание обожгло ей щеку. То, что произошло в лесу после засады, повторялось. Та же беспомощность, тот же враг, упивающийся ее ужасом, только тогда его остановили, а в этот раз – некому.

Она ощутила кожей его плоть и завизжала что есть мочи, заглушая грохот в коридоре, крики Ирсоры, его ругательства, собственные рыдания. Обездвиженная, избитая, раздетая, она не замолчала, даже когда почувствовала, что его огромные ручищи больше не сжимают ее тело. Он перестал вжимать ее в топчан своим весом, и девушка, не имея опоры, сползла на холодный пол. Она затихла, наблюдая, как крупная фигура в черной форме прижала к стене лагробца со шрамом, а могучие кулаки наносят удар за ударом по окровавленному лицу. Камеру наполнил отвратительный хруст ломаемых костей. Ее обидчик что-то гневно кричал разбитым ртом с выбитыми зубами и получал новую порцию ударов. Эсма растерянно наблюдала, как фигура утащила лагробца из подвала. Дверь осталась открытой, но девушка не могла даже пошевелиться. Человек, который преследовал ее в кошмарах после той ночи, снова покусился на ее тело, как на кусок мяса, вырванный из рук перед укусом. Она представила, что произошло бы, будь у него еще хоть несколько мгновений, и ее вырвало. Ей следовало встать, надеть штаны, прикрыть оголенную грудь, только сил хватало лишь чтобы смотреть в одну точку. Весь мир подернулся серой дымкой. Словно издали девушка услышала голос Ирсоры:

– Эсма? Ты меня слышишь? Эсма!

Она продолжала бить по двери, хоть и не так яростно – силы мьернки были на исходе. Эсма разлепила покрытые коркой губы, пролепетала благодарность. Будто со стороны, она видела, как в подвал вернулся Риккос с распухшими, кровоточащими костяшками на кулаках. Сквозь плену боли она почувствовала, что он закутал ее в свой шерстяной мундир, поднял на руки, покинул вместе с ней подвал. Некоторое время прохладный ветерок обдувал лицо, она слышала чужую речь вдалеке, потом опять двери, спертый воздух, запах бумаги и жженого воска. Кабинет Риккоса.

Он отпер вторую дверь. Эсме всегда было интересно, что там. Только не в таких обстоятельствах она желала это выяснить. В маленькой комнатухе стояли кровать, сундук и полка. Риккос бережно уложил девушку на покрывало. Она не сразу осознала, что он с ней говорит:

– ...безопасно.

Девушка нахмурилась, шевельнула губами, не в силах выдать слова. Он поправил мундир на ее обнаженном теле, терпеливо повторил:

– Ты больше не вернешься в камеру. Здесь тебе будет безопасно.

Эсма вцепилась в него, уткнулась в широкую грудь и беззвучно зарыдала.

В подвале стояла тишина. Ирсора с бешено колотящимся сердцем и разбитыми в кровь кулаками медленно выдохнула. Она не доверяла лагробцам, в том числе Риккосу, хотя верила, что сегодня хистрийке больше ничего не грозит. Вряд ли кто-то продолжит над ней издеваться после такого.

Ирс облокотилась спиной о дверь, без сил опустилась на холодный каменный пол. Позади что-то хрустнуло. Она обернулась и замерла. Дверь еле заметно накренилась. Девушка, опираясь на колено, встала, ухватила за решетку, подтянулась, заглянула вниз через окошко. Замок еле держался – гвозди в старом дереве почти вылезли наружу. Ирсора с замиранием сердца пошевелила дверь, с опаской осмотрела, насколько хватало обзора, коридор. Похоже, происшествие настолько всех переполошило, что про мьернку на время забыли. Она взялась расшатывать дверь, удивляясь приливу сил.

Грохот упавшего замка на мгновение оглушил. Не теряя времени, девушка выскользнула из камеры. Она прокралась по коридору, выглянула наружу через замочную скважину. Не увидев и не услышав охранников, она приоткрыла дверь. В висках стучала кровь, руки дрожали. В голове мелькнула сумасшедшая идея забрать кольчугу, но Ирс тут же отменила ее. Воительница понятия не имела, где хранят артефакт, о котором каждый раз спрашивали. Условие разговора Эсму в обмен на свободу поменяли, и вопросы касались только кольчуги. Из раза в раз, то упрашивая, то угрожая, Риккос пытался выяснить хоть что-то о мьернской вещице. Девушка стойчески хранила секреты медвежьего племени, даже когда угрозы ее пугали, а огромный кулак лагробца больно бил по ребрам. Судя по вопросам, лагробцы выяснили, что от магии кольчуга бережет лучше их доспехов, но понятия не имели, как нанести зачарование. В других обстоятельствах Ирс не стала бы рисковать и искала бы артефакт, но времени оставалось мало, а враги позаботились, чтобы пленницы абсолютно не ориентировались в лагере.

Ирсора, прячась в тени, перебегала от здания к зданию. Судя по погоде, через неделю-другую должны ударить морозы. В тонкой рубахе все тело покрылось мурашками, а руки задеревенели. Превозмогая холод с усталостью, девушка направилась туда, где меньше света. Она надеялась, что ее исчезновение заметят не сразу, что будет время уйти как можно дальше под покровом ночи.

Позади кто-то закричал, лагерь тут же оживился. Ирсора с ужасом увидела, как из домов и землянок высыпали лагробцы. Загорелись фонари, солдаты загомонили. Мьернка, пользуясь неразберихой, припустила прочь в темноту. Ноги слушались плохо, каждый вдох холодного воздуха отдавался болью в груди. Граница темноты приближалась слишком медленно, за спиной кричали солдаты, глаза слезились от ветра. У нее только один шанс на спасение, и он перед ней. Нужно бежать быстрее, сделать еще усилие.

Мощный поток воздуха ударил в спину и сбил Ирсору с ног. Она проехала по земле, лихорадочно вдохнула. От жесткого приземления растерялись остатки сил. Девушка заставила себя подняться на локтях, но тут ей на спину опустился тяжелый сапог.

Вокруг поверженной мьернки образовался круг из солдат. Леско протолкнулся в первый ряд, посмотрел на испачканную в крови и грязи девушку, покачал головой. Ну и вечер. Как только прибыли маги, все пошло наперекосяк. Сначала Акрайс решил проверить границы дозволенного и с тяжелой руки Рика отправился к лекарям. Неясно пока, к каким последствиям

это приведет брата. Теперь вот побег. Знал бы Леско, как они намучаются с пленницами, отказался бы от затеи привезти в лагерь захваченных хистрийских солдат.

– Что делать с ней будем? – лениво протянул маг воздуха, вдавливая Ирсору в землю.

– Она дикая и бесполезная, – пожал плечами командир. Он подоспел одним из первых, теперь рассматривал пленницу с задумчивым равнодушием. – Леско, закрой ее так, чтобы она больше не сбежала. Она ведь не из Хистрии?

– Так точно, – кивнул Браадес-старший.

– Утром приедет обоз. Вместе с ним отвезешь ее в город.

– В город, сэр? – не понял Леско.

– Да. Сильно не торгуйся. Я напишу список, что купить на вырученные деньги.

– Простите, сэр, я не понимаю.

Командир скривился:

– Что непонятного? Продашь ее в торговый дом. Так она перестанет быть нашей проблемой. Думаю, ей пойдет рабское клеймо.

Глава 6

Кaleb, прихрамывая, шел по коридору казармы. Сильно болело плечо, внутри кололо ярость. Местный офицер на тренировке поставил его против Бэша Роака, этого девятипалого подхалима. Будучи умелым бойцом, Бэш сначала разозлил молодого мага репликами об Ирсоры и отряде, а потом как следует отходил его тупым мечом. На руке и ноге остались опухшие фиолетовые следы, которые не скоро пройдут. В лазарет обращаться Кaleb не стал, лучше по-тихому поймают перед отбоем Мелоди, попросит подлатать. Местные целители, как и все окружающие, насмехались над отрядом Бестона, втапывая в грязь подчиненных опального командира.

За месяц, проведенный в военной части Каюна под постоянным надзором, каждый из отряда столкнулся с допросами, давлением и издевательствами. Самого командира военная полиция держала под арестом на время расследования. Чего ему только ни приписывали: от nepозволительной халатности до госизмены. Каждый день обвинения менялись, а хитрая следовательница Кайсин применяла отвратительные уловки в попытках пробить моральную броню солдат.

Она не раз шантажировала Калеба, угрожая убить Ирсору на месте, как только они ее найдут, если маг не расскажет что-нибудь, порочащее Бестона. Следователей уже не интересовали пропавшие девушки, они сконцентрировались на прегрешениях капитана.

В какой-то степени бывшему рабу пребывание под гнетом военной полиции далось легче, чем большинству солдат – у него не было семьи, которой можно шантажировать. Хуже всех пришлось Агнию. Никто не знал, что ему наговорила Кайсин, но близнец, потерявший сестру, вернулся в часть бледным и молчаливым. Первое время он срывался на всех, к нему боялись подойти, потом замкнулся, подолгу сидел на стуле, уставившись в стену. Рииса каждый раз возвращалась от следовательницы с красными от слез глазами, а на все вопросы отмахивалась. Она вздрагивала от каждого шороха, часто хлюпала носом. В другое время отряд скорее всего сплотился для поддержки младшей магички, только сейчас каждого прибило так же, как ее. Солдаты постарше ходили задумчивые, а молодые сбивались в кучки и шепотом обсуждали визиты к Кайсин и Вэлу. На каждого у следователей имелось досье. Они всегда били по самому больному, точно в цель.

Весь месяц изможденных солдат нещадно гоняли на тренировках, мучая физически и морально. Они настолько устали от волнений, что больше походили на восставших из могил мертвецов, как назвала их Мелоди. Кaleb тогда побоялся спрашивать, откуда она знает, как выглядят восставшие из могил мертвецы. Целительнице тоже приходилось несладко: большую часть времени она проводила в лазарете, огрызаясь на насмешки. Вдобавок, ее, как приближенную Бестона, допрашивали больше всех. Ее освободили от тренировок, но постоянно отправляли куда-нибудь с поручениями, из-за чего приходилось очень много ходить. От боли в искалеченной ноге Мелоди прикусывала рукав, чтобы не закричать.

Несмотря на все мучения, никто из отряда не согласился свидетельствовать против капитана. Среди солдат Мешади таковых нашлось всего двое. Один из них, конечно, Бэш Роак – скользкий, хитрый тип, который мог играть роль добродушного общительного парня, когда было выгодно. Именно с него начались обвинения Ирсоры, а позже – Эсмы и Бестона. Кaleb не скрывал неприязни к нему, Бэш в долгу не оставался. Как итог – хромота, боль и жгучая злоба.

– Кaleb? – Рииса удивленно вскинула брови, увидев товарища. – Кто тебя так?

Юноша махнул рукой в перчатке, отвернулся. Смотреть в ее красные глаза невыносимо. Он хотел бы ее подбодрить, только сил хватало лишь доковылять до кровати и вопреки уставу повалиться на ровно заправленное покрывало.

– Тяжелый денек? – невесело ухмыльнулся Джон, сидящий на полу, привалившись к стене. У него под глазом расцвел фиолетовым крупный синяк.

– Я хотел его поджарить, – прорычал в подушку Кaleb. – Гад дюже верткий.

– А, ты про Роака, – рассмеялся огненный маг. – Его натаскивали на бой против магов. Попроси Агния с ним разобраться. Он ни одного боя не проиграл.

– Я его боюсь.

Агний после потери сестры и нескольких допросов отстранился от всех, мало говорил, избегал общества. Зато на тренировках даже без магии огня всем давал жару. Холодный, расчетливый, близнец бил точно в цель, не жалея противников. Те, кто вставал против него в бою, нередко отправлялись к целителям со сломанными руками, ранами на теле, разбитыми головами. Тренировочный меч ему заменили на палку, и даже тогда он умудрялся наносить тяжелые увечья. Взгляд его при этом оставался пустым, будто всю жизнь вытащили, оставив только боль и злость. Рииса как-то раз попробовала поговорить с ним, так Агний довел ее до слез парой слов. Девушке пришлось нелегко – она сильно привязалась к близнецам, а теперь после смерти Игнис потеряла связь с Агнием.

– Слышал новость? Завтра суд, – протянул Фирс.

– Завтра? – Кaleb подскочил. – Почему так поздно сообщили?

– Потому что нас там никто не ждет, – пожал плечами маг. – Мне пришлось кое-кого прижать к стенке, чтобы выяснить дату.

– Но мы должны прийти! Выступить в его защиту.

– Нас никто не выпустит из части, – протянула подкрававшаяся Рииса.

– Ты тоже знала? – закатил глаза Дервин. – Я один в неведении?

– Знают только маги. Мы трое и Мелоди.

– А Агний?

Девушка опустила глаза и поджала губы.

– Понятно, – скривился бывший раб. – Как только он лишился магии, его тут же вычеркнули из элитного круга.

– Все не так! – воскликнула магичка. – Просто... он не предсказуем.

– Как и я?

– Без обид, Кaleb, – ответил Джон. – Если ты начнешь буянить, мы с тобой справимся. А вот с Агнием – неизвестно.

Боль и усталость отошли на второй план. Дервин сел на кровати, задумчиво потер шею.

– То есть нас будут держать под стражей, пока Бестону не вынесут приговор?

– Нас и так держат под стражей, – пожал плечами огненный маг. – Завтра нас или расформируют, или посадят вместе с капитаном.

– А есть еще варианты?

Фирс пожал плечами:

– Нам вернут капитана и отпустят восвояси. Будто ничего не случилось.

Так и произошло. Вечером следующего дня в ворота военной части вошел Карлос Бестон. Несмотря на потрепанный вид, щетину и мятую форму, он держался с привычной уверенностью. Солдаты отряда убирали плац. Увидев капитана, они застыли, не веря глазам. Побросав метлы, выстроились ровной шеренгой, игнорируя крики офицеров. Мелоди, которую, вопреки регламенту, тоже привлекли к уборке территории, отчеканила:

– Рады приветствовать, капитан Бестон! – двенадцать рук одновременно прижали кулаки к сердцу в воинском приветствии. – Какие будут указания?

Командир цепко оглядел подчиненных орлиным взглядом. Задержал взгляд на фингале Джона, на безразличном лице Агния, на заметных ссадинах мечников, нахмурился и ответил:

– Собирайтесь. Через два часа выступаем. Кернс, Дервин, идете за мной. Остальные – выполнять приказ.

– Есть! – дружно ответили солдаты и поспешили в казарму.

Местный офицер, все время стоявший поодаль со скрещенными на груди руками, недовольно сплюнул.

Кaleb старался идти ровно, чтобы со стороны не выглядело, будто он передразнивает хромоту Мелоди. Та спешно передвигала ногами, но все равно не успевала за широким шагом капитана. Он зашел в лазарет, поднялся наверх, в служебные помещения. Пропустил солдат в открытую дверь, зашел следом и закрылся изнутри. Склонил голову набок, разглядывая бывшего раба.

– На суде Бэш Роак утверждал, что Кaleb Дервин с Ирсорой вступили в сговор, чтобы дезертировать. Узнав об этом, он, уже будучи в приятельских отношениях с мьернкой, предложил ей помощь. Роак подчеркнул, что не собирался содействовать акту дезертирства, а стремился выяснить планы и не дать вам сбежать. Также он сообщил своему командиру о готовящемся преступлении. Выяснить ничего не сумел, но Ирсора пропала. Бэш Роак выразил уверенность, что она дезертировала, воспользовавшись неразберихой боя, когда наши с Мешади отряды попали в засаду. Что из этого правда, Дервин?

– Капитан, я...

– Отвечай на вопрос. Целитель Кернс, следите за его сердцебиением.

Не так Кaleb представлял себе возвращение капитана. Не прибавляли радости и белые искорки, сорвавшиеся с пальцев Мелоди. Он почувствовал, как по спине скользнула капля холодного пота. Сделав вдох, он выпалил:

– Я не знал...

– Врет, – равнодушно произнесла целительница, с укором глядя на юношу.

– Последняя попытка, Дервин, – тихо, с угрозой произнес Бестон.

– Она... она хотела сбежать, – опустив голову, заговорил Кaleb. Руки в черных перчатках непроизвольно сжались в кулаки. Слова тяжелыми каплями висли в воздухе. – Она хотела обратно в Мьерн, к медвежьему племени. Я пытался ее отговорить.

– Когда я спрашивал о ее верности, ты говорил правду?

Кaleb покосился на Мелоди, на пухлых пальцах которой все еще переливались белые искры. Он потер шею и буркнул:

– Нет.

– Избавлюсь от тебя при первой же возможности, – презрительно выплюнул командир, отчего юноша ощутил боль внутри хуже удара.

– Капитан Бестон, поймите...

– Мне не нужны люди, которым я не могу доверять, Дервин. Ты умолчал важную информацию. Из-за этого мы все пострадали, – он покосился на целительницу. – В той или иной степени твои действия сказались на всех нас.

– Такого больше не повторится, – прошептал Кaleb. Его била дрожь, он боялся посмотреть в глаза Бестону.

– Не повторится. Потому что тебя в моем отряде скоро не будет.

– Позвольте заглядеть вину, – пролепетал юноша, не узнавая свой голос.

Капитан рассмеялся. Только услышав его хриплый, озлобленный смех, Дервин осознал, что в тюрьме военной полиции Карлос Бестон немало настрадался. Выглядел он гораздо лучше, чем чувствовал себя.

– Я подумаю, стоит ли тебя оставить, если сможешь лечить. Приведи свой дар в порядок, тогда поговорим.

– Пожалуйста, только не это...

– Считай, что я приказал. А теперь пошел вон. Задание у тебя есть.

Юноша ссутулился, втянул голову в плечи и вылетел из кабинета, как только Карлос открыл дверь. Заперевшись, капитан покачал головой. Он сел на стул и жестом показал Мелоди

на кушетку. Медикам часто приходилось ночевать в лазарете, каждый старался обустроить себе место, где можно вздремнуть пару часиков. Кернс, морщась от боли, приземлилась на узкое ложе.

– Капитан, могу я задать пару вопросов?

– Меня не избивали до полусмерти, хотя попинали неплохо. Когда пришлось звать целителя из-за сломанных ребер, физические воздействия прекратились. Сейчас со мной все нормально. Только устал. Спасибо, что интересуешься.

– Вообще-то я хотела спросить, что было на суде и куда мы направляемся.

Карлос поднял голову, скривился:

– Вот так мы беспокоимся о капитане, да?

– Капитан Бестон, извините за грубость, но пока вы протирали штаны в тюрьме, нас тут гоняли и в хвост, и в гриву. Мало того, что в части отряд задолбили, так еще следователи совсем ребят запугали. Да для них Кайсин страшнее лагробцев стала! Каждому душу выковыривала. А тренировки? Я каждый вечер все силы тратила, чтобы им гематомы и вывихи лечить. Сломанные ребра? Ха! Для солдата обычное дело. Вам полезно об этом вспомнить.

– Все сказала? – с горечью произнес Карлос.

– Теперь все, – Мелоди скрестила руки на груди.

– Спасибо, что держались, – тихо произнес капитан. – Если бы хоть кто-то хоть что-то ляпнул, я бы тут не сидел.

– Не меня надо благодарить. Мой вам совет: когда мы отойдем подальше, соберите всех и выразите благодарность. Все-таки вы им должны за их страдания.

– Пусть скажут «спасибо» Дервину с подружкой, – пристыженно буркнул Карлос.

– Все игнорируют тот факт, что Эсма Эстин тоже пропала! Она-то точно не дезертир.

– Возможно, она последовала за мьернкой, а та ее убила.

– Капитан Бестон, верните себе здравомыслие. Вы с Калемом слишком жестоки.

– Он обманул и подставил меня! – взвился Бестон.

– Накажите его, – пожала плечами Мелоди. – Но не прогоняйте. У парнишки никого не осталось. Он будет вам должен, а его верность станет безоговорочной.

– Ты к нему привязалась, – Карлос усмехнулся, откинувшись на спинку стула.

– Что поделать, испытываю слабость к убогим, – легко согласилась целительница. – Расскажите уже про суд.

Карлос прикрыл глаза, вспоминая сегодняшний день. Благодаря молчанию отряда, сержанту Кайсин не удалось выстроить сильную линию обвинения. Она-то грезила взлетом по карьерной лестнице и собиралась состряпать громкое дело, уличив капитана магического отряда в госизмене, заговоре против короны и подрыве работы армии. Только все ее мечты разбились о железное молчание подчиненных Бестона. Она наверняка раньше не встречала подобной слаженности, тем более, практически никто из отряда Мешади не согласился клеветать. Не то чтобы командир им приказывал дать показания, он вообще старался держаться от дела подальше, чтобы не попасть под раздачу. Все отчеты, прошения и прочие документы Бестона оказались в порядке. Ко дню суда Кайсин сформулировала лишь обвинение в халатности, из-за которого двум солдатам удалось дезертировать во время боя. Как лагробцы сумели устроить засаду далеко от границы на постоянном маршруте хистрийских войск, мало заботило высокое командование, это тоже пытались скинуть на Бестона, но не удалось: он первым поднял вопрос о возможных шпионах, что зафиксировали в протоколе, оттого повернуть против него эту тему не удалось. Благодаря тому, что вместе с мьернкой исчезла уважаемая и верная гражданка Хистрии Эсма Эстин, даже от их дезертирства капитан отбрехался, сохранив за девушками статус «пропавшие без вести». Как только суд утвердил решение, дело Кайсин окончательно развалилось, а Карлоса Бестона освободили в зале суда. Он вновь сумел выкрутиться и получил еще одного влиятельного врага в лице следовательницы военной полиции.

– Ну дела, – покачала головой Мелоди. – Ходите по лезвию, капитан.

– Как там Агний? – оборвал дальнейшие рассуждения подчиненной Карлос. И у стен есть уши, потому не стоит говорить больше, чем известно следователю.

– Плохо, – целительница сразу погрузилась. – Он замкнулся, озлобился, вымещает боль на противниках. Физически он уже здоров, а вот что у него в голове происходит, понятия не имею. Страшно за него.

– Дам ему отпуск. Пусть увидится с семьей, нормально простится с сестрой, – Карлос помассировал виски. Голова гудела, хотелось скорее закончить этот бесконечный день. А впереди еще столько предстоит.

– Куда мы отправляемся? – подтолкнула его Кернс.

Вот же приставучая, не дает расслабиться. Карлос помолчал, собираясь с мыслями:

– Сначала неудача в Рыке. Обвиняют нас, хотя детали не раскрывают. Вроде как после ухода хистрийских войск там случился переворот, надо будет выяснить при возможности. Потом мы попали в засаду и не сумели оказать поддержку войскам на границе с Лагробом. Их здорово потрепали, виноваты мы. Стоит понимать, что нас снова наказывают. Мы отправляемся в долгое путешествие по провинциям, для начала пройдем вдоль границы со Сребанью.

– Святые, это же такая даль дальняя, – поморщилась Мелоди. – По крайней мере, там спокойно. Не похоже на наказание.

– Вы слишком долго сидели тут без новостей из мира, – невесело улыбнулся Карлос. – Поверь, наказали нас по полной.

Карлос оставил ее собираться, сам заглянул в офицерский корпус, вымылся и переоделся. На все у него ушло не более получаса. В указанное время он предстал перед подчиненными посвежевшим и взбодрившимся. По сравнению с ним остальные солдаты отряда смотрелись откровенно жалко: уставшие, измученные, напуганные. Ветераны даже после сражений так не выглядели, как сегодня.

Капитан не стал толкать речей перед строем, чтобы не становится предметом обсуждения для местных офицеров на ближайшую неделю. Его имя слишком часто посещало языки военных по самым разным причинам. Он скомандовал отправление, отряд распределился по повозкам, лошади всхрапнули и тронулись вперед, прочь из военной части, по освещенным яркими фонарями мостовым Каюна, по утоптанному тракту в накрывшую мир темным покрывалом ночь.

Потянулись однообразные дни в дороге. Карлос по совету Мелоди на первом же привале поблагодарил отряд за верность, похвалил за службу и пообещал выписать дополнительный отпуск, как только они окажутся в более-менее мирных условиях. Также он поделился соображениями по поводу происходящего в Сребани. Маленькое, но гордое королевство отказывалось присоединяться к Хистрии, уже превратившей восемь таких же по размеру стран в свои провинции. В ответ на продуктовое эмбарго Сребань взялась торговать с Лагробом, который в ответ на объявленную Хистрией войну наращивал силы и собирал союзников.

Сребань до недавнего времени не вступала в открытые конфликты с Хистрией, потому как ей нечего противопоставить мощной державе, но за то время, что отряд Бестона пребывал в воинской части Каюна, армия Сребани совершила три смелых набега на приграничные деревеньки. Так как в бою использовалась магия, туда погнали четыре магических отряда. Три из них – в качестве наказания, а четвертый случайно оказался неподалеку, и именно он принял новый удар на себя. Выжившие отступили в крепость, организовали оборону, дожидаясь подкрепления, которое не то чтобы сильно спешило. Поредевший отряд Бестона, хотя находился дальше других, прибыл первым. Капитан ругался на чем свет стоит, потом надолго засел с другими командирами за обсуждением дальнейших действий.

Кaleb прогуливался по крепостной стене, вглядываясь в далекие огоньки вражеского лагеря. Ночная тишина отличалась от дневной суеты в лучшую сторону. Несмотря на холод-

ный ветер, хотелось насладиться ей подольше, будто лишний вдох перед погружением в болото приказов и жгучего страха. Если бы ему пару лет назад кто-то рассказал, что, отправившись с наставником в Мьерн, он попадет в рабство, встретит любовь своей жизни, потеряет ее и станет солдатом, убивающим других людей, он бы не поверил. А если б поверил, сбежал бы от наставника как можно дальше, чтобы никогда не испытать и доли того, что ему выпало.

Юноша оперся руками в черных перчатках на каменную кладку в промежутке между зубцами, пригляделся, шурясь. Вдалеке послышался раскат грома. Судя по движению туч, ветер гнал грозу к крепости. Кaleb не повернул голову, услышав тяжелые, неравномерные шаги.

– Не вывались смотри, – насмешливо сказала подошедшая Мелоди.

– Я крепко держусь, – буркнул юноша.

Целительница, уловив его настроение, смягчилась, посерьезнела:

– Насколько я помню, сейчас очередь Джона стоять в дозоре. А у тебя хватает обязанностей.

– Мне кажется, этой ночью они стали дальше, – Кaleb подался вперед, выискивая ориентиры среди темных силуэтов деревьев и походных шатров противника.

– Дервин, ты меня слушаешь?

– Да, Мелоди, – он впервые взглянул на нее. Целительница опустила взгляд. – Я уже говорил тебе: это выше моих сил. Я не способен себя вылечить, не способен исправить то, что со мной сделали шаманы Мьерна. Мы пробовали с обезболивающими на полигоне, где есть все необходимое. А тут полевые условия, ты не можешь тратить на меня зелья, они будут нужнее раненым во время боя.

– А если...

– Сама ты тоже унять мою боль не можешь, – мотнул головой Кaleb, не давая ей договорить. С каждым словом его речь становилась все ожесточеннее. – Никто не может избавить меня от нее. Я больше не могу и не хочу, Мелоди. Я устал пытаться. Если Бестон выкинет меня из отряда, так тому и быть. Я не намерен уничтожить себя ради призрачной надежды на восстановление дара.

Он с удовлетворением наблюдал замешательство целительницы. Она не ожидала такой отповеди от того, кто недавно трясся и хныкал. К его сожалению, Мелоди быстро взяла себя в руки, взглянула на сребаньский лагерь:

– Возможно, ты прав. Тебе стоит доложить капитану.

Мелоди, прихрамывая, скрылась за тяжелой дверью, отделяющей защитную стену второго яруса от башни. Кaleb сжал кулаки. И вот что она имела в виду? Сказать Бестону про отдаленную армию противника или высказать ему то, что он высказал ей? Дождавшись, пока вспышка гнева поутихнет, юноша решил остановиться на первом варианте.

Капитан внимательно выслушал предположение Калеба о том, что сребанцы, возможно, отступают.

– Если бы они отступали, Дервин, то не ставили бы лагерь, а уже свалили на свою территорию, – он поставил локти на стол, упер подбородок в сцепленные пальцы. – Завтра должны подойти основные силы, там посмотрим. Молодец, продолжай в том же духе.

Брови Калеба взметнулись вверх от удивления. Карлос Бестон его похвалил? И обошелся без едких замечаний, без намеков на его предыдущие промахи, не поинтересовался успехами с исправлением дара?

– Все для Хистрии! – отчеканил юноша, приложив кулак к груди и заметив насмешливый взгляд Бестона.

– Неплохо выучился, – кивнул тот. – Свободен, солдат.

Гроза разошлась. Кaleb поежился и взглянул на верхний ярус. Там, нахохлившись, спрятав лицо под капюшоном, стояла промокшая девушка, сменившая Джона Фирса на посту. Кaleb взбежал по ступеням наверх:

– Давай я тебя подменю. Не мокни.

На него из-под капюшона воззрились синий и зеленый глаза.

– Не волнуйся за меня. Иди в башню, – ответила Рииса.

– Я же как лучше хочу, – насупился юноша в ответ на ее резкость.

Магичка взмахнула руками, ладони засветились синим, и капли дождя перестали падать на солдат, бесшумно стекая по невидимому куполу. Кaleb присвистнул, в который раз поражаясь таланту подруги.

– Видишь? Я могу о себе позаботиться, – она передернула плечами, свечение погасло, Дервин вновь ощутил, как холодные струи стекают за шиворот.

Вспышка молнии озарила сосредоточенное лицо магички, через несколько ударов сердца по округе раскатился гром. Запах мокрого камня, переплетенный со свежестью дождя, наполнил ноздри, тело дрожало при каждом дуновении ветра.

– Извини, – вздохнул Кaleb. – Не хотел тебя оскорбить.

– Ты тоже извини, – грустно улыбнулась Рииса. – Видимо, я так себя наказываю за то, что распустила соплю в Каюне: на всех срываюсь, мокну под дождем.

Вспышка молнии, грохот. То ли поток воды стал иссякать, то ли Кaleb настолько замерз, что уже не чувствовал бьющих по телу холодных капель. В башне нужно будет как следует просушить вещи. Главное, чтобы Джон не полез помогать, а то спалит форму. Доказывай потом, что здоровяк опять не совладал с мощным даром.

– Тебе не за что себя наказывать, – заверил девушку Дервин. – Нам всем в Каюне пришлось тяжело.

– Да, но только я потеряла контроль над собой! – девушка нахмурилась, покачала головой. – Слишком много всего навалилось. Сначала мы потеряли Игнис, Сева и Кори... Эсму и Ирсору... То, что случилось с тобой и Агнием... Потом допросы... по самому больному били. Я оказалась слаба.

Несмотря на боевой опыт и выдающийся дар, Рииса предстала перед Кalebом хрупкой и беззащитной. Он не спрашивал, что она забыла в армии, почему визиты к Кайсин выбивали ее из равновесия. Важно лишь то, что после всего случившегося Рииса Класк повзрослела. Дервин ободряюще улыбнулся:

– Ты сильнее, чем думаешь. Когда я сломался, ты меня поддерживала, несмотря на свое горе. Для такого требуется немалая выдержка.

– Я просто... не могла иначе, – девушка отвернулась, растерянно провела ладонью по мокрому зубцу крепостной стены. – Обещаю больше никогда не сдаваться.

Они еще немного побеседовали, после чего Рииса создала вокруг себя незримый купол, останавливающий капли дождя, а Кaleb поспешил в башню греться чаем и сушить одежду. Магией воды он владел не достаточно, чтобы выделить влагу из ткани, зато сумел без помощи огненных магов нагреть форму. Какое-то время от нее шел пар, а потом она стала почти сухой. Пока юноша экспериментировал, время бежало галопом. Поспать ему удалось всего три часа, прежде чем встать на дежурство в караул. После прибытия в крепость его начали ставить часовым. Он надеялся, что избавился от статуса чужака. В конце концов, Кaleb пережил вместе с отрядом столько, сколько не каждый солдат переживет за всю службу. Если речь идет не о подопечных Бестона, конечно. Им доставалось чуть ли не больше всех, даже не беря в расчет сражения.

Время в дозоре тянулось, как липкая смола. Влажный послегрозового воздух забивал легкие, осложняя дыхание. Темнота постепенно посерела, в утренних сумерках продрогший солдат разглядел приближающееся с хистрийской стороны войско. Над ним развевались синие штандарты с серебристой георгиной. Внутри Калеба поселилась надежда.

Как только Дервин дал сигнал о приближении солдат, крепость оживилась, стала напоминать разоренный муравейник: действия вроде бы последовательные, но не слаженные, каждый

делает что-то свое, со стороны кажется, будто вокруг царит хаос. Дежурство Калеба закончилось аккуратно под прибытие подкрепления. Больше сотни людей наводнили крепость. Им дали несколько часов отдыха, во время которых командиры подразделений обсуждали план действий. Кaleb не понимал, что там можно столь долго решать. В конечном счете приняли решение бить в лоб, сломить врага количеством. Крепость и лагерь сребанцев разделял пустырь, слева располагался лес, а справа возвышалась скала. Магические отряды должны воспользоваться особенностями местности, чтобы незамеченными приблизиться к врагу с флангов и ударить, в то время как войско отправиться напрямую.

Что-то не давало покоя Карлосу Бестону. Он много раз поднимался на верхний ярус разглядывал сребанцев в подзорную трубу. Даже если они не заметили приближение армии из-за высокой крепости, вели противники себя на удивление спокойно. Как правильно заметил Дервин, они медленно отступали, будто дразня хистрийцев. Тупоголовые командиры пехтуры не вняли гласу рассудка Карлоса и утвердили план лобового столкновения. Хотя бы магические отряды не задействовали, они сумели скоординировать действия между собой. Несмотря на обеспечение безопасности для своих людей, предчувствие занозой кололо в груди. Он спустился вниз, где три отряда готовились к вылазке отдельно от войска, не уместившегося в небольшом строении. По сути, крепость представляла собой небольшой форт. Раньше он служил смотровой башней защитников границы, а с ее расширением строение забросили, отряжая туда дюжину солдат следить за порядком в местных деревнях. Тихое местечко, куда военные приезжали отдохнуть от кровопролития, стало средоточием проблем.

– Капитан Бестон, мы готовы, – доложил Джон Фирс.

Традиционно в магических отрядах главным после капитана считался маг, который отслужил дольше других. В мирных обстоятельствах в отряде Бестона всем заведовала Мелоди Кернс, которая, несмотря на острый язык, умудрялась найти подход к каждому солдату. В боевых условиях ответственность ложилась на близнецов. Игнис погибла, а Агния Карлос отослал к семье, доверив передать несколько писем. Парень слишком раздавлен потерей сестры, капитан не рискнул бы отправлять его в бой. Тем не менее, Агний остался верным человеком, пользы от него, как от курьера, гораздо больше. Ответственное дело поможет парню отвлечься, вспомнить о цели.

Так вышло, что за главного остался Джон Фирс, здоровяк с мощным огненным даром, которым он до сих пор не научился управлять, оттого меч использовал чаще магии. Выбор между ним, робкой, неуверенной в себе Риисой Класк и неуправляемым Калемом Дервином, которому еще вбивать и вбивать элементарные правила службы в армии, оказался, увы, очевиден.

– Отлично, Фирс, – кивнул Карлос, потом добавил громче, чтобы остальные услышали. – Все помнят, как действуем?

– Так точно! – одновременно отозвались десять человек – все, что осталось от его отряда, не считая Мелоди, оставшейся в крепости, чтобы лечить раненых.

– Выступаем через пятнадцать минут.

– Капитан, командование просит вас остаться, – подоспел один из пехотинцев. – Они желают, чтобы вы допрашивали пленных.

– А у нас уже есть пленные? – вскинул брови Бестон.

– Командование желает, чтобы магические отряды обеспечили нас пленными.

Карлос прикрыл глаза, сосчитал до пяти, чтобы не высказать все, что думает о высоких чинах и штабных крысах, затем кивнул:

– Передай им, что будет сделано. По мере возможности.

– Но...

– По мере возможности, я сказал! – рявкнул Бестон. Солдат, втянув голову в плечи, удрал передавать послание.

– Значит, мы сами по себе? И надо еще кого-нибудь захватить? – уточнил Джон. Ближе нам бы не пришлось все разжевывать.

– Не лезьте на рожон. Как я уже сказал – по возможности.

Через четверть часа выступили. Крались между кустов и деревьев, спотыкаясь в полумраке. Хотя осень уже утвердилась в своих правах, тут с деревьев еще не облетела листва, накрывая тенью отряд диверсантов. Еще пара часов – и солнце окончательно закатится за горизонт, без того темное от туч небо потемнеет, а в лесу уже невозможно будет что-либо разглядеть. Солдаты не сутились, перемещались тихо, общались знаками. Калеба с мечниками отправили вперед, чтобы он распознал следы магии, если таковые встретятся. Они так и не выяснили, что использовали при засаде лагробские маги, не до того было в Каюне. Калев с Мелоди решили оставить обсуждение для более благоприятных времен, которые, кажется, не скоро еще настанут.

Бывший раб с замиранием сердца ступал по земле, вглядываясь из транса в холст окружающего пространства. С каждым шагом липкий страх глубже забирался в сердце. Он непрерывно ожидал, что из-за кустов выскочит враг. Знаки Вернона и Малькольма, сообщающие что вокруг все чисто, не прибавляли уверенности.

Они рассчитали время так, чтобы подойти к лагерю чуть позже нападения основной армии, зайти сбоку и поджечь сребанские палатки, распугать лошадей, уничтожить путь к отступлению. Несколько огненных магов из двух отрядов вполне справятся с задачей на своем фланге. Калев мысленно сочувствовал тем, кому пришлось лезть по скале. С другой стороны, у них при нападении окажется более выгодная позиция.

Издалека слышался боевой клич хистрийской армии. Герсид, крадущийся недалеко от Дервина, недовольно закатил глаза. У элитных мечников магического отряда не в чести было шуметь при нападении, даже если это тактический ход для привлечения внимания. Калев немного расслабился – сейчас сребанцы, наспех вооружившись, кинутся на пустырь защищать лагерь.

Потянулись мгновения. Вместо ожидаемых звуков боя до ушей молодого мага донеслись истошные крики и призывы о помощи. Мечники переглянулись, Герсид жестом отправил Малькольма выяснить, в чем дело. Джон, заметив их действия, показал отряду остановиться, затаиться до возвращения солдата. Огненный маг уважал ветеранов и не требовал соблюдать субординацию там, где важнее опыт, а не звание.

Малькольм вернулся настолько бледным, что его издалека разглядели в тени деревьев. Он показал всем собраться. Отряд Бестона отреагировал сразу же, второй магический отряд, посланный с ними, приблизился нехотя, морщась от того, что пришлось отступить от плана. На смену мечнику отправили другого наблюдателя.

– Там творится что-то жуткое, – залепетал Малькольм. – Это какая-то странная магия, вроде той, что была у лагробцев тогда в лесу. Растения будто оживают. На поле в траве ловушки, солдаты в них попадают, трава их хватает, а из-под земли вырывается огонь. Я толком не понял ничего. Многие наши пострадали: кому ступни оторвало, кого поджарило... Там жуть творится.

– А сребанцы где? – свирепо сверкнул глазами командующий второго отряда.

– Уж точно не на поле боя, – покачал головой Малькольм.

Крики с пустыря понемногу стихали, отдавались. У всех, кто застрял в лесу, холодок пробежал по телу. То, что предполагалось обычной стычкой на границе, обернулось поражением хистрийской армии, о котором разойдется весть по другим странам. Тогда количество врагов у может прибавиться. Многих сдерживала от нападения уверенность в непобедимости Хистрии.

– Сребанцы добивают тех, кого не смогли вырвать из травяных капканов, – выпалил задыхающийся от бега солдат. Вместо него побежал следить за происходящим следующий.

– А если поджечь к святым всю траву? – разгорячился Джон.

– Ты себя демаскируешь, а нашим все равно не поможешь, – мрачно заметила Ласса.

– А как они их добивают? – нахмурился Вернон.

– Подходят и копьями добивают, – ответил отдышавшийся солдат.

Над двумя дюжинами хистрийцев повисло молчание.

– Они знают расположение ловушек, – тихо высказала общую мысль мечница из второго отряда.

– Каждую ночь они ставили лагерь все дальше, – кивнул Калев. – Закладывали ловушки и отходили.

Все, как один, посмотрели в сребанскую сторону. Несколько человек нервно сглотнуло. Прибежал солдат с новостями:

– Я точно не уверен, но, кажется, они готовятся к ответной атаке. У них много магов. Часть солдат идет к пустырю, часть – к лесу.

– Собираются атаковать или поставить еще ловушек, – кивнул Вернон. Они с Герсидом переглянулись. – План накрылся. Валить надо.

– Но у нас приказ, – запротестовал чужой командир.

– Засунь его знаешь куда? – огрызнулся Герсид. – Если мы здесь поляжем, войско потеряет половину магической поддержки!

– Мы можем вернуться не с пустыми руками, – подала голос Рииса. Под взглядами сослуживцев она ступевалась, но продолжила. – Те, кто идет полем, точно знают расположение ловушек. Нужно схватить кого-нибудь и удрать в крепость.

– А как мы удерем от кучи солдат, да еще с пленником? – спросили из заднего ряда.

– Маги мы или кто? – девушка прищурила разноцветные глаза и создала в ладони водяной шар.

План родился сразу, времени на обсуждение не оставалось. Уйти подальше от врагов, что перемещаются по лесу, подкараулить солдат, преодолевающих ловушки, под прикрытием магии схватить одного и дать деру. Огненным магам позволили заодно спалить часть леса, чтобы задержать и деморализовать противника. Рииса, единственный «водник», объединилась с ветряным магом из другого отряда, чтобы атаковать ледяными иглами.

Для людей, которые впервые работали вместе, они действовали весьма сплоченно. Над лесом поднялся столп черного дыма, к краю пустыря вырвались мечники. Несколько сребанцев успели поднять луки, но тут же повалились, сраженные хистрийскими стрелами. Маги врага ушли в глухую оборону под напором льда и пламени. Никто не успел опомниться, как все закончилось.

Магические отряды бегом добрались до крепости. От докладов у командования вытянулись лица. Бестон, наблюдавший это со стороны, удовлетворенно хмыкнул – предчувствие его не обмануло. Жаль только, времени на допрос маловато. За пару дней он бы разговорил пленного практически без применения насилия, а тут в лучшем случае пара часов есть. Сребанцы остановили наступление – возможно, снова взялись колдовать. Если они решат окружить крепость, все пропало: пусть осадных сооружений пока не видно, имеющихся припасов солдатам даже на пару дней не хватит. Отступить хистрийцы не могут, враг отлично это понимает.

– Еще одно подкрепление запрашивать? – горячился один из командиров.

– Нам больше никого не пришлют. Для этого участка нас и так многовато, отчетов писать уйму придется, – качал головой другой.

Карлос больше не слушал. Он спустился в подвал к связанному пленнику. Посмотрел на него, наклонив голову в бок, заговорил на сребанском:

– У меня мало времени, потому перейду сразу к делу. Ты говоришь, что у вас за магия и как обезвредить ловушки на поле – я тебя не убиваю. Ты молчишь – твои кишки окажутся на полу.

В ответ пленник злобно расхохотался, мотнул головой.

– Тебе что, не дорога жизнь? – Карлос вопросительно изогнул бровь.

Грохот над головой смешался с раскатистым хохотом сребанца. Карлос поморщился, поспешил наверх. Если Фирс по неумению устроил очередной пожар...

– Капитан! – на него налетел Калев.

– Ты куда несешься? – процедил Бестон.

Молодой маг втянул голову в плечи, опустил взгляд:

– Меня отправили за вами... капитан. Сребанцы обошли крепость...

– Что значит «обошли»?! – прорычал командир отряда и быстрым шагом направился к командованию.

– Капитан, там все плохо! – Калев еле попевал, задыхаясь от страха.

Они остановились у перехода в соседнюю башню. На первом этаже устроили госпиталь, где четыре целителя и три медика торопливо штопали солдат, пострадавших при неудачной атаке. В дальней стене зияла дыра, камни осыпались, под завалом лежало три окровавленных тела.

– Интересно, сколько сэкономили на строительстве этой стены, и кто наварился, – пробормотал Бестон.

– Капитан! – к ним подковыляла Мелоди. Вид у нее был затравленный, руки перепачканы в крови. – Надо срочно эвакуировать раненых. Я отправила за вами и за помощью. Нам надо...

– Ложись! – крикнул Бестон, повалив Калева с Мелоди на пол.

Над ними просвистели стрелы. Послышались испуганные крики, которые быстро оборвались. Капитан опрокинул стол, они втроем спрятались за ним. Калев выглянул и увидел, как помещение заполняют лучники неприятеля. Пятеро, шестеро... Порядка дюжины солдат противника оказались внутри.

В проход вбежали несколько магов и застыли, увидев врагов. Сребанцы не мешкали – в прибывших полетели стрелы. Калев рванулся на помощь, но Бестон удержал его за шиворот и приказал магам атаковать врага.

Двое мужчин лежали без движения, Джона ранили в плечо. Рииса по примеру Бестона перевернула стол и махнула остальным, призывая спрятаться. Они атаковали из-за укрытия. Бестон потоком ветра замораживал капли воды Риисы, ледяные иглы обрушились на врага. Джон, морщась от боли, пускал огненные шары размером с голову. Калев, уступавший остальным в силе и умении, швырял стуски пламени, многие из которых разбивались о коричневую форму сребанцев. Прямо как в бою с лагробцами.

Дервин замешкался, пораженный догадкой. Чья-то рука дернула его за штанину, он не удержался и рухнул на пол. Закашлявшись, сердито посмотрел на Мелоди.

– Не зевай, птенчик! Ты же не хочешь валяться в крови, как вон те? – она кивнула на подстреленные тела.

– Нужно отступить в соседнюю башню, – поделился Бестон. – Предупредить остальных, что эти твари ждали, пока мы отвлечемся на их лагерь.

– Они в союзе с Лагробом, – пропыхтел Калев, пустив очередную порцию огня в нападающих. – У них форма так же не пропускает магию!

– Час от часу не легче, – покачал головой капитан. – Похоже, они с границы лагробской прикатали осадные орудия.

– Так их граница... – озадаченно протянул юноша, вспоминая карты, которые усиленно изучал.

– Не так далеко, как ты думаешь, если идти через болота.

– Капитан, все целители были здесь во время нападения, – обреченно покачала головой Мелоди.

– Значит, теперь вся надежда на тебя, – Карлос жестом привлек внимание подчиненных, прячущихся за другими столами. – Отступаем! Идем в соседнюю башню! Фирс, Класк, прикрываем отход!

– Будет сделано!

Мелоди мягко подтолкнула Калеба. Юноша, дождавшись паузы между вражескими выстрелами, ринулся к спасительному дверному проему, чтобы скрыться за каменной стеной. Бежавший перед ним маг ринулся в соседнюю башню по переходу, а бывший раб остался, ожидая товарищей. Через несколько мучительно долгих минут, когда большинство солдат покинули опасное помещение, в проход ввалилась Рииса, придерживая опирающуюся на нее Мелоди. Та была бледна, как мел, а следом тянулся след из красных капель.

– Кaleb, держи ее, – скомандовала Рииса. – Идите к нашим, я прикрою Фирса и Бестона.

– Я без капитана не уйду, – пропыхтела целительница.

– Вот, опирайся на меня. Что с тобой случилось? – дрожащим голосом спросил Дервин, бережно перекидывая ее руку себе на плечо.

– Шальная стрела, птенчик, – кисло улыбнулась Мелоди.

Кaleb, глянув ей за спину, увидел стрелу, торчащую справа ниже ребер. Он аккуратно поддержал ее, не обращая внимания на сочащуюся на рукав и перчатку кровь. Рииса, выглянув из-за стены, пустила несколько стустков водяной магии, после чего в проходе появились Джон и Бестон.

Капитан молча закинул вторую руку Мелоди себе на плечо, а Фирс закрыл тяжелую дверь на засов. Они поторопились по переходу, слушая далеко разносящиеся удары. Скорее всего, дверь сдержит врагов только до прихода их магов.

Оказавшись в безопасной башне, Бестон показал Калебу, где усадить целительницу, а сам направился к командованию, на ходу раздавая указания. Сверху слышались крики и топот ног – солдаты обороняли крепость.

– Мелоди, что мне делать?

Бледная целительница посмотрела на него затуманенным взором.

– Я сомневаюсь, что уже можно что-то сделать, птенчик. Нужно вытащить стрелу и остановить кровь. Только без целителя или толкового медика я долго не протяну. А ни тех, ни других больше не осталось.

– Я справлюсь, Мелоди, просто говори, как мне действовать, – сорвавшимся голосом призвал Кaleb. – Нет, не закрывай глаза! Смотри на меня!

– Отстань, птенчик, я хочу спать, – пробормотала целительница.

– Нет-нет-нет! – он дрожащими руками встряхнул девушку, заставив ее разлепить веки.

– Дервин, – послышался позади холодный голос капитана.

– Она не говорит мне, что делать, – прошептал Кaleb. – Капитан, я не знаю, как помочь...

– Ты же целитель.

– Но...

– Ты целитель с сильным даром, Дервин. Сделай что-нибудь!

Голос Бестона сорвался. Юноша обернулся, посмотрев снизу вверх на командира отряда. Его кустистые брови нахмурены, глаза расширились, а руки безвольно обвисли. Он пребывал в таком же ужасе, что и Кaleb.

– Капитан, – молодой маг облизал губы и четко, с расстановкой произнес: – я не могу исцелять.

– Ты целитель, мать твою! – Бестон схватил юношу за шиворот, подтащил к стулу Мелоди. – Мне плевать, что тебе больно, мерзко или неприятно. В лепешку разбейся, но исцели ее!

– Не надо, капитан, – пролепетала Мелоди, слабо улыбнувшись. – Будьте сдержаннее. Он ведь... ваш подчиненный...

Она затихла, прикрыла глаза. Кaleb резким движением вырвался из хватки Бестона, встал позади Мелоди на колени, нырнул в транс. По спине заструился холодный пот. Стрела поразила внутренности целительницы, ее тело изнутри наполнялось кровью, принося слабость, забирая по крохам жизнь. Она права: юноша не справится. Даже сумев вытащить стрелу, он не сможет ее спасти. Здесь поможет только целитель.

Кaleb сжался, предвкушая скорую агонию, осмотрел внутренним взором свои энергетические каналы. Черные, уродливые, перекрученные пульсировали между здоровых стихийных. Если удастся хоть немного повлиять, хоть один исправить, возможно, он сможет спасти Мелоди.

Будто раскаленной кочергой ковыряют внутри. Кaleb закусил рукав. Невыносимая боль корежит все естество. Он продолжает, дотягивается до канала, прикасается. Терпит, ощущая, будто ковш кипящего масла льется на голову, будто все тело горит, кожа испаряется, мышцы плавятся, кости рассыпаются в пепел. Ради Мелоди. Он не ощущает ничего вокруг, кроме оглушающей, ослепляющей боли, ни одно чувство не работает, повсюду лишь резкая, острая боль. Он должен стараться. Должен спасти Мелоди. Обязан...

– Я не могу, – просипел Кaleb.

Он с трудом открыл мокрые глаза и обнаружил под щекой прохладный камень. Он лежал на полу в окружении солдат. Во рту солоноватый привкус крови, которая стекает из носа. Шепот вокруг кажется слишком громким, а Кaleb лепечет:

– Я не могу. Не могу ничего сделать.

Он через силу нырнул в транс и с содроганием увидел, что все его усилия не принесли никаких результатов – каналы ничуть не посветлели. Внутри поднялась волна беспомощной ярости. Он так страдал, но ничего не добился, оказался бесполезен тогда, когда Мелоди, его подруга, в нем нуждается.

– Кaleb, – Рииса тронула юношу за плечо, он медленно поднял голову.

Бестон стоял на одном колене рядом с Мелоди, держал ее за руку. Она что-то тихо говорила, он молчал с непроницаемым лицом. Ее голос становился все тише, а потом и вовсе затих, рука ослабла, глаза подернулись пеленой. Солдаты вокруг отводили взгляд, неловко отворачивались, шагали куда угодно, лишь бы подальше.

Карлос Бестон еще какое-то время сжимал пухлую маленькую ладонь, потом приложил дрожащие пальцы к шее, проверяя пульс. Нахмурился и закрыл девушке глаза. Кaleb почувствовал, как по щекам льются слезы. Он снова потерял того, кем дорожил. Родители, потом бросившая его Ирсора, погибшая в бою Игнис, теперь Мелоди. Все, к чему он тянулся, обращалось в прах.

– Что ж... – нарушил тишину Бестон. От его голоса все оставшиеся рядом солдаты вздрогнули. – Значит, ты не целитель.

Он встал, схватил Калеба за мундир и потащил. Сначала юноша, ошарашенный произошедшим, без сопротивления следовал за капитаном, но когда они подошли к лестнице, уперся:

– Капитан, что вы собираетесь делать? Капитан, не надо...

– Молчи, выродец. Раз ты не можешь никого спасти целительством, я найду другое применение твоим... талантам.

– Капитан, нет! – заскулил Кaleb, когда Бестон потряхнул его так, что чуть не скинул с лестницы.

Командир не внял жалобам, закинул его в тесное подвальное помещение. Дервин не удержал равновесия, повалился кулем на пол. Подняв глаза, он увидел последи комнатухи привязанного к стулу военнопленного. Тот щерился, переводя взгляд с юноши на Бестона и обратно.

– Значит так, Дервин, – прорычал капитан. – Мне все равно, каким образом, но ты вытянешь из этого ублюдка все, что он знает, пока крепость не разобрали по камням. Нам надо их победить. Мне плевать, что ты с ним сделаешь. Используй свою клятую магию по назначению.

– Пожалуйста, я не могу, – шмыгнул носом Кaleb, не рискуя встать.

– Выполняй приказ, тварь! – закричал Бестон и пнул юношу так, что тот отлетел к стене.

Отдышавшись, молодой маг встал на ноги, отчаянно замотал головой. Капитан прижал его к холодной каменной кладке и прошипел на ухо:

– Дервин, не испытывай судьбу. Ты либо развяжешь ему язык, либо сдохнешь. Прямо здесь. Я не шучу.

Кaleb ему поверил. Внутренности сковал леденящий ужас перед командиром. Сегодня Дервин выйдет из подвала только в одном случае. Он перевел испуганный взгляд на пленника, который с интересом наблюдал за происходящим. На негнущихся ногах подошел, снял перчатку и замер, наблюдая, как на ладони заплясали алые искры.

* * *

В комнате Риккоса Браадеса всегда царил полумрак – он закрыл окно ставнями с наружной стороны, в щели пробивались узкие лучи света. Эсма сэкономила свечи. Она зажигала их только во время чтения – лагробец принес ей несколько книг. Девушка с трудом продиралась через нагромождения незнакомых слов и непривычных оборотов. Постепенно она понимала, о чем написано, хотя чаще пялилась в книгу, коротая время между возвращениями мужчины.

Удивительно, как может измениться отношение к человеку за пару недель. После нападения на Эсму Рик перестал ее допрашивать. Он поселил хистрийку у себя, обезопасив от посягательств Акрайса Вакерса и других солдат. Теперь он не выводил ее в баню, а приносил таз с теплой водой. Вместо сухарей она питалась обычной солдатской пищей. Риккос похудел, но исправно делил с нею паек.

В тот злополучный день после нападения Рик не отходил от Эсмы, пока поток ее слез не иссяк, затем пообещал отправить Хистрии запрос на обмен пленниками. Лагробцы – суровый народ, но у них есть понятие чести. Он не посмеет мучить ее вопросами после того, что произошло на вверенной ему территории. О том, что Акрайс не первый раз покусился на ее тело, девушка старалась не вспоминать. Ей постоянно казалось, что Вакерс прячется за дверью, выжидает, когда она покинет безопасные стены комнаты. Иногда казалось, что за закрытым окном слышно его дыхание. В такие моменты она пряталась в дальний угол, укутавшись шерстяным мундиром Риккоса, вдыхая его запах.

Неделю спустя Браадес-младший сообщил об ответе из Хистрии: страна отказалась менять пленного лагробского солдата на Эсму Эстин. Сначала лучница не поверила. Она ходила из стороны в сторону, зло огрызаясь на уверения, что еще не все потеряно, что Риккос отправит запрос снова. Они выберут другого пленника, рядового, лишь бы передать Эсму на родину. Просто так отпустить ее Браадес не мог, командование требовало кого-то взамен. Она ждала, что Рик съехидничает, посмеется над ее наивностью, но он не смеялся. Лишь пообещал, что поможет Эсме вернуться домой.

Потянулись длинные дни, одинаковые в своем распорядке. Утром Риккос, ночующий на полу в спальном мешке, вставал, украдкой потирал спину, ненадолго уходил и возвращался с завтраком. Эсма быстро все съедала, он оставлял ее до обеда, к которому снова приносил поесть. После они встречались вечером за легким ужином с крепко заваренным чаем. Чай стал для них ежевечерним ритуалом, когда они молча грели руки о глиняные бока чашек, вдыхая аромат трав и сушеных ягод.

Рик не пытался коснуться ее, не задерживал на ней взгляд, смотрел вечно в сторону, будто боясь напомнить о пережитом в подвале унижении. Эсма не заметила, когда полюбила вечера и его крепкий чай. В полумраке комнаты стирались ярлыки, из солдат враждующих стран они превращались в мужчину и девушку, сидящих за одним столом.

То, что случилось одним из вечеров, было неизбежно. Эсма убедила себя, что дотронулась до его руки случайно, что заглянула в его темные глаза без вызова, что подалась вперед только чтобы взять чашку. Одна часть ее стыдилась того, что поцелуй лагробца оказался таким желанным, а другая пылала от его прикосновений. Обида на родную страну и чувство безопасности рядом с могучим Риккосом Браадесом толкнули Эсму в его объятия. После той ночи у него больше не болела спина, а девушка привыкла спать с ним на узкой кровати.

Второй хистрийский отказ в обмене пленными Эсма перенесла сдержаннее. Она смотрела в пол, пока Риккос не сгреб ее в объятия, шепча на ухо новые обещания. Она не злилась, не плакала, не сокрушалась, как в первый раз. Внутри поселилась пустота, которую отгоняли прикосновения шершавых рук, низкий голос и тяжелый взгляд темных глаз. Эсма уже не понимала, почему стыдится связи с лагробцем. Рик заботится о ней, в то время как родная страна выбросила ее, предпочла стереть из числа своих граждан, а семья, ради которой Эсма Эстин пошла в армию, не стала бороться за нее.

В тесной комнатке, при тусклом свете единственной свечи, в объятиях любимого мужчины под колючим шерстяным одеялом, она чувствовала себя по-настоящему хорошо. Впервые в жизни от нее не требовали жертвовать собой, не ждали судьбоносных решений, не заставляли ничего делать против воли. Все, чего ждал Риккос, это ее саму по вечерам. А все, чего ждала Эсма, это его прихода. В мире, в котором поселилась девушка, не было войны, тяжести потерь и боли разочарований. Только жар их тел, его нежность, ее страсть и до горечи крепкий чай.

Девушка уже не хотела возвращаться в Хистрию, потому, когда Риккос зашел в комнату с понурым лицом, она подскочила к нему и обняла, спросив с искрой надежды:

– Снова отказ?

– Что? – мужчина рассеянно потряхнул головой. – А, нет. Я еще не получил ответ, прости.

– Тогда что тебя расстроило? – Эсма отстранилась, предчувствуя неприятности.

Риккос поставил горячий чайник на подставку, девушка тут же достала банку с травами. Тонкие пальцы ловко насыпали нужное количество, а как только в заварник полился кипяток, комната наполнилась насыщенным ароматом. Плечи младшего Браадеса расслабились, он повел носом, слабо улыбнулся. Через некоторое время они сделали по глотку чая. Риккос, глядя в чашку, произнес:

– Эсма, меня отправляют в бой.

– За что?! – девушка подпрыгнула на кровати, ойкнула из-за пролившегося на колени кипятка.

– Это обычная практика. У нас даже тех, кто заведует канцелярией, отсылают на границу. Не волнуйся, я устроил так, что Леско останется присмотреть за тобой.

– Я не хочу Леско, я хочу тебя, – раскапризничалась Эсма, но быстро затихла под строгим взглядом Риккоса. – Прости...

– Я тоже не хочу уезжать, но обязан. Надеюсь, вернусь, – он горько усмехнулся и отхлебнул чай.

Эсма посмотрела в задумчивое лицо любимого мужчины. Слова слетели с ее губ сами собой:

– Куда тебя отправляют?

– Я не могу разглашать...

– Рик, я хочу помочь, – она запнулась, помедлила, договариваясь с собой. – Хочу, чтобы ты вернулся.

Браадес-младший назвал место. Эсма зажмурилась, припоминая ближайшие форты, сжала кулаки и выдавила:

– Принеси карту.

Рик удивленно вскинул брови, но сходил в кабинет за картой границы. Девушка поджала губы, развернула на крышке сундука лист так, чтобы Хистрия оказалась с ее стороны. Внутри все горело от чувства вины. Эсма посмотрела на ставшего родным лагробца, напоминая себе, ради чего она так поступает.

Магические отряды часто перекидывают от форта к форту, у них нет приписанной воинской части, они постоянно курсируют вдоль границы, действуя как диверсионная группа или оказывая поддержку на ослабленных участках. Солдаты шутят, что стремительно растущую Хистрию можно полностью объехать, только попав в магический отряд. А вместе с красотами страны видишь состояние крепостей, состав гарнизонов, отличия местности от официальных данных.

Эсма обмакнула перо в чернила, провела линию недалеко от того места, куда должны перекинуть войско с Риккосом. Рука дрожала. Она поставила кляксу, стерла ее рукой, вымазавшись черным. Незванные слезы мешали разглядеть названия населенных пунктов.

– Здесь находится укрепленный форт, нужно идти вот так, через слепую зону. Там разросся лес, который леньяся вырубать. А еще солдаты собирают там грибы и ягоды. Тут, тут и тут гарнизоны малочисленные, но за ними территория под хорошей охраной, – она шмыгнула носом. – Вот тут, думаю, легко прошмыгнуть небольшими отрядами. А здесь болото, не пройти.

– А тут что? Крепость? – Рик показал на участок, не заполненный стрелками.

– Да, на нее давно махнули рукой. Тут граница со Сребанью, одно из самых спокойных мест. Отправка отрядов в те места считается отпуском, – Эсма опустила взгляд. – Одно из слабых мест границы.

– Расскажи подробнее.

Хистрийка рассказала все, что знала, про небольшую крепость, ее слепые зоны, особенности местности. Перед крепостью – пустырь, слева – лес, а справа – скала. Часть границы занимает болото. Правда, его вроде высушить собирались, но из-за спорности территории никак не решат, чья это обязанность. Девушка ездила туда год назад, что-то могло измениться. Зато в малом количестве гарнизона сомнений не было.

– Эсма, – Риккос дождался, пока она поднимет на него заплаканные глаза. – Спасибо.

– Вернись, пожалуйста, – она вцепилась в его рубашу, запачкав чернилами, сквозь слезы пробормотала. – Прошу, я все сделаю. Все, что скажешь. Только не бросай меня. Только возвращайся.

Утром, когда Рик ушел за завтраком, Эсма осмотрела оставленную на сундуке карту. Внутренний голос побуждал разорвать ее, уничтожить, чтобы враг никогда не узнал о слабых местах ее дома. Другой голос в голове задался вопросом: где же теперь ее дом? Разве не с любимым мужчиной, который ее защищает? Разве можно считать предательством помощь дорогому человеку?

Взглянув на дверь, девушка достала перо с чернилами и торопливо нанесла еще несколько значков на карту. Припомнила дороги, которыми ходил отряд Бестона. Отметила обзорные вышки на границе с другими странами, дальше Лагроба. Ей всегда казалось, что она мало что помнит из поездок, а как, оказывается, много можно вспомнить, если не забивать голову всякой чепухой и иметь четкую цель. Эсма жалела лишь о том, что данные, которые у нее имеются, сильно устарели, ведь прошло уже около месяца с момента ее пленения. Вряд ли изменились привычные маршруты передвижения, да и менять количество войск в гарнизонах тоже как будто нет повода, но, видят святые, армейская жизнь непредсказуема.

Риккос, увидев новые пометки, задал несколько уточняющих вопросов. Он искренне похвалил Эсму, пообещал сделать все, чтобы задержаться в части подольше. Ради его безопасности девушка принялась вспоминать больше подробностей, вплоть до мелочей. Вечерами она рассказывала Рiku, как проходят тренировки, какой распорядок дня у солдат, в каких опера-

циях участвовала лично она, а какие проводили ее знакомые. Заметив его потухший взгляд, Эсма прервалась.

– Прости... я ужасный человек. Никогда не задумывалась, что...

– Помолчи.

Девушка прикусила язык, а Риккос принялся расспрашивать по поводу солдатских лазеек в крепостях. Эсма мало об этом знала, потому что ее отряд чаще останавливался в военных частях. От недовольного взгляда любимого ей захотелось провалиться под землю.

– Ты все указала? Ничего не забыла?

– Если я вспомню что-то еще...

– Постарайся вспомнить все, – с нажимом произнес Рик. – От этого ведь зависит моя жизнь.

Эсма спешно отобрала у него карту, уставилась на заметки обо всех местах, где побывала. Всю ночь она старательно выуживала из памяти малейшие подробности прошлой жизни. Стыда девушка уже не ощущала, осталось лишь желание угодить Риккосу, помочь ему, поддерживать в нелегкой военной службе. От чувства вины за убийство его сослуживцев горели щеки. Все, чего ей хотелось, это искупить свои грехи перед ним. И если нужно вывернуть Хистрию наизнанку запечатлев на карте каждую травинку, она это сделает.

К утру хистрийка написала все, что помнит, после чего отдала карту Риккосу. Тот поблагодарил ее поцелуем в лоб и ушел. Потянулись часы ожидания. Эсма пыталась читать, хотя не очень понимала, о чем книга. Все чтение сводилось к разглядыванию чужих букв. Осторожно спрашивая значения слов и подслушивая разговоры солдат у закрытого ставнями окна, девушка понемногу вникала в чужой язык. Если за подаренные знания ей позволят остаться с Риккосом, он наверняка выторгует для нее гражданство, а для жизни в незнакомой стране нужно понимать местную речь.

Свеча догорела. Эсма зажгла новую, отвлекшись от грез. Даже если ей придется остаток жизни провести в этой безопасной, тихой комнатке, рядом с ним, она не против. Рик принес ей еды. Он предупредил, что вечером задержится – у него много дел. Эсма кивнула и уткнулась в книгу, готовая ждать.

Браадес отчитался начальству, сделал несколько копий карты с пометками, сравнил их с имеющимися у Лагроба данными. Негусто, зато кое-что оказалось настоящей жемчужиной. Возня с картами и написание писем начальству заняли почти целый день. К вечеру он представил свои соображения на бумаге, получил добро на дальнейшие действия и передышку до утра.

– Рик! – послышался знакомый голос, когда Браадес-младший вышел от начальства.

– Зак! – Риккос крепко пожал руку сослуживцу ростом ему по плечо. – Какими судьбами?

– Что, не ожидал уж свидеться? – солдат ощерился редкими темными зубами. – Пойдем выпьем. Наш взвод привез несколько бочек пива.

– Я должен встретиться с Леско...

– Тебе повезло! Вон он идет, – Зак указал в сторону разгружающих телеги солдат. – Он с нами приехал. Все нянчится с этим бешеным магом. Как там его...

– Акрайс Вакерс, – подсказал Рик.

– Да-да! Слышал я, как ты его отделал. Здорово ты все провернул, – Зак мягко подтолкнул Браадеса-младшего, они направились навстречу Леско, притом низкорослый солдат продолжал молоть языком. – Я рад, что сослали его, а не тебя. Ты молодец, что выкрутился, обычно-то за потасовку с магом на передок отправляют. Но Вакерс тут многим кровь попортил, потому, поди, его и отправили куда подальше. Я удивлен, что его вернули. Похоже, даже такие больные на голову маги сейчас нужны.

– Да, планируется серьезная операция, – подтвердил Риккос.

– В любом случае, хорошо, что ты тогда подстроил его отъезд. Это ведь ты ему шепнул, где хистрийских девок держат, да?

– Кто тебе правду скажет? – криво усмехнулся Браадес.

– Скользкий ты тип, Рик. Не хотел бы я быть твоим врагом.

– А ты не будь.

– Далеко пойдешь! – Зак рассмеялся, кивнул подошедшему Леско. – Дружище, уговори своего младшего братишку выпить с нами!

– Рад твоему возвращению, брат, – улыбнулся Рик. Браадесы крепко обнялись. – Теперь можно выпить.

Леско считал себя хорошим солдатом. Он всегда выполнял приказы, не спорил с начальством, не строил козней. И когда его отправили сбыть в торговый дом плененную мьернку, сделал, как сказано, а по возвращении отправился вместе с Акрайсом Вакерсом в штрафной взвод. Его, как сопровождающего, к тяжелой работе не привлекали, но осадок после нагоняя от начальства, что не уследил за подопечным, остался. Уследишь тут, когда Вакерс, как змееныш, может просочиться в любую щель! Правда, отправляясь пару недель назад из лагеря, Леско понятия не имел, что в нападении Акрайса на пленную замешан Рик, который потом насильника отмудохал чуть не до полусмерти.

Браадес-старший соскучился по брату, который за время его отсутствия сильно похудел. Он хотел отвести Риккоса в сторону, обсудить последние происшествия, только Зак, общительный маг-проныра и старый друг братьев, тоже жаждал узнать новости из первых уст. На запах пива подтянулись другие солдаты. Вскоре за столом, установленным за хозяйственными постройками, дабы не нервировать начальство, прибавилось народу. Солдаты стремились рассказать о своих приключениях, перебивали друг друга. Товарищи осушили уже три кружки, распивали по четвертой, а ни одна история до сих пор не была рассказана до конца. В общем гомоне Леско наострил уши, услышав имя брата.

– Ну что, Риккос, поведаешь, каково это – трахать хистрийскую шлюху?

Раздались смешки, солдаты притихли в ожидании веселья.

– Прекрасно, – Браадес-младший отпил пива, утер пенные усы, ухмыльнулся. – Стоит поманить, тут же подсказывает. Иметь можно, как угодно и где угодно. Собственно, точно так же благодаря ей мы поймеем Хистрию.

– Да! – вскричали солдаты и забарабанили по столу. – За Риккоса!

– Делает все для страны, а заодно и себя не обижает, – рассмеялся Зак, поднимая кружку. Солдаты чокнулись, сделали по большому глотку. Леско пригубил пиво, нагнулся к Рику:

– Брат, ничего не хочешь мне рассказать?

Тот закатил глаза и встал. Браадес-старший последовал за ним. Они отошли за сарай с уборочным инвентарем, и Риккос пояснил:

– Я перевел хистрийку в свою комнату после выходки Акрайса. Все время с твоего отъезда она живет у меня. Сам понимаешь, когда мужчина и женщина долгое время находятся в тесном помещении...

– Давай без подробностей, – поморщился Леско. – Ты понимаешь, как это опасно? А если начальство узнает?

– Начальство знает, – пожал плечами Рик. – Я предоставил им такие данные, какие не вытянуть под пытками. Я бы даже спросить не догадался, а она все выложила, как на духу. Так что их устраивают мои методы.

– Да как тебе спится после этого? – покачал головой Браадес-старший. Он не узнавал младшего брата.

– Отлично спится в согретой постели, – тот положил руку Леско на плечо. – Расслабься, хистрийка у меня не надолго. Она вроде бы рассказала все, что знала. Через пару дней отправим запрос в Хистрию на обмен пленными. Может, еще пользу принесет.

– Запрос еще не отправляли?

– Я договорился с командованием, чтобы они подождали, пока она выложит весомые данные. Правда, ей сказал, что Хистрия уже дважды отказала. Бедняжка думает, что родная страна от нее отказалась.

– Риккос, как ты можешь? – у Леско слов не хватило выразить негодование. – Не ожидал, что мой младший брат опустится до издевательств над беззащитной девчонкой.

– «Беззащитной девчонкой»? Да что ты говоришь! – разозлился Рик. – Знаешь, сколько наших парней эта потаскуха пристрелила?! Да ее в самый раз швырнуть штрафному взводу на растерзание! А я ее кормлю, мою, выношу за ней ведро. Тело и информация – малая плата за совершенные ею деяния. При обмене я отправлю в Хистрию письмо, где подробно расскажу, чем мы с ней занимались, пусть почитают.

– Я тебя не узнаю, брат, – Леско опустил голову. – Ты задумал все с самого начала? Именно такой план выложил начальству, чтобы они позволили ее допрашивать?

– Я хотел поиметь ее, как только увидел, – Риккос грустно улыбнулся. – И нашел способ добиться своего. Заодно стране оказал услугу.

– Парни правду говорят? Ты науськал на нее Вакерса?

– Ее следовало припугнуть, – Рик покаянно опустил голову. – Прости. Думал, твой надзор за этим ублюдком закончился. Я не хотел, чтобы тебя сослали вместе с ним. Он тут многих достал, так что мне еще спасибо сказали за то, что хорошенько его отделал. А в его нападении я официально ни при чем – он где-то отыскал запасной ключ и случайно подслушал, когда я корректировал график охраны пленниц.

– В голове не укладывается...

– Расслабься, – Рик подтолкнул Леско обратно к столу с пивом. – У меня все под контролем. Или, может, ты так переживаешь, потому что сам хотел бы ее...

– Прекрати! – отрезал Браадес-старший. – Тошно слышать.

Они вернулись к сослуживцам. Леско смеялся, пил, одобрительно кивал, слушал истории товарищей, не показывая раздражения. Сказать, что младший брат его удивил, значит ничего не сказать. Леско никогда бы не предположил, что Рик вырос расчетливым и жестоким. Война выжгла в парнишке всю доброту.

Риккос встал, распрощался с сослуживцами и нетвердой походкой направился в канцелярию. Леско поравнялся с ним. Он помолчал, подбирая слова, затем произнес:

– Ее надо вернуть в подвал, Рик. Поигрался и хватит. Ни к чему хорошему это не приведет.

– Какая разница, где она будет ждать отправки? – огрызнулся младший брат. – Так хоть польза от нее будет.

– Ты из-за нее недоедаешь. Вон как похудел.

– Зато мне единственному в лагере бок греет баба.

Леско сделал глубокий вдох и выпалил то, чего в других обстоятельствах не произнес бы:

– Она похожа на Ирену.

Кулак врезался Леско в скулу. Разъяренный Риккос схватил брата за грудки и прижал к стене. Его глаза налились кровью:

– Не смей сравнивать эту потаскуху с моей женой!

– Пять лет прошло, Рик, – пропыхтел Леско. – Пора простить себя. Твоей вины в ее смерти нет.

– Заткнись! Заткнись! – Браадес-младший еще раз ударил. Отступил, тяжело дыша. – Я ее никогда не забуду, пройдет хоть пять, хоть пятьдесят лет!

– Я не прошу забывать ее, – Леско одернул помятую форму. – Пойми, то, что происходит между тобой и хистрийкой, не нормально, Рик. Это тебя отравляет.

Риккос отвернулся.

– Я могу закончить в любой момент. Хоть завтра сделаю запрос для обмена, а ее посажу в подвал. Просто...

– Не хочешь?

– Заткнись.

Зайдя в комнату за канцелярским кабинетом, Риккос рухнул в кровать. Эсма прижалась к стене, глядя на Леско с подозрением. Никто, кроме Рика, не переступал порог ее маленького дома. Внутри растерянной бабочкой забились паника. Она узнала старшего Браадеса. Ужасные события нахлынули на нее, затопив сознание. Эсма затряслась, согнулась, пытаясь втянуть ртом воздух.

– Эй, с тобой все нормально? – Леско нахмурился.

– Да, – девушка выпрямилась, утерла пот со лба.

На половине пайка Рика она вернула себе немного веса, похорошела. Стала еще невыносимее напоминать погибшую жену брата. Сходство весьма отдаленное, в цвете и размере глаз, изгибе губ, форме подбородка, но не заметить его нельзя. Если бы Леско с самого начала придал этому больше значения, ни за что бы не стал тащить ее в Лагроб.

Эсма, с опаской поглядывая на старшего Браадеса, подошла к младшему, освободила его ноги от сапог, без стеснения или раздражения принялась раздевать, а Рик лежал и смотрел на нее.

– Что ты с ним возишься? Он сам раздеться может, – проворчал Леско, скрестив руки на груди.

– Он устал, – категорично ответила пленница, потом добавила тише. – Я все сделаю для его удобства.

– Видишь, Леско? – насмешливо спросил Рик. – Она меня оберегает.

– Я все сказал. Даю времени до завтрашнего вечера. Если ты ничего не сделаешь, сделаю я.

Сказав это, Леско покинул комнату. Эсму глодаило любопытство, пришлось сделать над собой усилие, чтобы не полезть к любимому с вопросами. Она сняла с Риккоса форму, оставив его в нижней рубашке и подштанниках. Собиралась заняться ими, но лагробец перехватил ее руки. От пустого взгляда темных глаз по телу пробежала дрожь.

– Как думаешь, что тебя ждет? – вкрадчивый вопрос застал Эсму врасплох.

– Я... Я думала, что буду тут...

– И ты хочешь провести здесь всю жизнь?

– Возможно, – осторожно ответила девушка. – Почему ты спрашиваешь?

– Тебе уготована другая участь. Но не будем об этом. Я хочу спать.

Он повернулся и захрапел, а Эсма до самого утра не сомкнула глаз, обдумывая услышанный разговор. Ей не понравился приход Леско, не понравился запах перегара от них обоих, их слова и взгляды. Все в поведении братьев Браадес вызывало беспокойство. Под утро Эсма задремала. Ей снились чудовища с лицом Акрайса Вакерса, темный подвал, кровь, цепи. Она проснулась в холодном поту от хлопка двери. Вздогнула, увидев в комнате Леско. Эсма не встречала его около месяца и не готова наблюдать каждый день.

– Одевайся, – скомандовал Браадес-старший.

Девушка спорхнула с кровати, прикрываясь одеялом, схватила вещи, быстро натянула на себя, не упуская Леско из виду. Тот облокотился спиной о стену, скрестил руки на груди. Лицо его украшал крупный синяк. От взгляда темных, как у Риккоса, глаз, хотелось забиться в угол.

– Где Рик? – стараясь сохранить самообладание, спросила Эсма.

– Он занят. Тебя буду сопровождать я.

– Куда?

– Увидишь.

– Я никуда с тобой не пойду.

Девушка отступила, насколько позволяло пространство маленькой комнатки. Сердце бешено забилося в предчувствии беды.

– По-моему, ты забыла, кем являешься, солдат хистрийской армии.

От его слов внутри все похолодело. Выстраиваемый неделями безопасный мир треснул, явив ей прошлое и поступки, совершенные в настоящем. У Эсмы потемнело в глазах.

– Я больше не солдат, – выдавила она. – Я...

– Жена Риккоса? – мягко подсказал Леско.

На его лице отразилось сочувствие, что окончательно сбilo девушку с толку. Она нашла в себе силы молча кивнуть. Не дождавшись реакции, она добавила:

– Леско, я люблю его.

– Знаю, – кивнул Браадес. – Потому и пришел. Рик утром уехал в другой лагерь, я отвезу тебя к нему.

– Я тебе не верю. Он бы мне сказал.

– Его вызвали внезапно.

Беспредельная мягкость лагробца не укладывалась в голове. Эсма ощущала кроющийся где-то подвох. Леско что-то увидел в ее поведении и сменил тактику. Ей нужно понять, где ложь, а где правда.

– Ты врешь. Я не выйду отсюда. Там... – она сглотнула, – опасно для меня.

– Все будет хорошо.

Он сделал шаг. Еще один. Эсма вжалась в стену, ища глазами оружие. Прыгнула, чтобы повалить на лагробца полку с книгами, но не хватило сил, а Леско перехватил ее за запястья и потащил к выходу.

– Нет! Нет! Пусти!

Она извивалась, пинаясь, старалась выдернуть руки. Оказавшись за порогом спасительной комнаты, девушка заплакала, укусила Браадеса. Тот ойкнул, отпустил одну руку, Эсма вцепилась зубами во вторую, царапаясь и стараясь пнуть мужчину в пах. От его оплеухи зазвенело в ушах. Девушка замерла.

– Ты что творишь, дуреха? – Леско встряхнул ее. – А ну успокойся! Ты не на прогулке, ты в военном лагере.

– Пожалуйста, пусти, – прошептала Эсма, слизывая кровь с губ. – Я боюсь выходить, я хочу к Рикку.

Леско покачал головой. Достал веревку, связал девушку по рукам и ногам. Она не сопротивлялась, только жалобно смотрела на него. В последнюю очередь он завязал ей рот и глаза, взвалил на плечо. Пока нес одеревеневшую от страха девушку через лагерь, ловил на себе удивленные взгляды сослуживцев. Похоже, теперь им будет что обсудить в перерывах. Он уложил Эсму в телегу, уселся рядом и скомандовал вознице ехать. Лошади бодро зашагали по утопанной грунтовке, лагерь стал медленно удаляться. Когда он скрылся за поворотом, Леско выдохнул, откинувшись на борт телеги. С начальством он все уладил, а вот Риккос бы не одобрил поступок. Но на то Леско и старший брат, чтобы действовать во благо младшего, даже когда тот не согласен.

– Что, отослали ее наконец? – поинтересовался солдат-возница. – Давно пора, некоторые солдаты уже слюнями изошли.

– Главное, чтоб не подавились, – буркнул Леско, давая понять, что не в настроении разговаривать.

– А Вакерса ты куда дел? – не унимался собеседник. – Тебя же приставили за ним приглядывать.

– Я перепоручил его другим, – ответил Браадес, краем глаза наблюдая, как Эсма навестила уши.

– Ха! Он всех уже достал, чесслово. Мне никогда не нравилось, что в армию набирают преступников. Твой брат молодец – отправил ублюдка подальше, мы хоть передохнули. А как красиво он сделал-то! Кто не в курсе, до сих пор думает, что он девчонок спас. Но мы-то знаем, что он нападение Акрайса и подстроил.

– Она все слышит, – предостерег Леско, но солдат лишь пожал плечами.

– Да пусть слышит, все равно по-нашенски не понимает. Рик же ее только трахал, а не языку учил, он сам говорил, что эта потаскуха только хистрийский знает. Он-то здорово с ней выучился балакать. В перерывах между...

– Заткнись уже, – повысил голос Браадес-старший. – Кто тебя учил распускать язык в присутствии противника?

– Какой из нее противник? – растерялся солдат. Он развернулся, оглядел лежащую на полу телеги связанную девушку. – Подстилка солдатская она, вот кто.

Леско схватил его за черный шерстяной мундир и, нахмурившись, посмотрел в глаза:

– За дорогой следи.

Наступила желанная тишина. Спустя час или чуть больше солдат снова подал голос:

– Как думаешь, то, что она Рик уложила, поможет победить хистрийских ублюдков?

– Возможно, – нехотя ответил Браадес. – Рик перепроверил данные, так что нет основания сомневаться в их правдивости. Теперь все зависит от высшего командования.

– Хорошо бы. Так охота вернуться домой, к жене. Ты женат, Леско?

– Нет. Не до того последние годы было.

– Это уж точно. Я-то еще юнцом зеленым женился, у нас двое деток. Скучаю – жуть.

– Надеюсь, скоро к ним вернешься. Когда там лагерь?

– Да подъезжаем, подъезжаем. Ох молодец все-таки Рик, такую авантюру провернул и с чистыми руками остался. Знаю, у нас есть умельцы, но у меня бы рука не поднялась девушку пытаться, чтобы что-то разузнать. А он, хоть и долго копался, выудил много полезного.

Эсма вычленила из речи солдат знакомые слова, которых оказалось больше, чем она могла вообразить. Чтение лагробских книг и подслушивание разговоров принесли плоды. С трудом продираясь через тяжеловесные нагромождения звуков, Эсма стремилась понять язык, чтобы порадовать Риккоса. В итоге знания пригодились совсем в другой ситуации.

Ее мучило от того, что обсуждали Леско и его собеседник. Она не верила, что Рик способен на такую подлость. Он ведь ни о чем не спрашивал, она сама все ему рассказала. Какой же душой она оказалась, съехидничал внутренний голос. Эсма не поняла дословно разговор лагробцев, но мысль о том, что Браадес-младший ее использовал для получения данных о хистрийской армии, уловила четко. Внутри обида сливалась со страхом неизвестности, а боль от предательства лишала сил. Все, что девушка могла, это лежать и слушать грубые мужские голоса, выуживать из них то, что било по сердцу вернее ножа.

Телега, скрипнув, остановилась. Леско прыгнул, взвалил пленницу на плечо. К нему поспешил офицер. Браадес передал ему бумагу с печатью и буркнул:

– Надо временно разместить пленницу. На недельку, максимум две.

– Понял, – кивнул тот, пробежав глазами по документу. – Пошли, у нас есть местечко.

– Вы уж с ней помягче, – тихо попросил Леско. – Она очень... полезная. И ее планируют обменять.

– Да нормально все будет, – поморщился офицер. – Что мы, звери какие?

Он открыл похожее на сарай строение, придержал дверь, пропуская Леско. Браадес осторожно усадил Эсму на топчан, снял повязку с глаз. Сумеречный свет после полной темноты показался девушке слишком ярким, она заморгала и уставилась на Леско. Он освободил ей руки, присел на корточки, взялся за путы на щиколотках. Эсма избавила рот от повязки, дрожащим голосом произнесла:

– Умоляю, верни меня к Рик. Не оставляй здесь. Мне страшно.

– Тебе ничего не угрожает, – Леско справился с узлом, размотал веревку. – Поверь, так будет лучше. Для вас обоих.

– Ты не понимаешь...

– Эсма, я все понимаю лучше тебя, – Леско нахмурился и сжал могучие кулаки. Девушка спрятала лицо в ладонях. Он продолжил мягче. – Со временем произошедшее забудется, как страшный сон.

Офицер раздраженно окликнул Браадеса, тот повернулся, сказал что-то в ответ. Они не смотрели на нее. Эсма толкнула Леско, тот приземлился на копчик, удивленно выдохнув. Она бросилась вперед, смела растерявшегося офицера и бросилась прочь. Неважно, куда, лишь бы подальше, бежать вперед, скрыться, чтобы не нашли. Позже она сориентируется, найдет Рика, вернется к нему. Сейчас главное – не дать себя поймать, а потом она сумеет все исправить.

Боль обожгла поясницу, шаг сбился. Эсма усилием воли заставила себя продолжить движение. Еще один цветок боли распустился ниже лопатки, ноги сами собой замедлились, во рту разлился привкус металла. Третий удар повалил ее навзничь. Она почти добежала. Еще бы чуть-чуть – и Рик наверняка обнял бы ее, похвалил, угостил ароматным чаем.

– Кто стрелял?! – закричал Леско. – Я спрашиваю, кто из вас, идиотов, выстрелил?!

– Так это, – залепетал рядовой, пряча лук за спину. – Сбежавший пленник, за территорию бы выскочила – упустили бы.

– Далеко бы не убежала!

– Браадес, у тех, кто заступает на дежурство, есть инструкции. Ты прекрасно понимаешь, что он действовал строго в рамках...

– Да какая разница?! – Леско подошел к мертвой девушке, из окровавленной спины которой торчало три стрелы. Неприятная волна сожаления прокатилась по телу. Он не желал девочке смерти. – Как мне теперь командованию отчитываться?

«И что сказать Рику?».

– Да не переживай, вали все на меня. Я отписку сейчас составлю.

Офицер ушел, а Леско сел на край телеги, стоявшей в десятке шагов от тела Эсмы, задумался над своим положением. Он не рассчитывал, что все так обернется. Благие намерения привели его к труп.

Вдалеке послышался топот копыт. Леско поднял голову, долго приглядывался к всаднику, после чего с досадой выругался.

– Брат, не слишком ли много ты на себя взял? – еще не успев спешиться, воскликнул Риккос. – Мы договорились, что ты дашь мне еще день! Где она? Я ее забираю.

– Поздно, – буркнул Леско. Он вдруг почувствовал себя очень уставшим, будто годы войны, потеря и отчаяния грузом навалились на его плечи.

– Что... – Рик осекся, проследив за взглядом брата.

Он медленно, еле переставляя ноги подошел к распластанной на земле Эсме, повернул голову, чтобы увидеть лицо. Смотрел долго. Солдаты, собравшиеся вначале полукругом, разбрелись по своим делам. Риккос опустил ей веки. Встал, когда подошли офицер и стрелявший паренек.

– Вот, Браадес, передашь своему начальству, – отчеканил офицер, не глядя в сторону Рика. – О трупе мы позаботимся.

– Это ты ее убил?! – Рик горой навис над лучником, отчего тот затрясся.

– Остынь, Браадес, – холодно осадил офицер. – Подумаешь, пристрелили хистрийскую шлюху.

Леско незаметно встал рядом с братом, чтобы пресечь вспышку гнева. У Риккоса раздувались ноздри, ходили желваки, но голос, когда он заговорил, звучал ровно:

– Ты прав. Всего лишь очередная хистрийская шлюха. Поехали, Леско, нам еще отчет командованию писать.

Он развернулся и спокойно пошел к лошади. Только старший брат заметил, как у него побелели костяшки на сжатых кулаках.

* * *

– Ирсора, сколько можно? Я купил тебя по дешевке, потому что ты не знаешь лагробский язык. Только вот теряю из-за тебя гораздо больше, чем сэкономил. Тебе не стыдно?

Она сплюнула кровь господину под ноги. Раб по команде надавил ей на плечо, где еще не зажило клеймо. Ирсора закричала, вырываясь из сильных рук двух мужчин-рабов. Те держали крепко, наученные горьким опытом. Господин Пласор, пожилой невысокий лагrobeц с маленькими глазками, широким ртом и выпирающим животом, из-за которых ассоциировался с жабой, смотрел на происходящее со скучающим лицом. Он размышлял, как еще проучить неумную мьернку. Дождавшись, пока девушка успокоится, он вкрадчиво произнес:

– Когда господин задает тебе вопрос, ты обязана отвечать. Я знаю, мой хистрийский достаточно хорош, чтобы ты его понимала.

– Мне не стыдно, – она сглотнула, скривила разбитые губы. – Могу продолжать бесконечно.

Господин Пласор кивнул рабу, тот снова ткнул пальцем в рану, заставив Ирсору замыкать сквозь крепко сжатые зубы.

– Мое терпение не безгранично. Тебе пора смириться со своей участью. Несгибаемых рабов ломают. Отведите ее к Сузане.

Рабы грубо подтолкнули Ирсору к выходу из амбара, где последний час ее избивали. Владения Пласора простирались так далеко, что объезжать их господину приходилось в карете. Для удобства у него имелось несколько домов, раскиданных по территории. Там он проживал, проверяя работу смотрителей, которые обитали в постройках поменьше и следили за тем или иным участком. Так уж неудачно сложилось, что после очередной попытки сбежать Ирсору поймали именно тогда, когда господин посетил участок, на который отрядили мьернку.

– Кто у нас тут? Ирсорочка? – засмеялась Сузана. – Какой уже раз, третий?

Молоденькая целительница получила клеймо рабыни, будучи ребенком. Ее семья продала девочку за долги, не представляя, какую ценность та представляла. Дар открылся позже, а дорога к свободе по лагробским законам закрыта для нее навсегда. Благодаря магическим умениям она обладала привилегиями, а на обычных рабов поглядывала со снисхождением. В другой ситуации Ирс оценила бы умение магички выворачивать сложившуюся ситуацию себе на пользу, но сейчас целительница с презрением смотрела на нее саму, отчего внутри закипала злость. Сузана напоминала Иргоре Алишу, рабыню Астерда, которая по его приказу стравливала и подставляла рабов медвежьего племени. Оттого становилось тошно при взгляде на лагробскую целительницу с большими зелеными глазами, сидящую на столе и беззаботно болтающую ногами. Воспоминания о прежней жизни, в которой Ирсора была дочерью ярла, а не клейменной рабыней, больно кололи сердце.

– Третий, – ответила мьернка.

На самом деле, четвертый, но никто не считал, что она пыталась сбежать, еще будучи свободной. Месяц назад Леско Браадес привез ее, связанную по рукам и ногам, в торговый дом. Солдат предупредил, что девушка говорит только по-хистрийски, потому поиск покупателя для исхудавшей пленницы усложнился. Она вела себя смирно, не привлекала внимания, потихоньку ослабляя узлы веревки на щиколотках. Леско, получив деньги, тут же уехал, а торговцы обращали на нее мало внимания.

Вечером того же дня на Иргоре решили поставить рабское клеймо. К ней приблизился грузный мужчина с металлическим прутom, на конце которого светился красным раскаленный

круг с двумя перекрещенными волнистыми линиями. Ноги к тому времени она уже развязала. Ирс пнула в пах подошедшего и бросилась бежать. Вокруг что-то кричали на чужом языке. Она успела выскочить на улицу, перебежать дорогу, чуть не угодив под копыта запряженной в карету лошади, нырнуть в переулочек. Там ее догнали, схватили, утащили обратно. Измотанная пленом и голодом, с одеревеневшим от пребывания в путах телом, она еле нашла в себе силы на сопротивление, которое быстро пресекли парой ударов.

С нее сорвали рубаху, прижали грудью к лавке, держа по рукам и ногам. А потом мир разорвался болью в плече – кожа плавилась под раскаленным клеймом. Как только металлический кругляш убрали, ожог окатили ледяной водой со слабым запахом уксуса. Сознание пронзила новая вспышка боли, Ирсора потеряла сознание.

Очнувшись она в клетке, пол которой устилала влажная солома. Запах плесени и трав ударил в нос, плечо пульсировало, словно внутрь поместили кусок тлеющего угля. Она расстегнула рубаху, аккуратно обнажила место ожога. Кто-то наложил повязку с густой пахучей мазью. И коротко отстриг Ирсоре волосы. Вместо длинной косы остались неровные пряди, едва достигающие до середины шеи. После стольких лет борьбы девушка ощутила себя поверженной.

В темноте слышались шаги, работник торгового дома зажег магические светильники. Он вел покупателя вдоль клеток с притихшими рабами. Ирс подняла голову и столкнулась взглядом с мелкими прищуренными глазками господина Пласора.

Он купил ее и троих рабов-мужчин. До обширных владений господина их везли в повозке несколько часов привязанными друг к другу. По прибытии дали вымыться в пруду, переодеться в чистое и поесть. Ирсора обрадовалась возможности освежиться, хотя три пары глаз прожигали ее худое тело. Она старалась не обращать внимания на моющих вместе с ней мужчин и не намочить повязку на плече. Облачившись в серую грубую ткань, девушка выдохнула с облегчением.

Тем же вечером она попробовала сбежать. Тогда узнала, что охрана Пласора не зря получает свою плату – ее схватили и отходили палкой в паре десятков шагов от барака, где спали рабы. После она познакомилась с Сузаной – один из охранников сломал Ирсоре руку. Молоденькая рабыня, которую подняли с кровати посреди ночи, с мьернкой не церемонилась. Как только белые искры сорвались с ее тонких пальцев, Ирс осознала, насколько бережно ее лечили в военном госпитале Хистрии. Девчонка, не стесняясь, тянула из Ирсоры силу, сращивая кость, отчего боль ослепила и оглушила мьернку, вновь погрузив ее сознание во тьму.

Ирсору отправили на сбор урожая. Неделью она изучала распорядок дня рабов и охранников, после чего предприняла новую попытку сбежать. На этот раз ей удалось отбежать гораздо дальше, последующее наказание оказалось гораздо жестче: ее привязали к столбу и секли плетью, пока спина не превратилась в кровавое месиво. При каждом взмахе охранника Ирсора молила Предков ниспослать ей спасительное забытье, но ее молитвы остались не услышанными. Предки остались далеко за морем, в Мьерне, где когда-то жила дочь Игреда Полумесяца, смелая воительница медвежьего племени. Привязанная к столбу, в изодранной рубахе, пропитавшейся кровью, с рабским клеймом на плече, девушка не походила на гордую мьернку. Она вспоминала то время, словно сон, который приснился ей в горячечном бреду.

После того, как охраннику надоело хлестать Ирсору, ее отвязали и принесли Сузане. Ирс узнала, что та говорит по-хистрийски – целительница обозвала ее душой. Во второй раз Сузана пожалела мьернку, лечила не столь агрессивно: мягко подтолкнула тело к восстановлению, влив достаточно дара, после чего наложилась повязки и оставила девушку у себя на пару дней отдыхать. Ее едкие замечания были первыми словами, которые Ирсора поняла, до того приказы и инструкции ей давали жестами. Сузана в своей снисходительной манере объяснила пациентке, что во владениях Пласора следует вести себя смирно, стоит забыть о прошлой жизни. Сбежать от него невозможно. А новые попытки приведут к худшим последствиям.

В третий раз Ирсора была осторожна. Она отвлекла внимание охраны, проскочила мимо постов, оставила вместо себя чучело, чтобы издалека казалось, будто она на своем рабочем месте – роется в земле, выкапывая незнакомые корнеплоды. Бывшая воительница действовала хитро, продумала действия на много шагов вперед. Поймали ее на границе территории, введенной ее смотрителю. Теперь она, избитая, в третий раз оказалась в домике Сузаны, где та лечила хворых и раненых рабов.

– Вот же дура, – привычно ворчала целительница, осматривая тело Ирсоры, на котором живого места не оставили. – Ну зачем, зачем? Посмотри на себя! Кожа да кости, так еще и ребра треснутые. Одни убытки от тебя.

Белые искорки закружились вокруг пальцев Сузаны, Ирсоре стало легче дышать – боль, окружившая грудь тесной клеткой, отступила. Девушка сняла с плеча мьернки повязку, осмотрела, недовольно забормотала лагробские ругательства. Наноса пахучую мазь и заново перевязывая ожог, она перешла на хистрийский:

– Береги плечо. Мне запрещено трогать клейма магией, они должны заживать сами. Чтобы боль напоминала о твоём месте. Только с тобой это почему-то не работает. Может, не лечить тебя вовсе? Сил на глупости не останется.

– На побег мне сил всегда хватит, – буркнула Ирс и охнула от чувствительного тычка в живот.

– Думаешь, я шучу? Ты до сих пор кони не двинула только благодаря моей магии. Я исцеляю таких, как ты, не из жалости, а чтобы скорее возвращались к работе. Если ты станешь бесполезна, тебя продадут еще кому-нибудь. И кто знает, какие будут условия у нового хозяина.

– Не учи меня, я прекрасно понимаю логику рабовладельцев. Только почему ей следуешь ты? – Ирсора поморщилась, глядя на открытое плечо Сузаны, где белел шрам в виде круга с пересеченными волнистыми линиями. Целительница не скрывала его, носила напоказ, как воины носят с гордостью символы победы. – Ты для Пласора такая же вещь, как остальные.

– Я дорогая вещь, – холодно ответила девушка, вздернув нос. – Не сравнивай меня с собой. Я понимаю правила игры и умею вести себя.

– А почему ты не боишься? – мьернка посмотрела на дверь домика. – Охраны у тебя нет, а рабы могут напасть...

Она не успела договорить – Сузана рывком столкнула ее со стола и пнула под ребра. От второго удара Ирс с трудом увернулась, перекатилась, оказавшись у стены. Магия действовала сносно, ушибы после избиения заживали, но падение оказалось болезненным. Ирсора, тяжело дыша, оперлась на теплое дерево стены, пытаясь подняться. Сузана встала над ней и зажгла в одной руке магический огонь, а в другой синими искрами заплескали капли воды.

– Ты как Калеб, – удивленно выдохнула Ирс, не отводя взгляда от желтоватого пламени. – Ты универсал...

– Да. Я могу постоять за себя – отлично владею даром. Стоит рабу только рыпнуться, выжгу ему глаза, – Сузана погасила магию. – Вставай, мне надо закончить лечение.

– Маг твоего уровня мог бы...

– Не мог, Ирсора, – огрызнулась целительница. – Однажды получив клеймо, ты не станешь свободным человеком.

– В Мьерне хозяин может освободить раба. А в Хистрии...

– Не говори мне про Хистрию, – покачив головой, Сузана взялась за последний этап исцеления. От белого свечения неприятно зудело под кожей. – Они кричат об отмене рабства, а сами разоряют и жгут деревни, захватывают города, казнят всех без разбору, а потом держат в страхе захваченные территории. Думаешь, я тупая? Я хоть и малолетняя рабыня, но прекрасно понимаю: если сюда придет Хистрия, не поздоровится в первую очередь тем, кто носит клеймо. Нас перестанут содержать. И вообще, скорее всего, мы умрем еще до освобождения. Все, иди. Радуйся, что легко отделалась. Порядок ты знаешь: сначала к смотрителю, потом на работу.

Ирсора кивнула и вышла из уютного домика рабыни. Ее немного лихорадило после лечения. Сузана всегда исцеляла ровно настолько, чтобы устранить серьезные травмы, но не избавиться от последствий наказания, потому синяки и ссадины болели, а на спине бывшей воительницы прибавилось шрамов от кнута, стянутых буграми наросшей кожи. Стараясь держать спину ровно, она отчиталась перед смотрителем, что готова вернуться к работе. Ее отправили на ближний участок выкапывать корнеплоды.

Обширное хозяйство Пласора включало поля пшеницы, яблоневый сад, бесконечные грядки ягод и овощей, конюшни, многочисленные стада овец и коров. В его владениях изготавливали муку, сидр, сыр и масло, он поставлял на продажу мясо, шерсть, кожу, бочки с засоленными огурцами и квашеной капустой. Работы хватало: приходилось вскапывать, сеять, полоть, поливать, собирать, кормить, дробить, доить, взбивать, носить, резать, точить, мочить, пилить, убирать... Весь тяжелый, монотонный труд доставался рабам, свободные в основном следили за четким исполнением приказов. Смотритель каждый день отряжал невольников на те или иные работы, а в конце дня подручные докладывали ему об успехах.

Ирсоре достался участок с грядками, потому что только там смотритель сносно говорил по-хистрийски. Бывшая воительница терпеть не могла копаться в земле.словно издеваясь, ее отправляли вытаскивать, очищать от грязи корнеплоды разных форм и расцветок. Недавно прошел мелкий дождь, в гроздях коричневых кругляшей застревали комья земли, приходилось руками выбирать из волокон холодные влажные ошметки, воняющие перегноем. За неприятным занятием мысли Ирсоры унеслись в Мьерн, к славным денькам, когда ее заботила только острота меча. Второй раз за день она вспомнила о Калебе, вечно потирающем ошейник и одергивающем рукав, чтобы прикрыть татуировку медвежьего племени. По крайней мере, его не заставляли копаться по локоть в грязи. Юноша, хоть и не сразу, но смирился со своей участью. Ирс не понимала, как у него получилось. Ее раб не был лишен внутреннего огня, часто дерзил, злился, за неприятными ему приказами следовали вспышки гнева и обиды. Несмотря на раздражение, Ирсора уважала его пыл, что не мешало наказывать его за такое поведение. И все же девушка не понимала, почему он ни разу не попытался сбежать. Возможно, сказалась привычка к послушанию, ведь до рабства, насколько она знала, юноша прислуживал своему наставнику. А может, именно внутренний стержень позволял ему сносить унижения, стать полезными и обрести привилегии. Смириться со своим положением, но не потерять себя. Ирс с горечью кинула очередной корнеплод в ящик. Она – не такая, как Калеб. Она не смирилась.

В сезон сбора урожая приходилось работать после заката, при тусклом свете магических светильников. Днем смотрители проверяли работу, а если вдруг раб исполнял ее недобросовестно, его ожидало наказание – пять ударов плетью. Все рабы, как один, вжимали голову в плечи, сутулились, слыша свист хлыста. Ирсора же, пережившая гораздо больше ударов, хмурилась и гневно сжимала кулаки.

Звон ручного колокольчика возвестил о конце трудового дня. Уставшие рабы медленным потоком направились к раздатчику еды за положенной миской холодной жидкой похлебки. После нужно привести в порядок себя и одежду, а потом свалиться в общем бараке спать, чтобы еще затемно проснуться от перезвона колокольчика, съесть миску похлебки и пойти копаться в земле.

Ирсора ненавидела мир, в котором оказалась. Ее выводили из себя запахи немых тел, гнилой соломы и отхожего места рядом с бараком, раздражали резкие звуки чуждой, незнакомой речи. Она злилась на себя за страх, рождающийся внутри, крепнущий при каждом щелчке кнута. Она с досадой оглядывала свое исхудавшее, ослабевшее, измотанное тело, пока оттирала его влажной тряпкой. Ее ужасала перспектива прожить так не неделю, не месяц, а всю оставшуюся жизнь, со сгорбленной спиной и потухшим, как у остальных рабов, взглядом. Она изо всех сил раздувала внутри огонь, который охранники нещадно тушили болью и унижениями.

Два дня после лечения Ирсоры не трогали, она решила, что легко отделалась. Избиение рабами, закончившееся треснутыми ребрами, впоследствии успешно вылеченными магией, и парой синяков, – это явно не то наказание, которое полагалось за третий побег. Особенно после того, как за второй побег у нее живого места на спине не осталось. Господин Пласор не покидал дом на участке, где трудилась Ирсора. Девушка не придавала его присутствию большого значения. Наверняка у него полно дел, связанных со сбором урожая.

На третий день после полудня охранник окликнул ее, пальцем указал в сторону дороги к дому смотрителя. Надежда, что о ее провинности забыли, тут же рассыпалась в прах. Бывшая воительница отложила лопату, отряхнула ладони и отправилась на встречу с Пласором. Если бы в медвежьем племени кто-то нарушал дисциплину столь дерзким способом, его бы жестоко проучили. Ирсора не могла иметь рабов и не отдавала приказы, но не раз физически наказывала провинившихся. Ей вспомнились покорно опущенные головы и поклоны, а потом в памяти всплыл обиженный взгляд Калеба, служивший ответом на оплеуху. От мыслей, вновь унесших ее в спокойное время, где все было понятно и правильно, стало тошно.

Ноги отяжелели, когда она сделала шаг по ступенькам крыльца. Охранник хмуро взглянул на нее, указал на дверь. Светловолосую бунтарку из Мьерна все знали и беззастенчиво шептались по-лагробски за спиной, понимая, что она не разбирает их речей. Охранники изъяснялись с ней жестами или ударами.

Внутри дома пахло цветами и тушеным мясом с овощами. Рот наполнился слюной, а живот скрутило от боли. Ирсора задыхалась ртом, чтобы меньше ощущать ароматы еды, робко зашла в гостиную. За столом обедали смотритель и господин Пласор. На столе стояли блюда с закусками, салатами, запеченной птицей. В корзинке лежал свежее испеченный хлеб, на отставленных тарелках господ осталось мясо, которое позже вместе с остальными объедками скормят свиньям.

Сглотнув, Ирсора вытянулась в полный рост, сложив руки за спиной, как стояла перед отцом, а позже – капитаном Бестоном. Смотритель скривил губы. Господин Пласор долго смотрел на нее. По лицу не понять, о чем он думает.

– Значит, ты еще не смирилась со своей участью, да? – спокойно поинтересовался он.

– Да, – выдохнула Ирсора, готовясь к новой боли.

– Всыпь потом Сузане три плети, – повернулся Пласор к смотрителю. – Не лютуй, но чтобы урок не прошел даром. Она слишком хорошо лечит, рабыня не успевает прочувствовать наказание.

Он специально говорил по-хистрийски, чтобы Ирсора поняла. Решил проверить ее чувство вины, только мьернку просто так не проймешь, она знакома с подобными методами. Ирса не шелохнулась. Пласор снова долго смотрел на нее, после чего заговорил так, будто объяснял ребенку элементарные вещи:

– Ирсора, тебе пора принять то, что теперь ты – моя собственность. Я купил тебя. На тебе стоит клеймо, составлен документ о твоей принадлежности к рабам. Значит, ты рабыня. Навсегда. У меня, как ты заметила, обширные владения, которые нужно содержать в порядке. Для этого я использую разные инструменты. Ты – один из них. Инструменты я тоже содержу в порядке. Ты одета, обута, накормлена. Но если какой-то из инструментов ломается, его либо чинят, либо выкидывают. Выкинуть мы всегда успеем, я предпочитаю сначала починить, – он помолчал, давая Иргоре осмыслить его слова. – Все, что мне принадлежит, связано в единый механизм. Приходится постоянно следить, чтобы каждый винтик находился на своем месте и выполнял именно те функции, которые от него требуются. Если у коровы пропадет молоко, или дерево начнут жрать короеды, или в зерне заведутся личинки хрущака, мои работники сообщат и устранят проблему. Непослушание раба – это как личинки в муке. С виду мелочь, но способно испортить продукт, отчего я понесу убытки. А за убытки, Иргора, всегда кто-то платит.

Он встал из-за стола, махнул рукой, призывая следовать за ним. Ирсора поджала губы и подчинилась. Они вышли из дома смотрителя, спустились по дороге мимо гнущих спины на грядках рабов. Столб, к которому ее привязали в прошлый раз, остался позади. Девушка испытала облегчение. Пласор шел вперед прогулочным шагом, не оборачиваясь. Он знал, что она не отстает. Ослушаться сейчас – слишком глупо и мелко, а наказание будет несоразмерным.

Господин и рабыня добрались до выстроенных в ряд сараев с хозяйственным инвентарем. Рядом стояла телега с запряженной лошастью, вокруг нее прогуливались два крупных раба с повязками на плечах, выполняющие роль охранников в наиболее грязных, неприятных делах вроде избиения кулаками худой безоружной девушки. Невольников Ирсора вычисляла быстро. У сарая стоял надзиратель с кнутом. Он криво ухмылялся, поглядывая на продолговатый ящик, которого раньше возле сараев не было. Пласор махнул рабам и повернулся к мьернке:

– Вытяни руки, – он дождался, пока она выполнит приказ, рабы свяжут ей щиколотки и запястья, после чего широкий рот с тонкими губами тронула еле заметная улыбка. – Я слышал о твоих нарушениях и крайне недоволен. Но я великодушен. Предлагаю тебе последний шанс. Прямо сейчас ты встаешь на колени, целуешь мой сапог и забываешь о побеге, о любых нарушениях дисциплины. А потом возвращаешься к работе. Со временем выучишь лагробский язык и превратишься в примерную рабыню, готовую на все ради хозяина. В противном случае тебя ждет наказание. Что ты выбираешь?

Ирсора скривилась и, глянув на сапоги Пласора, хмыкнула:

– Наказание.

Господин в ответ притворно вздохнул. Дал знак двум рабам. Они подняли извивающуюся змеей девушку и уложили в ящик. Ирс ударилась затылком о деревянное дно. В голове всплыло воспоминание, как Калёб рассказывал про ритуал прощания с мертвыми на его родине. Тогда Ирс не представляла, что такое гроб, а сейчас осознала, что он слишком похож на место, где она оказалась. Ирсора зашипела, словно кошка, попыталась сесть, но один из рабов придержал ее за плечи, надавив на пульсирующее тупой болью клеймо. Пласор встал рядом и сказал:

– Несколько дней назад в моем амбаре обнаружили паразиты – мучные личинки. Пришлось осмотреть все мешки, просеять муку, перебрать зерна. Эти малютки прибавили мне проблем и убытков. Прямо как ты. Я решил, что вам стоит познакомиться.

– Что? – Ирсора непонимающе нахмурилась.

По команде рабы достали из телеги два мешка и высыпали содержимое в ящик с Ирсорой. Она услышала сухой шелест, решила, что ее засыпали песком. Через мгновение волна омерзения прокатилась по телу, Ирс затрепыхалась под шевелящимся покрывалом. Покрытые хитином личинки длиной в полпальца безостановочно перебирали маленькими лапками, ползая по коже и одежде. Девушка поднялась было, но сильные руки толкнули ее обратно, кто-то накрыл ящик крышкой, отрезав Ирсору от внешнего мира. Она закричала задвигалась, чтобы раздавить мерзких насекомых. Пространства хватало лишь поднять к лицу сложенные на груди руки. О том, чтобы повернуться на бок или сбросить с себя паразитов, не было и речи – слишком тесно.

Ирс попробовала поднять крышку, но ее прижали сверху чем-то тяжелым. Сквозь мелкие щели в ящике она не могла ничего разглядеть, зато их хватало, чтобы не задохнуться и видеть, как сотни личинок двигаются по складкам одежды. Девушка замерла, соображая, что делать. В наступившей тишине сухой шелест маленьких лапок и поскрипывание жестких телец, трущихся друг о друга, стали невыносимыми. Ирсора вновь задержалась, под ней с влажным треском лопнуло несколько личинок, насквозь пропитав рубаху слюзью. Мьернка подавила приступ тошноты и поняла, что обмочилась. Тело сотрясало от мерзости, безостановочное копошение спутывало мысли, заворачивало их в клубок, из которого торчали коричневые хвосты.

– Уйдите, испаритесь, пропадите, – проговаривала Ирс по-мьернски, чтобы заглушить шелест сотен, тысяч насекомых, исследующих ее, словно новое место обитания. – Пусть это обернется сном. Предки, молю вас, пусть это окажется сном...

Ощутив цепкие лапки на животе, Ирсора панически забилась, надеясь вытряхнуть мелких гадов из-под одежды, но сделала только хуже – они расползлись по всем направлениям, в том числе к шее, к голове, к лицу. Они забирались на лоб, щеки и подбородок. Ирсора остервенело сметала их ладонями, насколько дотягивались в тесном ящике связанные руки. Постоянная возня в коротких волосах, на животе, груди и бедрах сводило с ума. Мокрые штаны не спасли ноги от нашествия паразитов. Ирс оставалось радоваться, что они лишь ползали, не стремясь забраться внутрь через уши, нос и прочие отверстия.

В ящике смердело мочой, гнилью, сухим, пыльным запахом хитиновой кожицы, перемешавшимся с кисловатой вонью раздавленных насекомых. Ирсора то замирала, чтобы перевести дух, то принималась смахивать мерзких тварей со щек, губ и шеи. Временами она зажимурилась, представляя, что находится где-то далеко, но мысли прерывались, когда мягкие тельца сползали по векам.

Бесконечное шуршание, постоянное щекочущее шевеление не давали расслабиться ни одной мышце. Ирсора не знала, сколько провела в ящике. Она охрипла от криков, поставила себе несколько синяков, пытаясь пробить деревянную стенку, от напряжения у нее дрожали губы, а по вискам солеными дорожками текли стыдные слезы. Из щелей больше не проникал свет, узкий мир, ограниченный стенками ящика, погрузился в живую, шевелящуюся тьму. Не осталось сил сражаться с мерзкими насекомыми, Ирсора лишь дрожала от омерзения, пока личинки путешествовали по ее телу.

– Пожалуйста, – в отчаянии прошептала она, – пожалуйста, спасите меня. Предки... Калек, спаси меня. Прошу...

Никто не пришел на зов. Она еще долго лежала, обессиленная, изможденная. Глаза закрывались, организм требовал отдыха, которого не позволял постоянный зуд. Где-то за гранью мира, за шелестом и поскрипыванием слышались голоса. Вот она, грань, за которую Ирс провалилась. Она сошла с ума, стала слышать то, чего нет. Ничего не реально, кроме ящика и копошащихся в волосах насекомых. Мира из прошлого больше не существует.

Кто-то снял крышку, над Ирсорой разлилось серое ночное небо с редкими проблесками звезд. Она вдохнула свежий воздух, голова закружилась. Чьи-то сильные руки вытащили ее из ящика, срезали путы, хорошенько потрясли, словно одежду после стирки. Ирс опустила голову и в свете фонарей наблюдала, как с нее сыплются личинки, сваливаясь с кожи, одежды, волос. Она согнулась, ее вырвало вязкой жидкостью – желудок был пуст, во рту остался едкий привкус желчи.

Почувствовав щекотку на коже, она принялась смахивать с себя личинок, но зуд не пропал. Она стянула через голову рубаху, вылезла из штанов, била себя по тем местам, где ощущала шевеление мелких лапок, запускала пальцы в волосы, жалея, что ее не обрили налысо. Она все еще слышала шелест хитиновой кожи, стряхивала с себя паразитов, но они никуда не пропадали, оглушая ее шорохом тысяч тел.

Ее окатили ледяной водой. Она упала на землю, свернулась в трясущийся комочек. Отфыркавшись, облизав губы, а потом и ладони, Ирсора немного пришла в себя. Шорох насекомых стал тише. Она обнаружила себя голой на земле, в окружении нескольких ухмыляющихся мужчин. Мьернка, прикрывшись, подтянула к себе раскиданную одежду. Она торопливо потрясла рубаху, ощущая на влажной коже холод и чужие взгляды. Помедлив, натянула штаны. В нос ударила вонь пережитых страха и позора.

– Ты изменила свое решение, Ирсора? – спросил ровным голосом господин Пласор.

Ирс бросила взгляд на ящик, дно которого покрывал шевелящийся светло-коричневый ковер. В свете фонарей, которые держали рабы, мучные личинки матово блестели. Девушку

вновь замутило, когда она посмотрела вниз и увидела извивающиеся тельца на земле вокруг себя. Не вставая с колен, опустив голову, содрогаясь всем телом, она на четвереньках проползла несколько шагов. Слезы застили глаза, она видела только размытые пятна. Над головой слышались тихие насмешки на языке, которого она не знала.

Ирсора остановилась. Не поднимая головы, нагнулась и приникла губами к сапогу хозяина.

Ча

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.